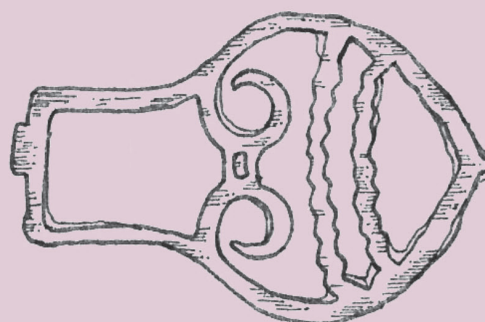
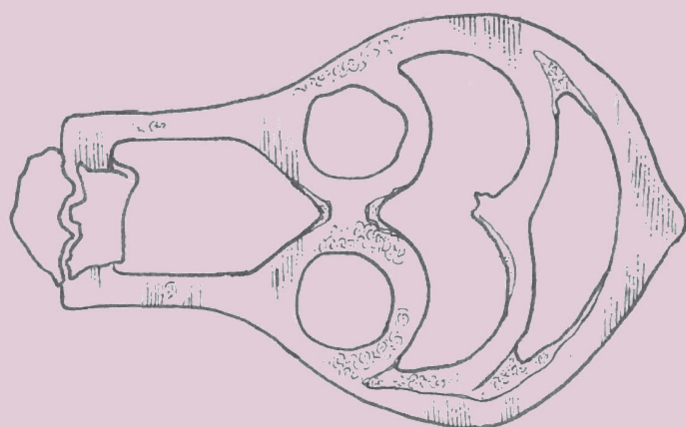
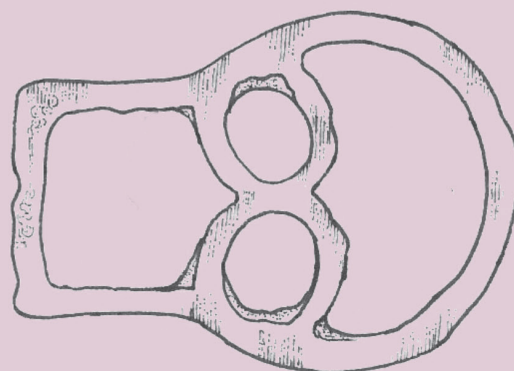
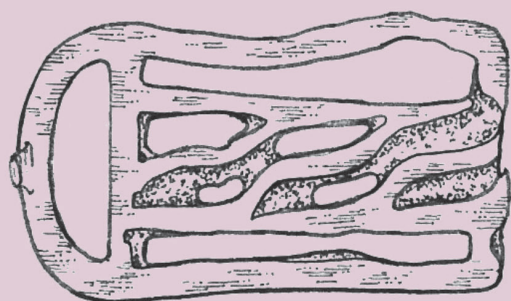

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск XI

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск XI

Красноярск
СФУ
2023

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.442(253)
Д730

Р е ц е н з е н т ы:

А. В. Харинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского государственного технологического университета;

З. Ю. Жарников, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в археологии и истории Сибирского федерального университета

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я: П. В. Мандрыка, доктор исторических наук (ответственный редактор); К. В. Бирюлева; Е. В. Акимова, кандидат исторических наук

Д730 Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Вып. XI. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. – 120 с.

ISBN 978-5-7638-4829-8

В очередном выпуске сборника собраны статьи по археологии Красноярской и Ачинской лесостепи, Минусинской котловины, Нижнего Приангарья и Омского Приишимья. В них отражены проблемные вопросы и новые материалы об истории науки, каменном, бронзовом и раннем железном веке, Средневековье и антропологии.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историческим прошлым народов Северной Азии.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.442(253)

ISBN 978-5-7638-4829-8

© Сибирский федеральный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Акимова Е. В.

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВТОРОГО КОРОВЬЕГО ЛОГА
(ВОЕННЫЙ ГОРОДОК) В КРАСНОЯРСКЕ: ИСТОРИЯ ДЛИННОЮ В ВЕК 4

Арефьев А. Е., Сенотрусова П. О.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АЧИНСКИХ ГОРОДИЩ 17

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О.

ЖИЛИЩЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПОСЕЛЕНИИ ЕЛЬЧИМО-1 В НИЖНЕМ
ПРИАНГАРЬЕ 31

Сяосяо Юй

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ ТЕПСЕЙ 44

Сенотрусова П. О.

БРОНЗОВЫЕ АЖУРНЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПИНЧУГА-6 65

Фокин С. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ СО СКАЛЫ ТАКМАК 73

Дедик А. В.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ 82

**Бирюлева К. В., Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Баташев М. С.,
Скобелев С. Г., Комарова О. С.**

ПОСЕЛЕНИЕ АЙКАНКА В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 95

Комарова О. С.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ Д. ИРКИНЕЕВО 110

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ 118

Е. В. Акимова

Институт археологии и этнографии
СО РАН, г. Новосибирск
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВТОРОГО КОРОВЬЕГО ЛОГА (ВОЕННЫЙ ГОРОДОК) В КРАСНОЯРСКЕ: ИСТОРИЯ ДЛИННОЮ В ВЕК¹

Аннотация. Первая позднепалеолитическая стоянка в верховьях Второго Коровьего лога, получившая название «Военный городок», была открыта в 1911 г., вторая, под тем же названием, но в устье лога, – в 1919 г. В первой половине XX в. вторая стоянка неоднократно обследовалась красноярскими археологами Г. П. Сосновским, Н. К. Ауэрбахом, В. И. Громовым, при участии А. Я. Тугаринова и А. Л. Яворского, и австрийским археологом Г. Мергартом. Небольшие раскопки Военного городка производились в 1919 и 1927 гг. Источниками по изучению истории Военного городка служат архивные документы (полевые дневники, письма, протоколы совещаний), позволяющие корректировать и уточнять официальную историю памятника, отраженную в кратких публикациях 1920–1940-х гг. На сегодняшний день все археологические коллекции стоянок Военного городка утеряны. Анализ имеющейся информации позволяет высказать предположение, что Военный городок (раскопки 1919 и 1927 гг.) относится к группе кокоревских памятников палеолита Среднего Енисея. В 2012 г. стоянка в устье лога была почти полностью уничтожена при строительстве нового корпуса медицинского центра.

Ключевые слова: поздний палеолит, Енисей, история археологии, охрана памятников археологии.

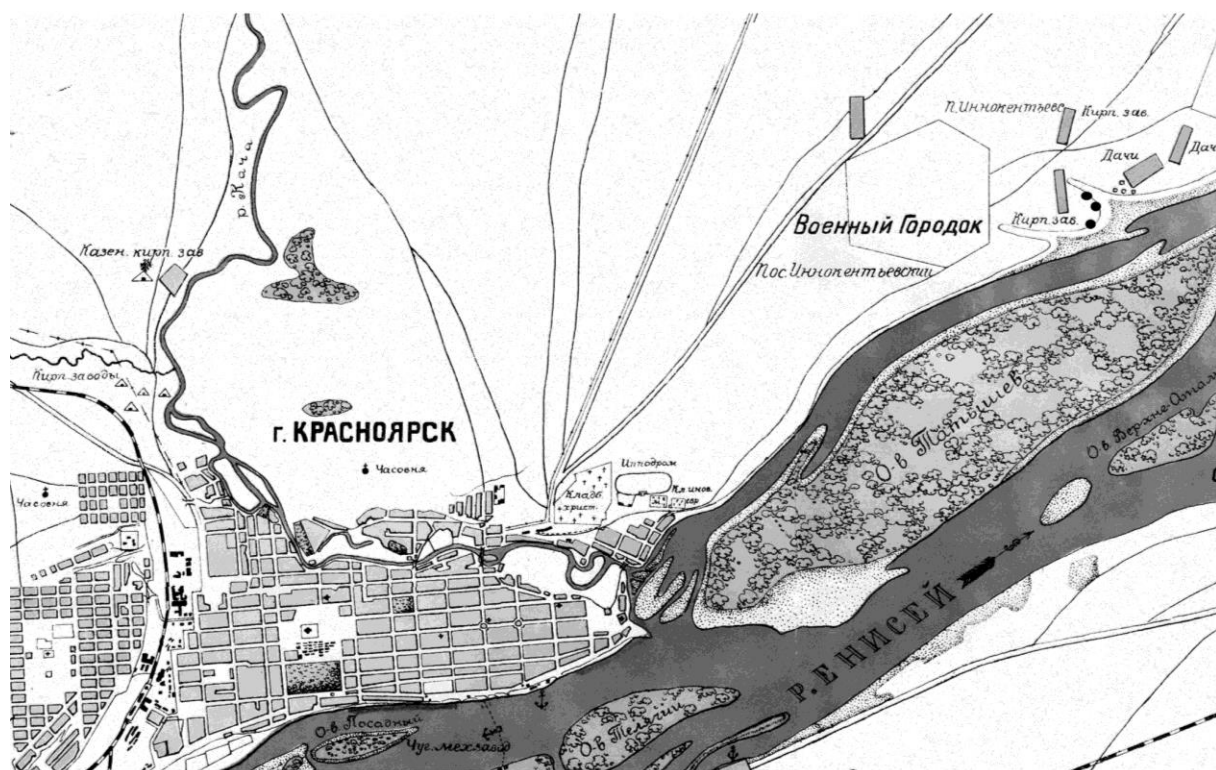
Название «Военный городок» знакомо всем исследователям позднего палеолита Средней Сибири. Открытая в 1911 г., эта стоянка (как позже оказалось – комплекс стоянок) вошла в большинство обобщающих трудов по палеолиту Енисея преимущественно как культурный и хронологический аналог Афонтовой горы II и III. За прошедшие десятилетия постепенно забылось, что специального стационарного исследования Военного городка никто не производил, что не было ни одной серьезной публикации археологического материала, да и сами коллекции давно утеряны. Но при этом стоянка, известная всем, но практически не известная никому, в течение века сохранялась почти в непо потревоженном состоянии, что для памятника археологии, расположенного в черте крупного города, было уникальной ситуацией и давало надежду на перспективы дальнейших исследований. Однако в 2012 г. памятник был полностью снесен при строи-

¹ Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (FWZG-2022-0003).

тельстве нового корпуса медицинского центра. Сегодня стоянки Военного городка, с которыми связаны имена В. И. Громова, Г. П. Сосновского, Н. К. Ауэрбаха, А. Я. Тугаринова, А. П. Ермолаева, заслуживают внимания только как эпизод из истории красноярского палеолита.

Стоянка (группа стоянок) известна в литературе под двумя названиями. Военным городком называют ее Г. П. Сосновский, В. Г. Карцов и Н. К. Ауэрбах [Сосновский, 1924, 1934; Карцов, 1929, Ауэрбах, 1929], Коровьим логом – В. И. Громов [Громов, 1948]. Как Коровий лог вошла она и в справочник Н. П. Береговой [Береговая, 1960]. Иногда встречается разделение на три стоянки или три пункта [Палеолит Енисея, 1991, с. 101]. Но если при употреблении нумерации для Военного городка можно иметь в виду участки, где велись работы в 1911, 1919 и 1927 гг., то выделение трех Коровьих логов имеет двойственный смысл: оврагов под таким названием на левом берегу Енисея действительно три, а археологический материал сосредоточен у Второго Коровьего лога.

Комплекс стоянок расположен по левому берегу р. Енисей (левый берег Качинской протоки), напротив нижней оконечности острова Татышева (рис. 1). Высота бровки V надпойменной террасы, получившей по красноярской классификации название «лагерная», имеет отметку 27,5 м [Громов, 1948, с. 333]. К внутреннему краю поверхность террасы повышается, и после легкого перегиба отметки достигают 50 м над

● пункты позднепалеолитической стоянки Военный городок (Второй Коровий Лог)

Рис. 1. Карта восточной части окрестностей Красноярска (1927 г.).

URL: <https://shoggoth24.livejournal.com/721.html> (дата обращения: 12.12.2022)

уровнем Енисея. В начале века здесь был степной ландшафт с системой древних балок, развившихся в три мощных оврага, прорезающих террасу с северо-запада на юго-восток. В 1910–1920-е гг. Второй Коровий лог достигал «кирпичных сараев» (около 400 м от бровки террасы) и проселочной дороги, вдоль которой располагались давшие название памятнику казармы 31-го Красноярского сибирского стрелкового полка (позже – лагеря военнопленных и частей колчаковской армии). Современная протяженность частично засыпанного оврага составляет около 700 м, глубина и ширина – около 20 м.

В 1911 г. А. Я. Тугаринов и А. П. Ермолаев в «выемках кирпичных сараев» на глубине 2 м нашли «культурный слой, содержащий каменные орудия примитивной обработки вместе с костями северного оленя, лошади и волка» [Тугаринов, 1915, с. 4; Сосновский, 1924, с. 3]. В последующие годы в музей и подотдел РГО неоднократно поступали сведения о массовых находках костей плейстоценовых животных в Коровьем логу. Так, крупное скопление костей мамонта было найдено крестьянином А. Д. Веречевым в 1912 г. на настолько большой глубине, что добыть их не представлялось возможным из-за угрозы обрушения (ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 55. Л. 22).

В апреле 1919 г. А. Я. Тугариновым, А. Л. Яворским и Г. П. Сосновским были осмотрены обнажения всех трех логов (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 4. Л. 29–31). В верховьях лога, где восемь лет назад А. Я. Тугаринов находил «каменные орудия», «ничего не нашли», однако «около устья II лога в лессах берега Енисея Яворский нашел несколько каменных осколков», – записывает Г. П. Сосновский в дневнике. Спустя несколько часов культурный слой с массой битого камня «на глубине 2–3 сажень» (4–6 м) в том же самом месте («в 90 шагах» – метрах в 60 правее устья лога) был выявлен и самим Г. П. Сосновским (Военный городок II – «раскоп № 1»). Земля была еще мерзлой – работали стамеской и молотком. «Нашли костяной наконечник, каменную секиру и фрагменты керамики. Но керамика не была отнесена к слою, так как камни подобны афонтовским». В заключение дневниковой записи Г. П. Сосновский указывает ориентиры: «Место находки культурного слоя находится на берегу Енисея, близ устья 2-го лога, напротив Черной сопки¹, по правую сторону от него» (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 4. Л. 29–31).

4 мая раскопки были продолжены Г. П. Сосновским, А. Я. Тугариновым, А. Л. Яворским и И. В. Тюшняковым (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 4. Л. 40). «Здесь нами были сделаны несколько обреза и проведена выемка земли» («раскоп № 2»). «Культурный слой, – записывает Г. П. Сосновский мнение А. Я. Тугаринова, – находится не на первоначальном месте и является оползнем». На вскрытой площади («около 3 сажень в длину и 1 аршин в ширину», т. е. менее 6 м²) найдены осколки кости, «каменный скребок плоской формы (большого размера) с явной ретушью и сторона бивня мамонта, точно спиленная по горизонтальной плоскости». Глубина находок не указана. «Совершенно случайно, на глубине 2–3 четверти (т. е. 40–50 см. – Е. А.) от поверхности, в гумусе удалось напасть на массу разбитых костей различных животных».

¹ Интересна ссылка на Черную сопку, расположенную более чем в 20 км юго-восточнее на правом берегу Енисея. Но, учитывая, что это только полевой дневник, можно предполагать, что перед глазами Г. П. Сосновского в этот момент просто не было других столь заметных ориентиров.

«Тут попадались и камни со следами обжига. Кроме того, были обнаружены остатки бивня мамонта плохой сохранности и найдена половина костяного кружка, сработанного из мамонтовой кости... Недалеко от этого места попадались на той же почти глубине обломки черепков... и кусочки кости, а немного дальше – кусочки угля и обломки дерева со следами воздействия огня...». Таким образом, в те дни работы велись непосредственно выше устья лога путем «обрезов» и «выемок» на разных участках. Четкой фиксации археологического материала не было, все измерения производились «на глаз», орудия, «подобные афонтовским», встречались вместе с керамикой. Но все же было выделено два уровня залегания материала: на глубине 40–60 см (в гумусе) и в пределах 4–6 м.

11 мая участие в раскопках приняли Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 4. Л. 41). Около «раскопа № 1» вскрыли «небольшую площадь» с костями и колотыми гальками. Прокопали небольшой уступ от «раскопа № 1» до «раскопа № 2». Новый выход культурного слоя, подобный выделенному в «раскопе № 1», найден «в нескольких саженьях от этого места». Из дневника Г. П. Сосновского: «Здесь попадаются также кости животных (расколотые), осколки камня и... уголь. Мне удалось проследить, как слой по дну ложбины спускается правильно вниз с краев ее... По другую сторону ложбинки Громов нашел тот же слой с подобными находками. После этого я начал копать выше VI, попался культурный слой, который находился немного выше, с каменными осколками. У ВЗ встречались прослойки угля, но камней не оказалось...». Сопоставляя описания Сосновского с наброском местности, сделанным им, и современным обликом этого же участка, можно считать, что второй выход слоя (на глубине 4–6 м) был найден ближе к устью оврага, у его южного борта.

В картотеке находок Красноярского округа, на соответствующей карточке, Г. П. Сосновский делает такую запись: «В 90 шагах выше устья 2-го Коровьего лога, в обнажениях лесса берега Енисея залегает к. с. палеолитической эпохи черного цвета... толщина его 1–2 дюйма. При пробной раскопке выходов к. с.... были найдены: конец бивня мамонта продольно расколотый, каменный скребок... обломок костяного наконечника копья... Изыскания производились в 1919 г. персоналом музея и сотрудниками» (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 306. Л. 108).

В 1924 г., подводя итоги раскопкам 1919 г., Г. П. Сосновский писал: «...был обнаружен в лессе на глубине 4 метров прослой, имевший местами темную окраску (толщина 5–7 см), содержащий кусочки древесного угля, золу, угольную пыль, расколотые кости животных, главным образом северного оленя, большое число каменных осколков, грубообитые каменные орудия, их обломки, фрагменты костяных орудий, бивень мамонта со следами искусственного раскалывания и прочее. Палеолитические остатки не образуют мощного и непрерывного культурного слоя, а группируются "гнездами"» [Сосновский, 1924].

Итак, в начале 1920-х гг. под Военным городком понимали два пункта: в верховьях лога (1911 г.) и по западному борту приустьевому участку лога (1919 г.). Первая же «пробная раскопка» 1919 г. подтвердила, что в окрестностях Красноярска есть еще один палеолитический памятник, но она не дала сколько-нибудь яркого и многочисленного

материала, не позволила сделать основательных наблюдений и выводов. Это были действительно предварительные раскопки (да еще и проводившиеся в условиях прифронтового города), к которым невозможно сейчас предъявлять серьезные требования.

В 1920 г. на Военном городке побывал Г. Мергарт, изучавший стратиграфию памятника. Ни в культурном слое, проявившимся в зачистках на глубине 4 м в виде плотной золистой прослойки, ни в подъемных сборах значимых археологических находок сделано не было. В своей статье 1923 г. Г. Мергарт упоминает только колотые кости и каменные осколки, а в иллюстрации включает, очевидно, выставленные в музее более ранние находки с Военного городка [Merhart, 1923, p. 27, pl. III]. В этой выборке можно увидеть три енисейских скребла, фрагменты крупных пластин, в том числе с ретушью, округлый скребок (?) (рис. 2).

По мнению В. Е. Ларичева, в 1920 г. раскопки продолжил Г. П. Сосновский [Ларичев, 1969], но это недоразумение – в описании этих работ перечислены находки, занесенные им в дневник в апреле – мае 1919 г. На самом деле Военный городок был вновь обследован Г. П. Сосновским только в 1923 г. В зачистке обнажения, на 50 см выше палеолитического культурного слоя, им были найдены «фасколотые кости, угольки и каменные осколки палеолитического облика...» [Сосновский, 1924]. Целостный культурный слой зафиксирован здесь не был. Те «свыше 15 орудий из камня и кости» были получены, очевидно, из подъемных сборов или при зачистке слоя, известного с 1919 г. В описи 1923 г. Г. П. Сосновский, кроме каменных осколков и костей животных, упоминает только «полукруглый каменный скребок» и «большой каменный ножевидный клинок» (Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 129). В публикации 1924 г. инвентарный набор значительно богаче, так как, кроме артефактов, найденных непосредственно в обнажениях, автор, не делая оговорок, перечисляет и все подъемные сборы². «Среди каменной индустрии есть превосходно обработанное небольшое ручное орудие, заостренное к одному концу, скребла овальной и миндалевидной формы с выпуклым рабочим краем. Весьма примитивен по характеру обработки один скребок. Это большой кусок речной гальки, грубо сколотый по одному краю и подправленный ретушью, который и является рабочей частью орудия. Наряду с грубыми скреблами был найден небольшой полукруглый скребок из кварца и изящный скребок из зеленой речной гальки с небольшой рукояткой, прекрасно обработанный ретушью по дугообразному выгнутому рабочему краю... Из костяной индустрии необходимо отметить: 1) обломок наконечника копья, 2) шило, сделанное из большого осколка трубчатой кости. Один конец превращен в острие, на другом заметен ряд поперечных насечек, 3) кинжал, представляющий собой ребро животного, заостренное на одном конце, 4) широкую пластинку, имеющую по одному краю вырезанный желобочек... предназначавшийся для вставки каменных ножевидных пластинок. Кроме костяных орудий, были найдены еще обломки рогов северного оленя со следами нарезов, продольно расколотый конец бивня мамонта и кусок бивня, обтесанный с одной стороны» [Сосновский, 1924].

² Судя по публикуемому Г. П. Сосновским списку, большинство из перечисленных предметов находилось на витрине музея и в виде фотографии вошло в статью Г. Мергарта.

Рис. 2. Каменный инвентарь позднепалеолитической стоянки Военный городок в Красноярском краеведческом музее [Merhart, 1923, pl. III]

В 1924–1926 гг. сборы на Военном городке периодически производились членами детского археологического кружка им. И. Т. Савенкова, которым руководили Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Так, летом 1924 г. был найден «прекрасный экземпляр наконечника дротика с выемкой типа Афонтовой горы». Согласно схематичному рисунку, это однопазовое вкладышевое орудие длиной около 12 см. Паз прочерчен от самого основания орудия и выклинивается у острия (ГАКК. Ф. р-1380. О. 1. Д. 32. Л. 36–39).

Работы на Военном городке, на приустьевом участке лога, В. И. Громову удалось организовать только в 1927 г. В литературе эти раскопки однозначно датируются 1928 г. [Громов, 1948, с. 333; Сосновский, 1934, с. 258; Береговая, 1960, с. 76; Палеолит Енисея, 1991, с. 101–102]. Однако в отчете Общества изучения Сибири и ее производительных сил за 1926/27 г. и в частном письме Н. К. Ауэрбаха к Д. Т. Мишареву от 19.10.1927 они датированы 1927 г. (ГАНО. Ф. р-217. Д. 71. Л. 69–71; Д. 65. Л. 11–12). Вероятно, это противоречие – результат несоответствия между реальностью и официальной отчетностью в центр.

Очевидно, именно тогда, в 1927 г., на прибровочном участке террасы В. И. Громовым было вскрыто около 50 м² площади и «собрано большое количество материала, состоящего главным образом из различной величины отщепов почти исключительно кремнистых пород». «Общий облик» немногочисленных каменных орудий, по его мнению, «ближе всего к стоянке Афонтова гора II (нижний горизонт)» [Громов, 1948, с. 337]. Костяные изделия единичны и невыразительны. Фаунистический состав включает остатки северного оленя, быка, лошади, зайца, лисицы и мамонта. В 250 м западнее, «в культурном слое стоянки Коровий лог II, найдены остатки, по-видимому, песка, а среди немногих отщепов – полиэдрический резец (ориньякского типа) и несколько резцовых сколов» [Громов, 1948, с. 337].

Задолго до выхода книги В. И. Громова информация об итогах этих работ была дана Г. П. Сосновским. Он пишет о раскопках двух очагов: «восточного» – в «древнем овражном делювии», и «западного» – в лессовидной супеси. Именно в «западном очаге» среди костей песка и северного оленя был найден «ладьевидный резец» [Сосновский, 1934, с. 258]. В. И. Громов же ни о каких очагах не упоминает. Вероятно, это связано с интерпретацией каких-то мест концентрации золы или древесного угля, которые В. И. Громов не связывал с очагами. Также В. И. Громов не выделяет как отдельный памятник «западный участок», расположенный в 250 м от устья лога [Громов, 1948, с. 337], хотя, возможно, это было бы более правильным [Палеолит Енисея, 1991, с. 102].

Верхняя часть геологического разреза в месте стоянки, описанного В. И. Громовым в 1927 г., имеет следующее строение [Громов, 1948, с. 335–337]:

1. Современный почвенный покров. Нижние 20 см – светло-желтый суглинок – 0,9 м.
2. Светло-серый пористый тонкозернистый лесс (аналогичен «верхнему лессу» Афонтовой горы II) – 3,0 м.

3. Супесь неясно-слоистая с охристыми пятнами и известковистыми конкрециями. Выше и ниже культурного слоя (4,1 м от дневной поверхности) «порода становится более темной и более песчаной», встречаются «тонкие до 3 см прослойки глины» – 2,2 м.

4. «Серый глинистый неслоистый песок с мелкими шарообразными известковистыми конкрециями, редкими ярко-охристыми пятнами и включениями чистого сыпучего песка» – 0,4 м.

Подводя итоги своим наблюдениям на памятнике, В. И. Громов приходит к выводу, что на Военном городке выявлен только один культурный слой палеолита на глубине 4,1 м, а фиксация археологических остатков на разных уровнях связана, главным образом, с особенностями древнего микрорельефа [Громов, 1948, с. 338].

Г. П. Сосновский последний раз побывал на Военном городке в 1940 г. Непосредственно выше устья оврага он собирал в осыпи отщепы, в главном карьере кирпичного завода нашел отбойник. Несмотря на бедность материала, Г. П. Сосновский был убежден в наличии здесь горизонта, содержащего палеолитические остатки [Сосновский, 1946].

Ни Г. П. Сосновским, ни В. И. Громовым не было подготовлено развернутой публикации по Военному городку. В результате самой информативной работой по археологии стоянки стала небольшая статья Г. П. Сосновского «Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярск», вышедшая по горячим следам очень скромных разведочных работ 1923 г., в которой не было опубликовано ни одного рисунка [Сосновский, 1924]. В главной же его работе «Палеолитические стоянки Северной Азии» Военному городку посвящено несколько абзацев исключительно справочного характера [Сосновский, 1934, с. 258].

На десятилетия Военный городок фактически был забыт. Редкие археологические разведки приняли характер «посещений», а случайные сборы серьезно не фиксировались и не хранились. В 1956 г. Р. В. Николаевым было найдено «каменное скребловидное орудие, изготовленное из продолговатой, расширяющейся на конце гальки, заостренной на одном конце» и в верховьях оврага – бедренная кость мамонта (Архив ККМ. Ф. 672. О. 5. Д. 68. Л. 7). В 1979 г. В. И. Привалихиным были найдены «галечные орудия» в обнажениях, метрах в 150 выше устья лога, у здания онкоцентра. Там же в 1982 г. А. М. Буровским была сделана зачистка глубиной 1 м и протяженностью 5 м, что, понятно, не могло добавить ничего нового к представлениям, весьма общим, о памятнике (Архив ИА РАН. Р-1. № 10643).

За минувшие годы были утеряны практически все материалы Военного городка. Коллекция, хранящаяся в ККМ, малоинформативна. Практически единственным показательным артефактом является унифасиальное скребло-остроконечник на овально-подтреугольном отщепе из сборов 1919 г., оформленное дорсальной разнофасеточной ретушью (колл. 110) (рис. 3, 1). По проксимальному концу заготовки – вентральная короткая подтеска. На заостренном конце изделия – макрофасеточная выкрошенность. Оригинальным является четырехугольный, неправильно ромбический в сечении остро-

конечник из бивня. Остальные изделия этой коллекции не могут быть безоговорочно отнесены к палеолиту.

В фондах музея содержались также некоторые необработанные авторами материалы 1919 и 1923 гг. Здесь нет ни одного сколько-нибудь информативного изделия, кроме обломка остроконечника на узкой массивной пластине с двусторонней краевой ретушью (рис. 3, 2). К орудиям могут быть отнесены только единичные пластины и отщепы с ретушью утилизации (рис. 3, 3–5).

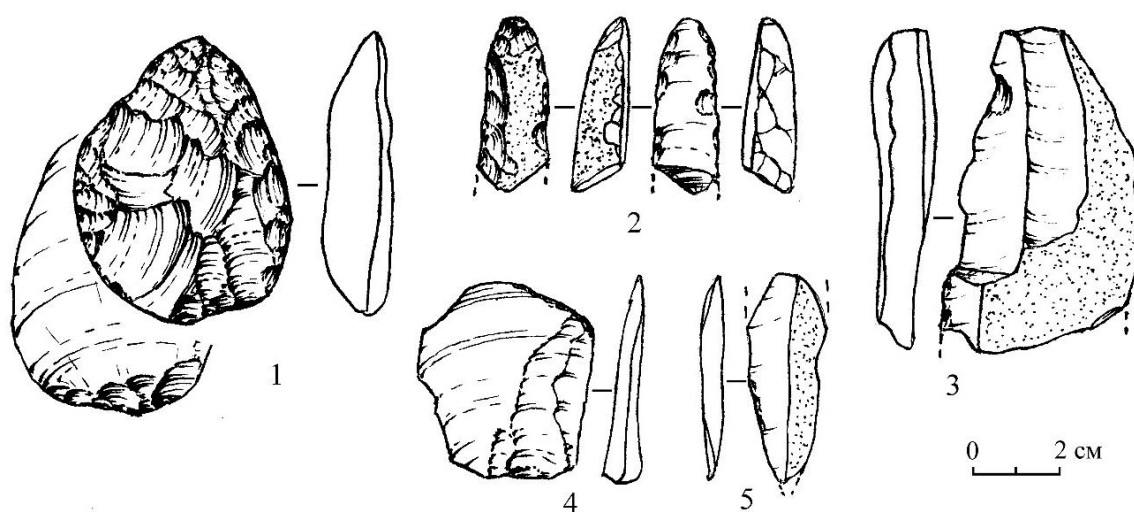

Рис. 3. Каменный инвентарь позднепалеолитической стоянки Военный городок:
1 – скребло-остроконечник (колл. 110), 2 – обломок остроконечника,
3, 5 – фрагменты пластин с рабочей ретушью, 4 – отщеп с рабочей ретушью

Располагая только словесной информацией и крайне немногочисленными предметами сохранившейся части коллекции, можно отметить, что в перечне предметов нет традиционных для Афонтовой горы II и III микроскребков. В отличие от всех памятников, относимых к афонтовской группе, Военный городок имеет хорошо выраженные пластины, вызывающие ассоциации с кокоревскими материалами. Костяное орудие в виде «широкой пластинки» с желобком «для вставки каменных ножевидных пластинок» характерно именно для кокоревских памятников. Резец «ориньякского типа» («ладьевидный резец»), о котором упоминают и В. И. Громов и Г. П. Сосновский, также является косвенным подтверждением этого предположения. В этом плане очень интересно наблюдение, что все известные кокоревские памятники Красноярска располагаются на высоких террасах, значительно выше уровня, занимаемого афонтовской группой (Афонтова гора I–IV), а также Переселенческого пункта. На левом берегу Енисея к ним относятся Гремячий ключ [Сосновский, 1934, с. 257; 1946, с. 96; Громов, 1948, с. 328; Палеолит Енисея, 1991, с. 96; Тарасов, Акимова, 1996] и открытые в последние годы стоянки Крутая [Артемьев, Разгильдеева, Прилепская, 2017] и Овражная

(западный пункт ОАН «Афонтова гора IV») [Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021; Раскопки стоянки..., 2021].

В 2012 г. при строительстве очистных сооружений нового корпуса онкологического центра западнее устья лога на территории памятника был сделан карьер площадью более 1300 м² (рис. 4). Покровные отложения, включающие культурный слой, были уничтожены на глубину до 3–4 м. Непотревоженными остались только склон устья лога и участок бровки террасы перед старым корпусом онкоцентра. В зачистках и врезках выходы культурного слоя были зафиксированы, но материал, кроме нескольких отщепов и фрагментов костей, отсутствовал (Архив ООО «Красноярская геоархеология»).

Рис. 4. Место стоянки Военный городок летом 2012 г.

История Военного городка очень показательна. Памятник, всегда рассматривавшийся нами как «резерв» красноярского палеолита, раскопки которого не воспринимались как нечто срочное, был уничтожен строительством, невзирая ни на какие охранные документы и обязательства. Сюжет, вполне традиционный для большей части XX в., повторился в начале XXI в., создав печальный прецедент.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Красноярского краеведческого музея Н. П. Макарову, А. С. Вдовину и С. М. Фокину за помощь, оказанную при подготовке статьи.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Артемьев Е. В. Отчет по археологическим полевым работам в г. Красноярске на участке, ограниченном ул. Партизана Железняка, дом 23, ул. Краснодарской, ул. Смоленской, дом 1-3, ул. Якутской, пр. Ульяновским в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Военный городок» в 2012 г. Красноярск, 2013 // Архив ООО «Красноярская геоархеология».

Архив Института археологии РАН, Р-1, № 10643. (Отчет А. М. Буровского 1982 г.)

Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 42. Д. 4. Л. 29–31, 40–41; Д. 129; Д. 306. Л. 108.

Архив Красноярского краеведческого музея (ККМ). Ф. 672. О. 5. Д. 68. Л. 7.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. О. 1. Д. 55. Л. 22; Ф. р-1380. О. 1. Д. 32. Л. 36–39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Стасюк И. В. Кокоревские стоянки Афонтовой горы // Записки ИИМК РАН. – 2021. – № 24. – С. 104–119.

Артемьев Е. В., Разгильдеева И. И., Прилепская Н. Е. Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года // Преодоление времени и пространства. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. – С. 34–55.

Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Часть 1. Каменный период. – Красноярск, 1929. – 19 с.

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА № 81. – М.-Л., 1960. – 171 с.

Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Труды Института геологических наук АН СССР. – Вып. 64. Геологическая серия. – № 117. – М., 1948. – 524 с.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района – Красноярск, 1929. – 58 с.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Ч. 1. – Новосибирск, 1969. – 390 с.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. – Л., Наука, 1991. – 158 с.

Раскопки стоянки Афонтова гора IV (Овражная, пункт II) в Красноярске в 2021 году / Е. В. Акимова, А. В. Барков, И. И. Разгильдеева, И. В. Стасюк // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 871–877.

Сосновский Г. П. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска // Записки Иркутского научного музея. – Иркутск, 1924. – Вып. 1. – С. 3–11.

Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. – Л.-М., Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 246–304.

Сосновский Г. П. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска // КСИИМК. – 1946. – Вып. XIII. – С. 95–98.

Тарасов А. Ю., Акимова Е. В. Археологические местонахождения Гремячего ручья // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 43–61.

Тугаринов А. Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея 1889–1914. – Красноярск, 1915. – С. 4.

Merhart G. The palaeolithic period in Sibiria: Contributions to the prehistory of the Jenissei region // American Anthropologist. – 1923. – Vol. 25. – 27 p.

E. V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography
SB RAS, Novosibirsk
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

LATE PALEOLITHIC SITES OF THE VTOROY KORVIY LOG (VOENNYI GORODOK) IN KRASNOYARSK: A CENTURY-LONG STORY

The first Late Paleolithic site in the upper reaches of the Vtoroy Korviy Log, called "Voennyi gorodok", was opened in 1911, the second one – with the same name, but at the mouth of the log – in 1919. In the first half of the XXth century Krasnoyarsk archaeologists repeatedly examined the site Voennyi gorodok. It was G. P. Sosnovsky, N. K. Auerbach, V. I. Gromov, with the participation of A. Ya. Tugarinov and A. L. Yavorsky, and the Austrian archaeologist G. Mergart. Limited archaeological excavations of the Voennyi gorodok were carried out in 1919 and 1927. Archival documents (field diaries, letters, and minutes of meetings) serve the sources for the study of the history of the excavations of the Voennyi gorodok. They make it possible to correct and clarify the official history of the site, reflected in brief publications of the 1920s and 1940s. To date, all the archaeological collections of the Voennyi gorodok have been

lost. We assume that the Voennyi gorodok site (excavations of 1919 and 1927) belongs to the Kokorevskaya archaeological culture of the Middle Yenisei. This is evidenced by the characteristic plates in the stone inventory of the Voennyi gorodok site. In 2012, the site was almost completely destroyed during the construction of a new building of the medical center.

Keywords: Late Paleolithic, Middle Yenisei, history of archeology.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акимова Елена Васильевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.
E-mail: Elaki2008@yandex.ru.

Akimova Elena Vasilievna, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia); Senior Researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

А. Е. Арефьев, П. О. Сенотрусова
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АЧИНСКИХ ГОРОДИЩ

Аннотация. В статье представлены ключевые моменты изучения Ачинских городищ в 1930-х – 1960-х гг. Авторы делают акцент на судьбе полученного в ходе раскопок материала, обсуждается вопрос его датировки и установления культурной принадлежности в археологической литературе. На основании архивных источников описываются музейные коллекции археологического отдела, поступившие в Ачинский музей в 1929 г. В Приложении впервые публикуются фрагменты полевого дневника Г. А. Авраменко, связанные с изучением Ачинских городищ.

Ключевые слова: Ачинская лесостепь, Средневековье, таштыкская эпоха, ладейская культура, городища, Г. А. Авраменко, П. Е. Чернявский, В. Г. Карцов, полевой дневник.

В сборнике «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», вышедшем в 1963 г., опубликованы две статьи геолога и краеведа Г. А. Авраменко: одна посвящена палеолитической стоянке у г. Ачинска, другая – Ачинским городищам. И если ачинский палеолит в дальнейшем нашел свое отражение во многих работах других ученых, то статья про городища и сегодня, спустя шестьдесят лет, остается чуть ли не единственной развернутой публикацией о средневековых поселенческих памятниках Ачинской лесостепи. Это означает только одно – феномен Ачинских городищ до сих пор не изучен.

Большинство материалов, полученных в ходе раскопок разных лет, не сохранилось, а часть до сих пор не опубликована в полном объеме. Нет точных сведений и о количестве самих городищ, расположенных в бассейне р. Чулым в окрестностях г. Ачинска. В литературе упоминаются два памятника – «Ачинское городище-1» и «Ачинское городище-2»¹, при этом культурно-хронологическая характеристика этих объектов часто приводится суммарно, поэтому не всегда ясно, о каком именно объекте в том или ином случае идет речь.

На государственной охране на сегодняшний день стоит только один объект – «Городище Ачинское-2». Третье городище упоминается в отдельных архивных записях, по которым нельзя точно сказать, о каком объекте идет речь. В частности, в Ачинском краеведческом музее им. Д. С. Каргополова хранятся два плана третьего городища, выполненные в начале 1930-х гг. Эта неясность привела к тому, что вопрос о количестве Ачинских городищ, изученных в XX в., до сих пор остается открытым.

¹ Названия памятников приводятся в соответствии с описаниями Г. А. Авраменко, что отличается от обозначения ОАН по учетной документации.

По всей видимости, третье Ачинское городище было выявлено и обследовано в ходе полевых работ А. В. Циркина, но развернутой публикации по итогам этих исследований нет [Циркин, 1973]. Уточнение сведений о точной локализации всех Ачинских городищ требует дополнительных архивных изысканий и публикации материалов, которые сейчас хранятся в музеях нескольких сибирских регионов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

История изучения Ачинских городищ начинается в 1929 г. В это время сотрудник музея Причулымского края П. Е. Чернявский создает при музее кружок юных краеведов. И уже весной 1929 г. во время очередной экскурсии по окрестностям г. Ачинска кружковцами обнаружено большое городище, состоящее из двух соединенных между собой площадок. На каждой площадке было заложено по одному шурфу размером 2×1,5 м. В литературе именно этот объект упоминается как первое Ачинское городище.

Летом 1929 г. по приглашению П. Е. Чернявского работы на этом памятнике продолжил археолог Красноярского краеведческого музея В. Г. Карцов. Раскопки проводились траншейным методом: были вскрыты девять траншей на северной площадке и четыре на южной, общей площадью больше 300 м² [Карцов, 1932, с. 46]. Наиболее мощный культурный слой залегал на северной площадке, здесь отмечены следы кострищ, остеологический материал, фрагменты керамики. Результаты полевых работ на первом Ачинском городище достаточно подробно описаны В. Г. Карцовым в публикации 1932 г.

Сведения о работах П. Е. Чернявского и В. Г. Карцова на втором городище не опубликованы, пока не обнаружены подробные описания этих работ и в архивных документах.

По состоянию на 1930 г., часть материала, найденного во время работ на первом и втором Ачинских городищах, хранилась в Ачинском музее и была представлена двумя коллекциями. В коллекцию № XVI (1-е городище) входили: ретушированный скребок, два кусочка каменного ножа, кости и зуб со следами обработки, а также обломки керамики с разными орнаментами в количестве 162 шт. Коллекция № XVII (2-е городище) – это три железных ножа, медная пластинка с отверстием, четыре костяных стрелы, половинка круглого пряслица с рубцами и отверстием в центре, девять фрагментов костей со следами обработки, три куса шлака, 463 орнаментированных и неорнаментированных фрагмента керамики [Чернявский, 1930, л. 13–14]. При этом в своей статье В. Г. Карцов указывает, что отдельные находки из первого Ачинского городища были переданы в Государственный исторический музей в Москве (костяные наконечник стрелы и ложечка) и в Государственный музей Приенисейского края в Красноярске (ныне Красноярский краевой краеведческий музей) [Карцов, 1932, с. 48].

В 1930-е гг. – годы бурного развития промышленности – основное внимание экспедиций Ачинского музея уделялось поиску полезных ископаемых, тогда как архео-

логические исследования практически не проводились [Чернявский, 1932, с. 6]. Возобновляются они только в конце 1940-х гг. Тогда один из сотрудников музея – Е. М. Засецкий, геолог и археолог, недавно переехавший в Ачинск из Кемеровской области, – открывает археологический кружок. Участники кружка – школьники и рабочая молодежь – ходят на экскурсии по окрестностям города, занимаются поиском редкостей. В 1955 г. Е. М. Засецкий становится директором музея. А уже через год он принимает на работу Г. А. Авраменко, получившего разрешение на жительство в г. Ачинске. С его именем связан новый этап в изучении Ачинских городищ.

В мае 1956 г. Г. А. Авраменко осматривает территорию первого Ачинского городища, собирает подъемный материал и в небольшой общей тетради дает подробную стратиграфию обнажения оврага (а затем и «обнажения юго-восточной части через вал городища с отметкой уровня залегания культурного слоя»).

Вместе с директором музея Е. М. Засецким и научным сотрудником З. В. Аузиной в конце июня Г. А. Авраменко посещает и второе городище (сейчас это ОАН «Городище Ачинское-2») на берегу Канонеровского озера, зарисовывает его план, схематический разрез и пытается определить характер углублений, обнаруженных на площади городища. Несмотря на то, что в своих дневниковых записях Г. А. Авраменко связывает их появление с более ранними полевыми работами, в статье 1963 г. он ошибочно утверждает, что раскопок на втором городище не проводилось [Авраменко, 1963, с. 105]. На самом деле углубления, на которые он обращает внимание, – следы шурфовки, проведенной в свое время П. Е. Чернявским и В. Г. Карцовым. Рисунки находок, опубликованные Г. А. Авраменко, – точная перерисовка уцелевших черновиков В. Г. Карцова. Описание коллекций музея 1930-х гг., а также сами черновики это подтверждают.

Г. А. Авраменко периодически посещал городища на протяжении конца 1950-х – середины 1960-х гг., собирал подъемный материал, но полномасштабных раскопок им не проводилось.

ИСТОРИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Материалы, полученные при изучении городищ, расположенных вблизи города Ачинска, неоднократно упоминались в археологической литературе. При этом авторы высказывали разные мнения относительно их датировки и культурной принадлежности.

В. Г. Карцов, частично раскопавший первое Ачинское городище, уже в 1929 г. однозначно относил полученные материалы к ладейской культуре. По его мнению, она существовала в период с VII–X вв. до XIII–XIV вв. н. э. и занимала среднюю часть Красноярского и северные районы Ачинского округов [Карцов, 1929, с. 46]. В статье 1932 г. он подтвердил этот тезис, но указал несколько иные хронологические рамки – VI–XIII вв. н. э. [Карцов, 1932, с. 48].

Иную точку зрения на культурно-хронологическую принадлежность Ачинских городищ высказал Г. А. Авраменко. В основу его статьи, опубликованной в 1963 г., легли материалы первого городища, именно они представлены в иллюстрациях и достаточно подробно описаны. Неоднозначность понимания текста обусловлена подписями к рисункам, на которых указано, что почти все находки происходят из второго Ачинского городища, что противоречит и тексту публикации, и сохранившимся архивным записям.

Информации о втором городище в статье немного. Г. А. Авраменко опубликовал план памятника, схему расположения первого и второго городища и подчеркнул, что материалы обоих памятников полностью идентичны [Авраменко, 1963, с. 105]. Вероятно, на основании этого наблюдения он рассматривает находки с первого и второго городищ суммарно, что не позволяет всегда однозначно определить, откуда происходят те или иные материалы.

Опираясь на записи В. Г. Карцова и свои полевые наблюдения, он датировал материалы городищ таштыкским временем [Авраменко, 1963, с. 110]. Впоследствии датировка второго Ачинского городища тагаро-таштыкским временем тоже закрепилась в учетной документации (Паспорт памятника...).

М. Б. Абсалямов и А. И. Мартынов соглашались с выводами Г. А. Авраменко и рассматривают городища как поселения таштыкского времени [Абсалямов, Мартынов, 1979, с. 81]

В своих исследованиях к материалам этих памятников обращался С. М. Фокин. Вслед за В. Г. Карцовым он отмечает близость керамики Ладейского, Ермолаевского и Ачинских городищ, но при этом отрицает идею выделения ладейской археологической культуры и говорит лишь о наличии одноименного типа керамики [Фокин, 2010, с. 318]. Датировка подобной посуды определена им в широких рамках конца I – начала II тыс. н. э.

В литературе встречается две точки зрения на культурно-хронологическую принадлежность первого и второго Ачинского городища. При этом если наличие на памятниках ладейских материалов развитого Средневековья не подлежит сомнению, то какие находки могут быть отнесены к тагаро-таштыкскому времени – пока не ясно. Вместе с тем нельзя исключать наличие на памятниках разновременных и разнокультурных материалов.

Введение в научный оборот дневниковых записей Г. А. Авраменко позволит более детально проследить историю изучения Ачинских городищ, осветить стратиграфию памятников (ранее она ни разу не публиковалась) и понять, какие материалы были им получены в ходе полевых работ. В дальнейшем работы по поиску информации, связанной с историей изучения и локализацией Ачинских городищ, будут продолжены.

Археографический и исторический комментарий к рабочей тетради Г. А. Авраменко. Публикуемый ниже текст представляет собой выдержки из рабочей тетради сотрудника Ачинского краеведческого музея Г. А. Авраменко за летний сезон 1956 г., которая хранится в Ачинском краеведческом музее им. Д. С. Каргополова. Тетрадь вместе со всеми материалами личного архива Г. А. Авраменко поступила на му-

зейное хранение после закрытия «Станции детского и юношеского туризма и экскурсий», где находилась ранее.

Рассматриваемая рабочая тетрадь по своей сути является полевым дневником, который публикуется ниже в извлечении: выбраны фрагменты, связанные с изучением первого и второго Ачинского городища. Ввод в научный оборот дневниковых записей позволяет выявить данные, не вошедшие в статью Г. А. Авраменко, написанную в 1963 г. для сборника «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Впервые публикуются подробная стратиграфия памятника, геолого-морфологические сведения о месте его расположения, уникальные рисунки, таблицы и планы исследователя.

Полевой дневник Г. А. Авраменко – это текст, написанный в общей тетради в клетку на 60 страницах, шариковой ручкой с синими или черными чернилами и графитным карандашом; рисунки выполнены цветными карандашами и шариковой ручкой, некоторые из них – на более плотной, альбомной бумаге. Сохранность дневника хорошая.

Текст выверен в соответствии с нормами современного русского литературного языка, исправлены авторские грамматические и орфографические ошибки, пунктуация, по возможности, сохранена. Сокращения, кроме общепринятых, раскрываются в квадратных скобках. Разночтения и комментарии текстологического характера обозначаются <...> и поясняются в соответствующих подстрочных примечаниях. Иллюстрации приводятся в порядке их расположения в дневнике, за исключением рис. 1, 3 и 4 – автором они были помещены в виде приложения в конце тетради, при публикации же располагаются там, где на них ссылается автор. Рисунки находок, опубликованные в статье 1963 г., опущены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рабочая тетрадь летнего сезона 1956 г. сотрудника Ачинского музея Г. А. Авраменко²

3 мая 1956 года

Совместно с Е. <...>³ посетили Ачинское городище⁴, находящееся в пределах гор. Ачинска, на территории Слюдфабрики.

Остатки сооружений, т. е. само городище, состоящее из 2-х ограниченных площадей размером 43×31,5 м и 33×37,5 м, располагается на правом возвышенном берегу р. Чулым примерно в 1,5 км от железнодорожного моста. Отметка над уровнем поймы

² Материалы МБУК «Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргополова». Рабочая тетрадь летнего сезона 1956 г. сотрудника Ачинского музея Г. А. Авраменко. Авторы выражают особую благодарность администрации МБУК «Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргополова» и лично Марине Михайловне Качан за возможность работы с архивными материалами.

³ Фамилия, вероятнее всего, выскоблена бритвой. Определить ее не удалось. Предположительно указан Е. Засецкий.

⁴ Здесь и далее в записях до 29 июня 1956 г. речь идет о первом Ачинском городище.

реки около 30 м. Площади городища в настоящее время сохранили следы вала высотой около 1,0 м с северо-восточной и восточной стороны и ров глубиной 0,8 м. С северной стороны первое дворище ограничено оврагом, с западной стороны резкий спуск к пойме реки Чулым, с юга и юго-западной стороны 2-е дворище граничит с растущим оврагом. В обнажениях оврага ясно видны покровные суглинки, песчано-галечные отложения (аллювиальные) древнего русла р. Чулым, подстилаемые светлыми мелко- и тонкозернистыми песками мелового периода (рис. 1).

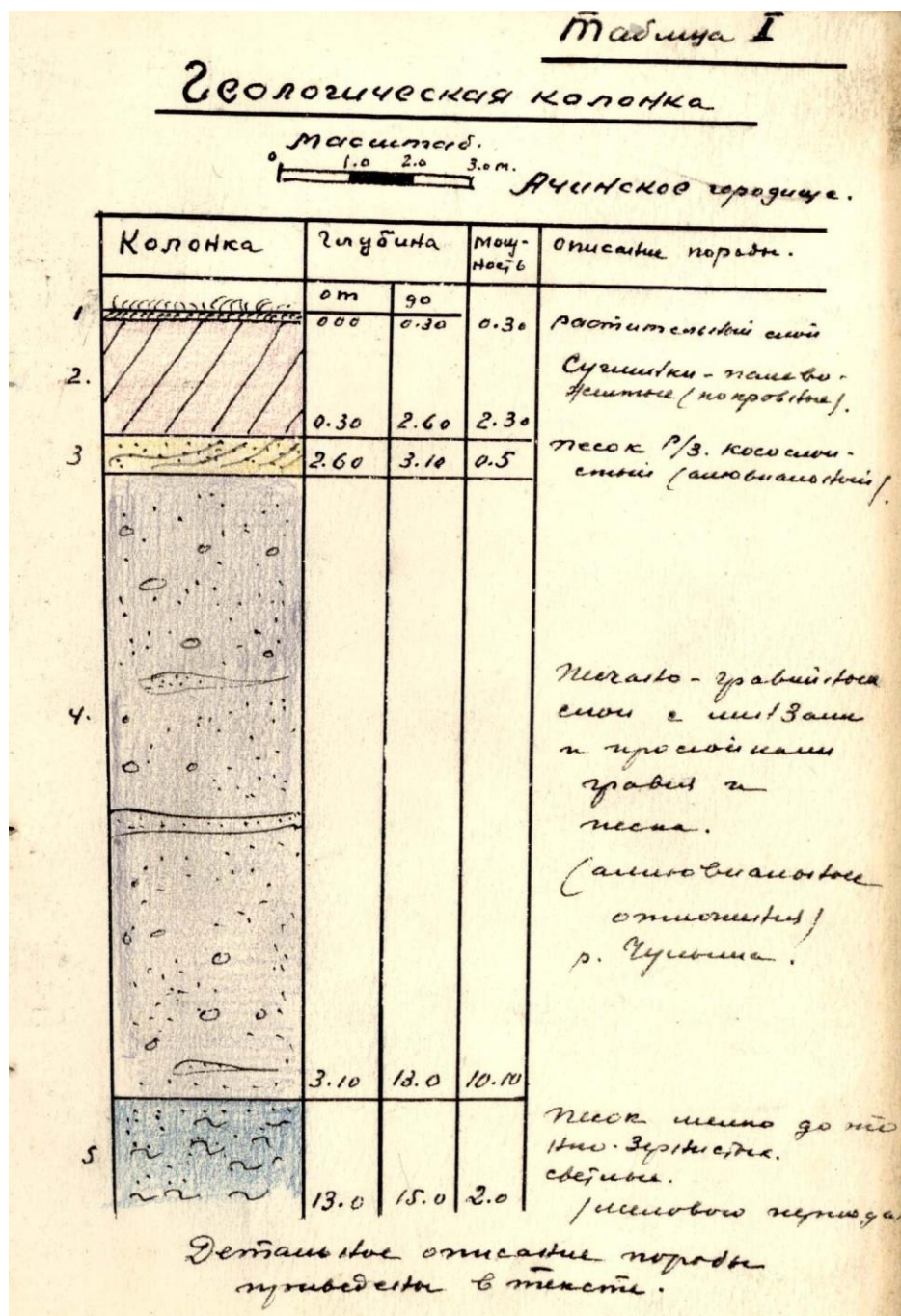

Рис. 1. Полевой дневник Г. А. Авраменко.
Таблица I. Геологическая колонка. Ачинское городище

I. Покровные суглинки, легкие, пористые, палево-желтого цвета, не слоистые, с вертикальной отдельностью, с примазками и мелкими включениями известковых стяжений (конкрециями). Мощность ср[едняя] 2,30–2,50 м.

II. Пески разнoзернистые, ожелезненные гидратами окиси железа – в красно-бурые тона, косослоистые, переходят в песчано-гравийные слои и прослойки, иногда с прослойками и линзами – грубозернистого песка. Гравий и галька хорошо окатанные, в основном представлены известняками серыми и светло-серыми, окварцованными породами и темными с зеленоватым оттенком диабазов, базальтов, порфиритов, туффитов и кирпично-красных яшм. Мощность песчано-галечных отложений 9,5 м.

III. Пески мелко- и тонкозернистые, пылеватые, мягкие на ощупь (каолинизированные, светло-зеленые, до белесоватых белых, участками желтые и бурые от гидратов окиси железа – не слоистые). Видимая мощность 2,0–2,5 м. Пески очевидно мелового периода.

Условно дворища городища называю первое северное – размером 33,0×31,0 м и южное – размером 43×31,0 м.

Сохранившиеся остатки северного городища сложены с суглинков, местами с включением обожженной красноватой глины.

Восточная часть вала южного городища – в основном сложена песчано-гравийными аллювиальными отложениями.

В настоящее время на вспаханной поверхности площади городища участками видны следы разрушенных кострищ, представленных пеплом с включением красного обожженного суглинка, обломки костей домашних животных, частично обожженных, и фрагменты посуды (культурный слой).

Фрагменты посуды представлены плотной серой и красновато-серой хорошо обожженной массой толщиной 8–9–10,5 мм со следами выглаживания внутри. Посуда вылеплена руками. Судя по фрагментам, можно сказать, что форма посуды была банковидная со слабо выраженными плечами, высоким венчиком, слегка отогнутым наружу.

Орнамент весьма скуп. По краю венчика идут углубления от прищепа пальцами, затем на плечах наложенный валик с прищепами, или не сквозными редкими отверстиями, или ряд косых углублений специальной палочкой или костью, встречаются косые треугольные насечки по плечам и боку сосуда. Отмечаю, что в круглых углублениях орнамента в центре остались повышения – очевидно, след от мозговой полости мелкой трубчатой кости.

Обломки костей в основном домашних животных, частично обожжены. Судя по зубам можно сказать:

- 1) зубы лошади
- 2) зубы коровы
- 3) зубы овцы
- 4) зубы свиньи
- 5) зубы лося.

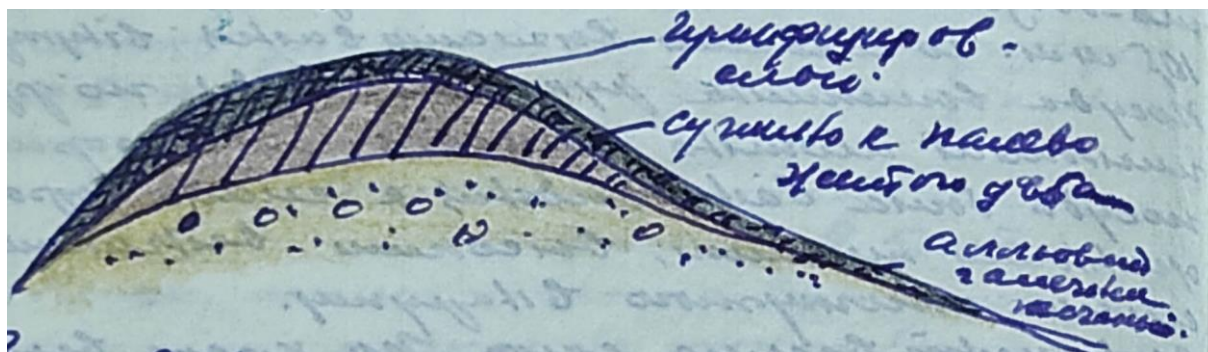

Рис. 2. Полевой дневник Г. А. Авраменко. Схема вала городища: западная часть – это низкий обрыв к р. Чулым; северная часть I городища разрушена растущим оврагом

На площади дворов городища на поверхности были собраны фрагменты посуды в количестве 43 шт. и кости (зубы) животных.

Вал городища I сложен суглинками с примесью галечно-песчаного аллювия.

Вал городища II (южная часть) сложен галечно-песчаными аллювиальными отложениями (рис. 2).

Фрагменты посуды. Обломки серой и темно-серой массы со следами выглаживания с внутренней стороны.

I. Банкообразные сосуды с плоским венчиком со слабо развитыми плечами.

II. Посуда с высокими отогнутыми венчиками с прищепками от пальца. Иногда с штампом в виде углубления дырочки. Встречаются возле венчика сквозные отверстия. Орнамент в виде треугольных косонаправленных углублений 2–3 параллельно идущими полосами.

30 мая 1956 г.

Посетил Ачинское городище.

Обнажение юго-восточной части через вал городища с отметкой культурного слоя.

1) Растительный слой с остатками корней современных растений. Мощ[ность] 0,20 м.

2) Суглинок легкий, пористый, с ясно выраженной вертикальной отдельностью, палево-желтого цвета с примазками и пятнами извести. Мощ[ность] ср[едняя] 0,30–0,40 м.

3) Черный гумифицированный слой. Рыхлый, пылеватый, с отдельными древесными углями, обожженной глиной и фрагментами костей животных. Культурный слой. Ср[едняя] мощ[ность] 0,20 м.

4) Суглинок аналогичен слою 2. Ср. мощ[ность] 1,20 м.

5) Песок разномерный, глинистый, косослоистый с включением гальки и гравия с прослойками, окрашенными в желтые и красно-бурые цвета гидратами окиси Fe. Мощ[ность] 0,15 м.

6) Песок разномерный до крупнозернистого с галькой и гравием разного размера (аллювий р. Чулым). Слоистость горизонтальная. Мощ[ность] ср[едняя] 1,5 м.

7) На размытую (неровную) плоскость налегают вышеописанные аллювиальные песчано-галечные отложения.

Песок [от] тонко до мелкозернистого, каолинизирован, светло-зеленого цвета, неясно слоистый, с примазками и пятнами бурых и красно-бурых гидратов окиси Fe. Вид[имая] мощ[ность] 3,0 м.

Обнажение ориентировано О–W глубокого, растущего оврага с восточной и юго-восточной стороны, разрушающего вал и ров городища.

Ачинское городище. Примечание с основными данными и заключениями.
Ачинское городище расположено на правом (обрывистом) берегу р. Чулым примерно в 1000 м на юг от железнодорожного моста.

Западная часть представляет [собой] крутой обрыв к течению р. Чулым (отстоящ. 700–750 м).

Собственно городище представлено двумя изолированными площадями, огражденными рвом и валом. Условно я называю I северным, II южным.

I-й двор городища с ЮЗ стороны – естественный обрыв с углом ската около 32–35°. С восточной и сев.-восточн. стороны – крутой овраг. С вост. и юго-вост. стороны – вал и ров. Высота вала около 0,9–1,0 м, глуб. рва – 0,6–0,8 м.

Размер I-го двора 43,0×31,5 м (рис. 3, 4). Ширина вала по верху примерно 3,5–4,0 м.

В центре вал и ров как бы прерываются воротами шириной около 3,2–3,5 м.

Второй двор городища (южный) расположен на СЗ от первого, ограничен обрывом при угле ската 30–32°. Размер двора С–Ю – 33,0–31,5 м, ВЗ – 36,5–37,0 м.

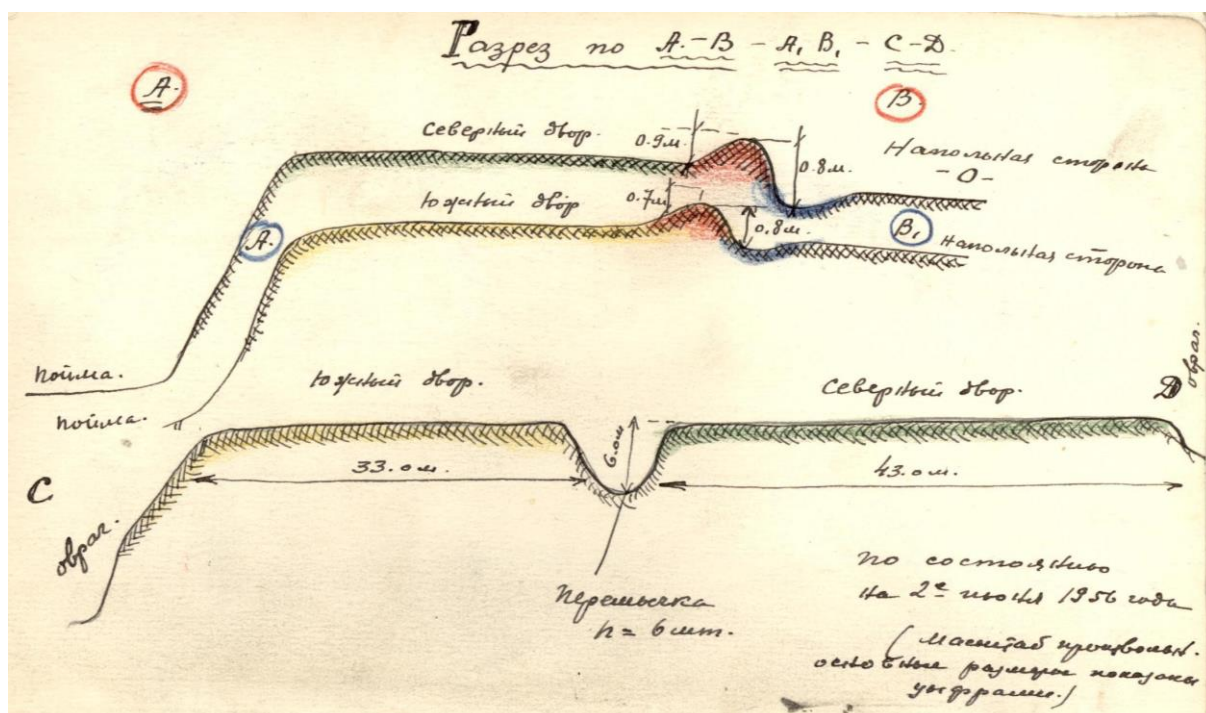

Рис. 3. Полевой дневник Г. А. Авраменко. Разрез по А–В – А1–В1 – С–Д

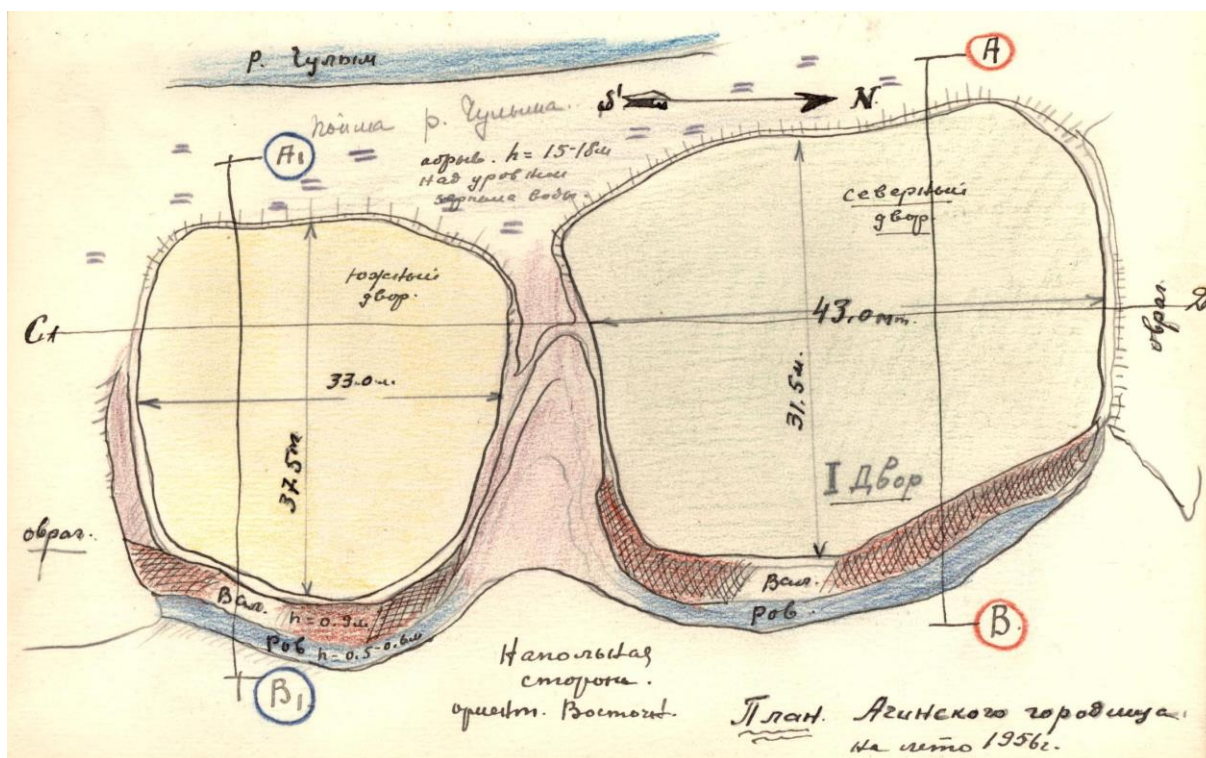

Рис. 4. Полевой дневник Г. А. Авраменко. План Ачинского городища на лето 1956 г.

В настоящее время поверхность дворов городищ почти ровная, со следами заплывших траншей от раскопок.

Вал высотой не выше 0,4–1,0 м, загибается резко южным крылом к западу. В этом месте сделана запись геологичес[еского] разреза при моем более раннем посещении.

В естественных обнажениях (оврагах) можно сказать о мощности культурного слоя, выраженном в гумифицированном суглинке с весьма слабым насыщением золой углей и культурными остатками. Следует отметить о бедности 2-го дворища фрагментами посуды.

И Северный двор – более мощный культурный слой и более богат фрагментами посуды. Отмечу обилие обломков костей домашних животных, обожженных на I дворе: зубы лошади, коровы, овцы, свиньи, лося, косули (дик. козы), т. е. преобладают домашние животные.

<...>⁵

Соображения. Карцов датирует VI–VIII вв. н. э. аналоги Ладейской культуры (Материалы по археологии Красноярского края)

29 июня 1956 года

Совместно с Е[вгением] М[ихайловичем] Засецким, З[инаидой] Аузиной (сотрудниками Ачинского краеведческого музея) было осмотрено городище⁶, расположенное

⁵ Опущен фрагмент с тезисным конспектом статьи В. Г. Карцова «Ачинское городище» (1932 г.).

⁶ Речь идет о втором Ачинском городище.

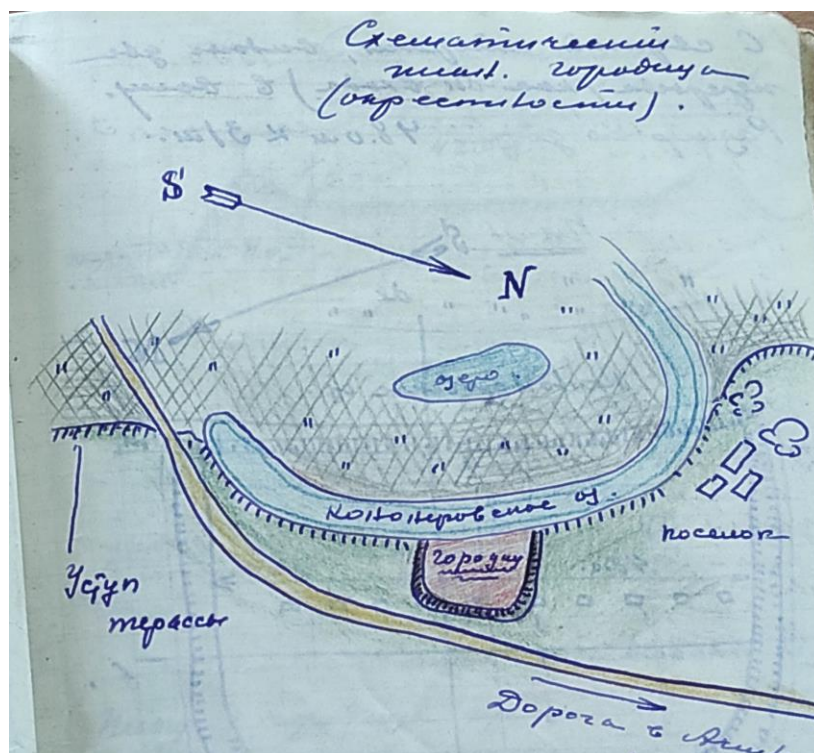

Рис. 5. Полевой дневник Г. А. Авраменко.
Схематический план городища (окрестности)

на левом берегу р. Чулым, в ее плоской широкой пойме (рис. 5). Примерно в 2,5 км от течения р. Чулым на Запад располагается терраса (уступ) высотой 3,0–3,5 м протяженностью юго-восток, северо-запад.

У основания террасы располагается Канонеровское озеро – т. е. узкая, 25–30 м, мелководная старица протяженностью с востока на запад.

В небольших естественных обнажениях вскрыты:

- 1) Растительный слой 0,30 м.
- 2) Суглинок плотный, сильно опесоченный, не слоистый (в сухом состоянии скатывается на мелкие остроугольные кусочки), с вертикальной отдельностью, палево-желтого цвета, с примазками извести. Ср[едняя] мощн[ость] 1,0–1,20 м.
- 3) Песок пылеватый, глинистый, разномерный, неясно слоистый с включением хорошо окатанной гальки и гравия разного размера, цвет желтый и красновато-бурый от выделений окислов Fe.

Городище. Форма его полукруглая. Южная часть является обрывом к Канонеровскому озеру. С востока, севера и запада ограждена площадь двора рвом и валом. Высота вала около 2-х м, глубина рва 0,8–0,9 м. С северной стороны видны два перерыва (как бы входа) в валу. Размер его двора 48×31 м (рис. 6).

Площадь огражденного двора неровная, на нем видны следы копуше и двух копов (очевидно, следы раскопок).

Хорошо сохранился вал с западной стороны, ширина его около 4,0–4,5 м при высоте над площадью двора 1,0 м (рис. 7).

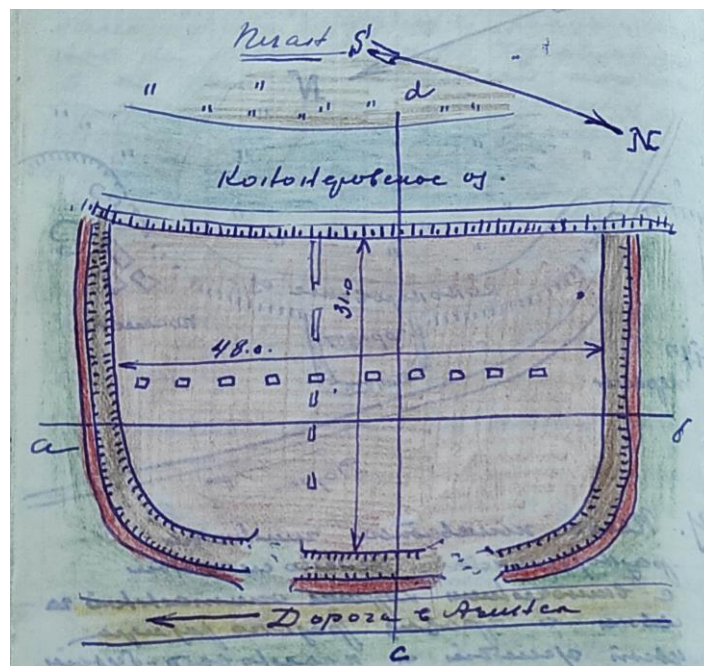

Рис. 6. Полевой дневник Г. А. Авраменко. План городища

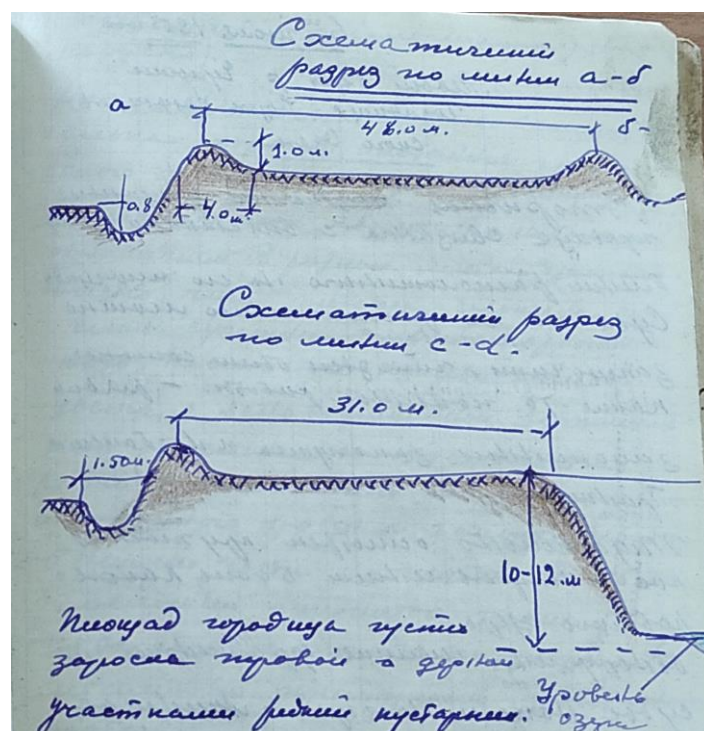

Рис. 7. Полевой дневник Г. А. Авраменко.
Схематический разрез по линиям а-б, с-д.

Площадь городища густо заросла травой и дерном, участками – редким кустарником. Изредка встречаются на откосе к озеру обломки костей животных и очень мелкие фрагменты посуды. Других существенных находок не сделано. Предварительная рекогносцировка определила его размеры и общую ориентировку по месту.

6 июля 1956 года

Левый берег р. Чулым. Городище возле Канонеровского озера.

Вторичная поездка на указанное городище связана с выяснением углублений, расположенных на его площади. Судя по их расположению, можно заключить, что здесь были сделаны какие-то полевые работы – рядом заложены закопушки и небольшие траншеи.

Тщательно осмотрен каждый откос – направлением вдоль Канонеровского озера. Обнаружены мелкие фрагменты посуды, напоминающие Ачинское городище. Орнаментированных не встречено. Мелкие обожженные обломки костей животных.

Мной было осмотрено продолжение террасы, которая имеет направление в северную сторону. Ввиду того, что ее поверхность засеяна кукурузой и картофелем, остатков (археологических) не найдено.

На поверхности часто встречается хорошо окатанная галька серого и светло-серого известняка и молочно-белого кварца. По небольшим обнажениям в разных местах установлено, что терраса сложена из слоя суглинка – легкого, карбонатного, не слоистого, палево-желтого цвета с ясно выраженной вертикальной отдельностью, с включением редко хорошо окатанного гравия и гальки, в нижней части на глубине 2–2,5 м – прослойки глинистого песка. Поверхность породы покрыта налетами и примазками известкового состава. Мощность суглинков не установлена, но по обнаженности северного берега Канонеровского озера можно сказать, что она не свыше 3,5 м. Налегают на глинистую, неясно слоистую супесь, окрашенную FeO₂.

Поездка имела значение уточнить цельность площади городища (вопрос о его ранних раскопках).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Паспорт памятника археологии «Ачинск. Городище Ачинское 2», составлен 17 мая 1990 г. мл. науч. сотр. КГПИ Л. В. Новых // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

Рабочая тетрадь летнего сезона 1956 г. сотрудника Ачинского музея Г. А. Авраменко // Материалы Ачинского краеведческого музея им. Д. С. Каргополова.

Чернявский П. Е. Краткий отчет о пятилетней работе Ачинского окружного музея Причулымского края // Материалы Ачинского краеведческого музея им. Д. С. Каргополова. Л. 1–14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абсалямов М. Б., Мартынов А. И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1979. – Вып. 10. – С. 60–86.

Авраменко Г. А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск, 1963. – С. 105–111.

Карцов В. Г. Ачинское городище // Сборник трудов музея Причулымского края. – Ачинск, 1932. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 45–49.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929. – 59 с.

Фокин С. М. К проблеме выделения археологических культур Средневековья в Приенисейской Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 19–21 мая 2010 г.). – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 317–318.

Циркин А. В. Исследования в районе г. Ачинска // Археологические открытия 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 247–248.

Чернявский П. Е. История и развитие музея Причулымского края // Сборник трудов музея Причулымского края. – Ачинск, 1932. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 3–16.

A. E. Arefev, P. O. Cenotrusova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

ON THE HISTORY OF THE STUDY OF ACHINSK SETTLEMENTS

The article presents the key points of the study of the Achinsk settlements in the 1930s – 1960s. The authors focus on the fate of the material obtained during the excavations, discuss the issue of its dating and the identification of cultural affiliation in the archaeological literature. On the basis of archival sources, the museum collections of the archaeological department received by the Achinsk Museum in 1929 are described. Fragments of G. A. Avramenko's field diary related to the study of Achinsk settlements are published in the Appendix for the first time.

Keywords: Achinsk forest-steppe, Middle Ages, Tashtyk epoch, Ladey culture, settlements, G. A. Avramenko, P. E. Chernyavsky, V. G. Kartsov, field diary.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арефьев Анатолий Евгеньевич, специалист по документационному обеспечению, Сибирский федеральный университет.
E-mail: tolya.arefev.2002@mail.ru.

Сенотрусова Полина Олеговна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; научный сотрудник, Алтайский государственный университет.
E-mail: polllina1987@rambler.ru.

Arefiev Anatoly Evgenievich, Documentation Support Specialist, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Senotrusova Polina Olegovna, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); researcher, Altai State University (Barnaul, Russia).

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск

ЖИЛИЩЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПОСЕЛЕНИИ ЕЛЬЧИМО-1 В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

Аннотация. В статье приводится описание материалов позднего бронзового века из жилища, изученного в 2022 г. на поселении Ельчимо-1 в Богучанском районе Красноярского края. Обнаруженные находки представляют единый культурный комплекс, включающий керамические сосуды и каменные изделия.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, поселение, бронзовый век, керамика, каменные орудия.

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей, представляя памятники нижнего течения Ангары (от р. Илим до устья Ангары), до сих пор называют этот район административным термином «Северное Приангарье», в территорию которого включают не только нижнее, но и среднее течение Ангары вместе с впадающими притоками, а иногда и ангаро-ленским водоразделом. Правомернее термин «Северное Приангарье» сопоставлять с термином «Средняя Ангара» [Березин, 2004, с. 3], а участок ангарской долины ниже Усть-Илимска называть «Нижнее Приангарье».

Несмотря на более чем 100-летнее археологическое изучение долины р. Ангары бронзовый век (интервал с конца III тыс. до н. э. до VII в. до н. э.) Нижнего Приангарья остается еще изученным крайне неравномерно. Некоторый объем материалов получен в ходе работ Богучанской археологической экспедиции на восточном участке указанного района (между Усть-Илимском и Кодинском) [Богучанская..., 2015; Стоянка..., 2016], но они ждут своего исследователя для обобщения и анализа. По некоторым материалам такая работа уже начата. Например, проведено предварительное исследование погребальных комплексов в сопоставлении с подобными объектами раннего бронзового века Прибайкалья [Дударёк, Лохов, 2014].

Сделана попытка объединить комплексы с «рубчатой» керамикой и поясом «жемчужин» в один пласт, назвав его «аталонгским», который, по мнению авторов, характеризует поздний бронзовый век Средней и Южной Сибири [Гурулёв, Максимович, 2016]. Вместе с тем имеющиеся в распоряжении исследователей материалы показывают разнообразие керамических комплексов бронзового века Нижнего Приангарья и их вариативность, в том числе и сосудов с орнаментацией из «жемчужин» [Мандрыка, Сенотрусова, 2019].

Для привязки каменного инвентаря к культурно-хронологическим комплексам бронзового века предпринимались попытки их планиграфического вычленения на поселенческих объектах, раскрытых большими площадями [Мандрыка, Сенотрусова, 2014; Lithic Industry..., 2021].

Для памятников бронзового века Нижней Ангары практически отсутствуют абсолютные датировки, нет многослойных стратифицированных поселений, и поэтому отнесение их к палеометаллу строится исключительно на основании аналогий с материалами Прибайкалья и Среднего Енисея. Открытие в долине нижней Ангары нового памятника с условно закрытым жилищным комплексом имеет большое значение. Ряд подобных поселений с котлованами жилищ были открыты и изучены на стоянках Ручей Конный-3 и Усть-Верей-2 [Богучанская..., 2015, с. 423–426] в ходе работы Богучанской археологической экспедиции, но полученные материалы остаются опубликованными в тезисной форме, а территории уже затоплены водохранилищем.

Поселение Ельчимо-1¹ находится в Богучанском районе Красноярского края, в 130 км ниже плотины Богучанской ГЭС, на правобережной 18-метровой ангарской террасе в 10 км юго-восточнее устья р. Ельчимо. Покрытая сосновым лесом терраса ограничена с трех сторон рекой, логом и болотом. Поселение открыто в 2008 г. П. О. Сенотрусовой. Ею же в 2009 г. проведены первые шурфовочные работы, которые продолжили Д. А. Гурулёв (2019 г.) и О. С. Комарова (2022 г.). На разных участках площади памятника исследователи выделили материалы неолита, бронзового века, раннего железного века и Средневековья [Сенотрусова, 2008, 2009; Сенотрусова, Мандрыка, 2015; Гурулёв, 2019]. При детальном изучении территории памятника в глубине террасы, в направлении северо-запад – юго-восток, был выявлен ряд из пяти жилищных котлованов размерами от 2,5×2,5 м до 4,0×4,0 м при глубине 0,2–0,4 м. Крайний в ряду котлован жилища № 1 изучен П. В. Мандрыкой в 2022 г. в ходе проведения археологической практики студентов Гуманитарного института СФУ. Материалы из этого жилища легли в основу настоящей статьи.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Раскопом № 1 площадью 108 м² изучено жилище № 1 и прилегающая территория. Нивелировочный план дневной поверхности показал перепад высотных отметок глубины задернованного котлована жилища – 22–25 см. С юго-восточной стороны от котлована на его границе прослежена яма и бугор от современного выворота, сохранившего комель упавшего дерева. Культурный слой селища бронзового века приурочен к верхней части толщи мелкозернистых эоловых песков бурого цвета. Они залегали под дерном и слоем серо-палевого песка на глубине 12–20 см. Слой ровный, только в одном

¹ В учетной документации выявленный объект археологического наследия называется «Иркинеево. Поселение Ельчимо-1».

месте нарушен современной ямой от выворота. Из слоя впущен котлован жилища округлой формы размерами 4,0×4,5 м. Границы котлована в песчаном грунте определены условно по разнице состава и цвета почв заполнения и внешнего материка, а также по площадке с находками на уровне очага. Вход в жилище по изменению почвы не прослеживался, но по уровню залегания фрагментов керамики возле котлована, которые склеиваются с черепками из жилища, есть основания предполагать, что он размещался с западной стороны.

Для жилища была вырыта яма на глубину 50–55 см от древней поверхности до серых материковых песков. При копке древние строители нарушили нижележащие культурные слои неолита с керамикой усть-бельского типа. По этим черепкам и каменным неолитическим изделиям (отщепам, пластинам, орудиям и другим предметам из халцедона) установлено, что земля из котлована выбрасывалась по сторонам, преимущественно в восточную, противоположную от входа, сторону. Часть неолитических находок отмечена и в мешаной почве заполнения котлована. Они указывают на земляное (скорее всего, дерновое) перекрытие кровли жилища.

Рис. 1. Расчищенный пол жилища № 1 поселения Ельчимо-1 с находками на фоне разреза по контрольной бровке

Уровень пола жилища на дне котлована на фоне серых материковых песков выделялся более темным цветом с участками углистых включений и пятном прокаленного грунта в месте расположения очага (рис. 1, 2). При углублении пола на 50–55 см в песчаном грунте стенки котлована не могли оставаться открытыми без дополнительного укрепления, но следов подобных конструкций не выявлено. Дно котлована относительно ровное. Наземный очаг без обкладки немного сдвинут от центра жилища в западную сторону, т. е. ближе к предполагаемому выходу. Очаг округлой формы размерами 0,8×1,2 м при мощности линзовидного прокала до 3 см, в кровле которого отмечена мелкая жженная костяная труха.

Рис. 2. Серная половина жилища № 1 поселения Ельчимо-1

На полу жилища площадью около 13 м² на одном уровне с очагом залегали предметы, среди которых – фрагменты керамики (85 экз. от сосуда № 2), массивный приочажный камень, каменный молот, керамический скребок-лощило, а также каменные отщепы, пластинки и орудия из серого ангарского сланца. Находки рассеяны преимущественно по северной половине жилища (рис. 3). Фрагменты керамики лежали как разрозненно, так и небольшими скоплениями (блоками).

Приочажный камень (1 экз.) размерами 20,0×35,0×15,0 см, со следами нагара и термическими трещинами, размещался в 1,2 м к северо-востоку от очага (рис. 1, 2, 3).

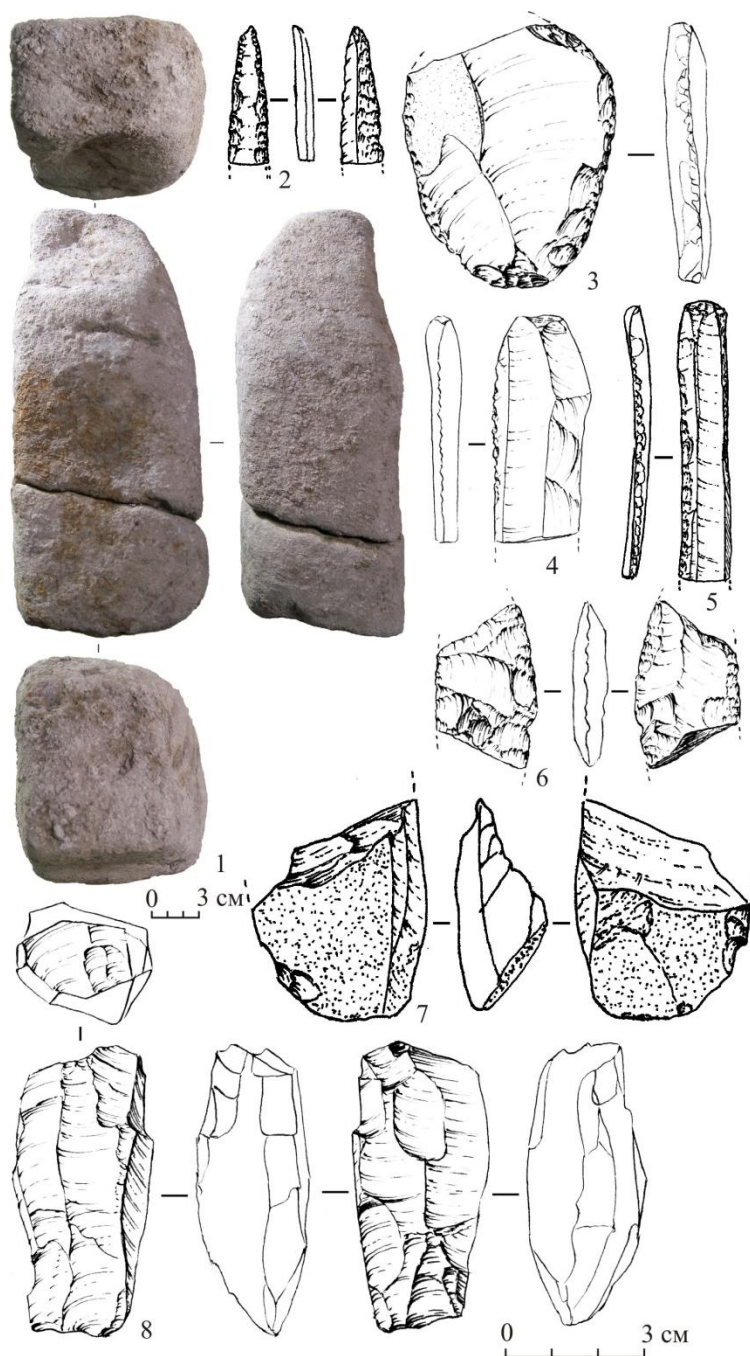

Рис. 4. Каменные изделия из жилища № 1 поселения Ельчимо-1

мент средней части пера, выполненного из пластинчатой заготовки, одна сторона которой обработана покрывающими снятиями. Края оформлены двусторонней краевой ретушью. Ширина наконечника 2,2 см, толщина 0,8 см (рис. 4, 6).

Ножи (3 экз.) выполнены на длинных сегментах призматических пластин. Для одного ножа выбрана широкая пластина, рабочая кромка которой оформлена односторонней краевой ретушью. Размеры орудия: 2,0×4,8×0,7 см (рис. 4, 4). У второго ножа пластинка имела ширину 1,1 см и длину 5,8 см (рис. 4, 5), она оформлена краевой ретушью с двух сторон. Третий нож также выполнен на пластинке шириной 1,4 см с от-

Каменный молот также лежал возле очага, но с восточной стороны. Для орудия использован камень пирамидальной формы из крупнозернистой породы, сохраняющий желвачный налет. Размеры молота внушительные — 8,5×23,0×10,0 см. Рабочая плоскость (боек) прямоугольной формы со следами интенсивной забитости. Обушковая часть (носок) выделяется сужением граней (рис. 4, 1).

Остальные каменные орудия изготовлены техникой расщепления. Сырьем для них выступал серый ангарский сланец.

Нуклеус полифронтальный, призматический, с круговым фронтом без площадки. Снятие пластин проводилось со всех сторон, и по всему фронту отмечаются заломы, исправить которые древнему мастеру не удалось. С нуклеуса снимали пластины длиной 5,8 см, так как размеры указанного изделия 3,0×5,8×2,5 см (рис. 4, 8).

От наконечника копья или дротика сохранился сег-

ломанным дистальным концом. Оба протяженных края орудия покрыты рабочей ретушью. Длина орудия 6,0 см.

Проколка (1 экз.) выполнена на дистальном обломке пластинки шириной 0,8 см и длиной 3,0 см. Сужающие края оформлены краевой и захватывающей ретушью. Жало также покрыто ретушью (рис. 4, 2).

Заготовки скребков (2 экз.). Одна выполнена на пластинчатом сколе, отмечена с юго-западной стороны возле очага. Краевой ретушью обработаны боковые края заготовки и забитостями подготовлен высокий, но узкий рабочий край. Размеры изделия: 4,3×5,5×1,0 см (рис. 4, 3). Другая заготовка выполнена на науклевидном сколе, сохраняющем желвачную корку и негативы пластинчатых снятий. Отмечена возле восточной стенки жилища. Краевыми снятиями подготовлен, но не оформлен рабочий край орудия. Размеры изделия: 3,5×4,8×1,5 см (рис. 4, 7).

Скребок-лощило из фрагмента венчика сосуда с затертыми краями (рис. 5, 1). Орудие лежало на полу между очагом и предполагаемым входом. Для скребка использован черепок от утолщенного края горшка со слабовыраженной шейкой и прямым обрезом. Толщина по венчику 0,9 см, по шейке – 1,3 см, на переходе к тулову – 0,8 см. Край сосуда с внутренней стороны немного скошен. Формовочная масса включает древесу. Сосуд украшался с внешней стороны тремя рядами разнонаправленных гладких овально вытянутых оттисков, строящихся в мотив «елочка». С внутренней стороны нанесены наклонные параллельные линии гладких наколов, дополненных поясом неглубоких ямок диаметром 1,2 см. От них с внешней стороны «жемчужины» не обра-

Рис. 5. Керамический скребок (1) и сосуды из слоя (2) и жилища № 1 (3) поселения Ельчимо-1

зованы. Типологически этот черепок сопоставляется с фрагментами керамического сосуда, найденными на полу жилища.

Сосуд из жилища восстанавливается гипотетически до целой формы (рис. 5, 3) из фрагментов, найденных на разных участках пола. Это банка открытой формы с округлым дном, которое имеет резкий переход в придонную часть. Диаметр по венчику – 26,0 см, по тулову – 24,0 см, высота – 29,0 см. Максимальная толщина по краю, скошенному с внутренней стороны, – 1,2 см, по тулову – 0,6–0,7 см, по дну – 0,6 см. Формовочная масса включает небольшое количество дресвы черного и белого цвета и окатанные зерна песка. Сосуд сконструирован в форме-емкости. Внешняя поверхность стенок ровная, гладкая, заглаженная, на ней отмечаются редкие технические борозды от твердого предмета. На внутренней поверхности прослеживаются замятины в виде гладких округлых линзовидных углублений (от пальцев). Орнамент нанесен под венчиком и состоит из наклонных параллельных прочерченных линий. С внутренней стороны, в двух сантиметрах от края, проходит пояс округлых углублений, которые не выдавливают «жемчужины» на внешнюю поверхность стенок. Такие ямки служили, скорее всего, разметкой для будущих отверстий, которые просверливали в случае необходимости ремонта трещин по краю сосудов. Цвет черепков серо-коричневый с преобладанием красноватого оттенка с внутренней стороны. С внешней стороны на стенках сосуда имеются темные пятна и участки сильного прокала, а на горловине – следы черной копоти. С внутренней стороны под краем банки отмечается полоса нагара.

Материал из жилища сопоставляется с находками из межжилищного пространства. Здесь найдены фрагменты от одного горшка, который типологически сопоставляется с сосудом из жилища. Этот горшок (рис. 5, 2) вытянутой параболической формы, с округлым дном, слабо профилированной шейкой, слегка раздутым туловом. Диаметр по венчику – 14,0 см, по тулову – 15,0 см, высота – 22,0 см. Толщина края, скошенного с внутренней стороны, – 0,5 см, шейки – 0,7 см, тулова – 0,5 см, дна – 0,6 см. Изготовлен из формовочной массы с примесью дресвы. Сконструирован в форме-емкости. Внешняя поверхность ровная, гладкая, заглаженная. На внутренней поверхности прослеживаются гладкие округлые линзовидные углубления (от пальцев?). Орнамент нанесен по шейке, состоит из наклонных прочерченных гладких отрезков, дополненных поясом «жемчужин», которые выполнены с внутренней стороны глубокими наколками округлой палочки диаметром 0,8 см. С внутренней стороны по краю местами еще отмечаются редкие гладкие вертикальные оттиски, возможно технического характера. Цвет сосуда серо-бурый с внешней и внутренней стороны. Нагара нет.

Из каменного инвентаря в слое за пределами жилища найдены клиновидный, сильно сработанный нуклеус, обломок брусковидного оселка из тонкозернистого песчаника, небольшой наконечник стрелы с вогнутым асимметричным основанием, заготовка небольшого тесла трапецевидной формы, заготовка ножа из крупного скола, целый сегментовидный нож-вкладыш, отщепы с ретушью. В слое также встречены и разноразмерные гальки, на одной из которых по краю прослежены следы забитости, возможно, она использовалась как отбойник.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ

Представленный материал из жилища и культурного слоя поселения Ельчимо-1 объединяется рядом общих характеристик. Сырьем для орудий выступал серый ангарский сланец, что отличало этот слой от нижележащего, неолитического, где продукты расщепления и изделия выполнены из халцедона. Обращает на себя внимание присутствие заготовок орудий на сколах не очень хорошего качества, сработанных и забракованных нуклеусов, обломков наконечников стрел и копий, сломанных оселков, орудий ударного действия. Складывается впечатление об определенном «дефиците» сырья, который испытывали жители поселка.

Планиграфический анализ фрагментов керамики демонстрирует их компактное распределение по территории поселения. Из черепков, найденных в жилище, собрана вся нижняя половина сосуда и два крупных блока от верхней части. За пределами жилища найдены развалы двух почти целых сосудов. Горшок, описанный выше, находился в двух метрах к югу от предполагаемого входа в жилище. Еще один, практически целый сосуд найден в слое в шурфе № 2 2019 г. в 10 м севернее жилища. Все они схожи между собой и относятся к одному типу.

Приведенные данные вместе с ландшафтной характеристикой места размещения жилищ – в глубине террасы в 40–80 м от ее края, в лесном массиве, который защищал от ветра со стороны реки, – указывают, скорее всего, на зимний, заснеженный период обитания поселка. Схожую планиграфическую характеристику поселения можно отметить на стоянке Итомиура, устроенной в глубине леса на ангарском притоке, р. Муре, в 36 км выше устья [Мандрыка, Сенотрусова, 2014].

Подобное размещение жилищ отмечено и для других известных поселений бронзового века долины нижней Ангары. На поселении Ручей Конный-3 котлованы жилищ располагались на двух участках памятника в глубине террасы разнонаправленными рядами. Двумя раскопами изучены восемь жилищ из разных рядов. Жилища имеют близкие характеристики: округлая форма, углубленное положение пола (от 0,1 до 0,3 м), коридорообразный вход, очаг открытого типа, утепление каркасной кровли кусками дерна или отсыпкой. В одном из жилищ № 3 найдены изделия и следы бронзолитейного дела (капли, сплески и обломки тигля) [Богучанская..., 2015, с. 425]. Датировка, предложенная авторами раскопок, – конец бронзового века в переходный период от бронзового к раннему железному веку [Савин, Солодская, Олышанецкая, 2011, с. 466; Богучанская..., 2015, с. 426, 479].

Подобные объекты отмечены и в 40 км выше по Ангаре, на стоянке Усть-Верее-2, где изучены четыре жилища, в которых найдены сосуды с «жемчужной» орнаментацией под венчиком [Савин, Солодская, Груздева, 2012, с. 483–485].

Керамика с «жемчужинами» по краю сосудов характеризует в Нижнем Приангарье целый массив памятников широкого хронологического диапазона [Стоянка..., 2016, с. 88–92]. Ряд исследователей объединяют такую керамику в один «аталонгский» пласт, включают в него и «рубчатую», и гладкостенную керамику [Гурулёв, Максимович,

2016, с. 188]. На наш взгляд, предложенное название целесообразно оставить (чтобы не создавать путаницу), обозначая керамический тип сосудов с «жемчужинами», изготовленных выколоткой рубчатыми колотушками или несущих на поверхности следы прочерченной гребенки либо щепы. Однако необходимо учитывать, что фрагменты и сосуд стоянки Аталанга на р. Илим А. П. Окладников относил к серовскому этапу неолита [Окладников, 1950, с. 213, рис. 61.1, 2]. Один профилированный фрагмент венчика с четырьмя рядами «жемчужин» из этого местонахождения близок сосудам с ярко выраженной шейкой улахан-сегеленняхской культуры [Дьяконов, 2012, с. 109, рис. 2.14, 22, 23].

Близкие по форме «гладкостенные» сосуды с орнаментом из пояса «жемчужин» и наклонных прочерченных линий отмечены на стоянках Кода-2 [Богучанская..., 2015, с. 76, рис. 67.1], Утес Медвежий [Богучанская..., 2015, с. 174, рис. 171.2], Камешок [Богучанская..., 2015, с. 232, рис. 233.5], Капонир [Богучанская..., 2015, с. 293, рис. 291] и др. На стоянке Рожкова, в слое вместе с такими сосудами, отмечены бронзовые пластинки и корольки. К этому же типу керамики следует отнести сосуд-дымокур с тремя налепными ушками, найденный на стоянке-могильнике Капонир [Богучанская..., 2015, с. 293, рис. 291].

Целая серия схожих сосудов была найдена на стоянке Итомиура в среднем течении р. Муры (левого бережного притока Ангары) [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 74, рис. 10.6–8]. Для одного из них, сосуда № 39, по древесному углю из внутреннего заполнения получена радиоуглеродная дата 3085 ± 60 л. н. (СОАН-8949), указывающая на калиброванный возраст по второй сигме в рамках середины XV – конца XIII вв. до н. э. [Там же, с. 77, рис. 10.7]. На этой же стоянке получена радиоуглеродная дата и для «рубчатого» сосуда (№ 14) с «жемчужинами» и изображением «змей» из гладких наколов. Полученная дата 3275 ± 45 л. н. (СОАН-8952) указывает на календарный возраст по второй сигме в пределах середины XVII – середины XV вв. до н. э. Приведенное сопоставление датировок может указывать на временную разницу разных типов сосудов с «жемчужинами». «Жемчужно-рубчатые» сосуды немного древнее, чем «жемчужно-гладкие» емкости. Но общие морфологические признаки, говорят, скорее всего, о преемственности этих типов керамики.

В погребениях, которые относят к бронзовому веку, отмечены сосуды со следами выбивки внешней поверхности рубчатой лопаткой и поясом «жемчужин» под краем, а также гладкостенные сосуды с поясом ямок под венчиком. Указанные образцы, вместе с другими единичными гладкостенными, «шнуровыми» и «рубчатыми» фрагментами керамики из известных погребений [Дударёк, Лохов, 2014, с. 67–68], не сопоставляются с керамикой поселения Ельчимо-1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В изученном жилище на поселении Ельчимо-1 достоверно фиксируется присутствие в одном комплексе керамики и каменных орудий, которые характеризуют культуру ангарского населения в бронзовом веке. Разные по форме сосуды из поселения

Ельчимо-1 объединяются рядом признаков, которые выступают культурными и хронологическими маркерами. К ним относятся: 1) формовочная масса с примесью дресвы и песка; 2) конструирование сосудов в форме-емкости; 3) оформление края сосудов утолщением, которое скошено с внутренней стороны к венчику; 4) нанесение орнамента в верхней части формы, который состоит из наклонных прочерченных линий или гладких оттисков; 5) наличие пояса ямок под краем венчика с внутренней стороны, которые не всегда образовывали «жемчужины» на внешней поверхности.

Каменные изделия, которые сопровождают такую керамику, дополняют характеристику комплекса. В нем отмечается наличие: 1) каменных молотов, молотков и наковален; 2) небольших по размерам наконечников стрел с асимметричным основанием; 3) ножей на призматических пластинах с протяженным рабочим краем, оформленным ретушью; 4) призматических нуклеусов с круговым фронтом скалывания, которые по мере истощения приобретают «карандашевидную» форму; 5) сегментовидных ножей-вкладышей с двусторонней ретушью.

На поселении Ельчимо-1 изучен первый для Нижнего Приангарья комплекс материалов бронзового века с коллекцией гладкостенных сосудов с «жемчужинами». Ранее подобная керамика была выделена в отдельный вариант по материалам стоянки Итомиура [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 72]. Новые материалы позволяют поставить вопрос о выделении такой посуды в отдельный керамический тип, связанный с определенным набором изделий из камня. Узкая датировка памятника пока не проводилась, но очевидно, что его возраст укладывается в рамки развитого – позднего бронзового века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Сенотрусова П. О. Отчет о результатах археологической разведки в Богучанском районе Красноярского края в 2008 г. // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 65. 124 л.

Сенотрусова П. О. Отчет о результатах археологической разведки в Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края в 2009 г. // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 77. 117 л.

Гурулёв Д. А. Отчет о результатах археологической разведки в Богучанском районе Красноярского края в 2019 году: в 2 т. // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 177. Т. 1 – 228 л. Т. 2 – 198 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березин Д. Ю. Керамические комплексы неолитических памятников Средней Ангары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 24 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский,

А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1.)

Гурулёв Д. А., Максимович Л. А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 185–194.

Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 106–115.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Керамические комплексы бронзового века Нижней Ангары: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Древности Восточной Европы. Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г. Санкт-Петербург. – Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). – СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. – С. 98–101.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I и II / Материалы и исследования по археологии СССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 18. – 412 с.

Савин А. Н., Солодская О. В., Груздева Е. А. Исследования поселенческого комплекса Усть-Верее-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 483–485.

Савин А. Н., Солодская О. В., Олышанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Т. XVII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 463–468.

Сенотрусова П. О. Мандрыка П. В. Итоги разведочных работ археологической экспедиции Сибирского федерального университета в Богучанском районе Красноярского края в 2007–2009 годах // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 188–204.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, Ю. Н. Гаркуша, Д. А. Гурулёв, С. В. Шнайдер, Н. А. Кулик, С. К. Васильев, Е. А. Кербс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 2.)

Lithic Industry of the Itomiura Site in the Lower Angara Region (Neolithic and Bronze Ages): Spatial Organization and Key Characteristics / Dmitry A. Gurulev, Liliya A. Maksimovich, Polina O. Senotrusova, Pavel V. Mandryka // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. 14 (1).

P. V. Mandryka, P. O. Senotrusova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

BRONZE AGE HOUSE AT THE SETTLEMENT ELCHIMO-1 IN THE LOWER ANGARA REGION

The article provides a description of Late Bronze Age materials from a dwelling studied in 2022 at the Elchimo-1 settlement in the Boguchany District of the Krasnoyarsk region. The discovered finds represent a single cultural complex, including ceramic vessels and stone products.

Keywords: Lower Angara region, settlement, Bronze Age, ceramics, stone tools.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мандрыка Павел Владимирович, д-р ист. наук, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири, Сибирский федеральный университет.
E-mail: pmandryka@yandex.ru.

Сенотрусова Полина Олеговна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.
E-mail: polllina1987@rambler.ru.

Mandryka Pavel Vladimirovich, Doctor of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archeology of the Yenisei Siberia, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Senotrusova Polina Olegovna, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Юй Сяосяо

Цзилинский университет, Чанчунь,
г. Цзилинь, КНР
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, РФ

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ ТЕПСЕЙ

Аннотация. Предпринята попытка проследить эволюцию тагарской культуры на основе анализа известного погребального комплекса, расположенного у подножия горы Тепсей в Красноярском крае. Анализируются формы погребений, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь, проведена сравнительная характеристика погребений на различных хронологических этапах существования культуры. Исследуются вопросы ее эволюции, рассматриваются пути и механизмы культурного взаимодействия, прослеженные благодаря смешению культурных признаков на артефактах и в устройстве погребений. На формирование культурного облика погребений у г. Тепсей оказывали влияние народы юга Минусинской котловины. Позже, из-за экспансии хунну, проникновение мигрантов привело к изменениям в облике материальной культуры и смешению культурных признаков.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, Тепсей, тагарская культура, погребения, инвентарь, керамика.

ВВЕДЕНИЕ

Рассматриваемый комплекс археологических памятников расположен в Красноярском крае на правом берегу р. Енисей у подножия горы Тепсей. С 1964 г. Красноярской экспедицией Института археологии АН СССР было проведено масштабное археологическое изучение памятников в предгорьях Тепсея, где исследовано большое количество разновременных захоронений [Грязнов, 1965; Грязнов, Комарова, 1969; Грязнов, Максименков, 1972]. С 1968 по 1977 г. М. П. Грязнов, Н. А. Боковенко, М. Н. Пшеницына, Н. А. Аванесов, Н. Л. Подольский, Л. В. Скалин, М. П. Завитухина и другие исследователи раскопали здесь ряд тагарских захоронений. В 1979 г. под редакцией М. П. Грязнова вышла в свет сводная работа, в которой представлен предварительный анализ полученных материалов [Комплекс..., 1979]. М. П. Грязнов в своих работах разделил погребения тагарской культуры на три этапа: подгорновский, сарагашенский и тесинский [Комплекс..., 1979; Gryaznov, 1969]. Могильники у горы Тепсей являются важным источником для изучения способов захоронения и устройства могил, а также всех этапов тагарской культуры. Обсуждались также характеристики и культурная принадлежность погребений тесинского этапа [Мартынов, 1979; Кузьмин, 1995; Савинов, 2011; Zhang Meng, 2013; Shan Yueying, Lu Yan, 2008].

В данной статье на основе анализа погребальных памятников объясняется процесс развития тагарской культуры у подножия горы Тепсей и дается характеристика различных ее этапов. Посредством анализа предметов материальной культуры был исследован вопрос эволюции тагарской культуры и процесс взаимного влияния групп населения, в результате чего развился синкретичный облик материальной культуры тагарского населения в регионе. В качестве источника для построения корреляционных таблиц использована монография под редакцией М. П. Грязнова «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» [Комплекс..., 1979].

КЛАССИФИКАЦИЯ И ГРУППИРОВКА МОГИЛ

В нормальных обстоятельствах погребальная обрядность членов одного племени имеет очевидное сходство между собой, которое проявляется в основном в структурных характеристиках погребений, погребальных ритуалах и сопроводительном инвентаре [Mike Parker Pearson, 2000]. В одном и том же племени изменения в структуре социальной организации и классовая дифференциация также могут привести к определенным различиям в погребальной обрядности. Различия внутри такого рода сообществ основаны на единстве материальных и культурных ценностей, они могут быть символом идентичности и статуса, определяться через размер могилы и количество погребальных предметов [Huang Jianqiu, 2014].

В соответствии со структурными характеристиками погребений тагарской культуры могильники у горы Тепсей можно разделить на две категории. Первая категория – это грунтовые могилы, на поверхности которых нет очевидных насыпей или каменных конструкций. Вторая категория – курганы с каменной оградой на поверхности, имеющие одну или несколько могил или склеп, расположенный внутри ограды. Объектами рассмотрения в данной статье являются 37 грунтовых могил и 20 курганов (в том числе 67 грунтовых могил и 1 склеп). Существуют одиночные, парные и коллективные захоронения. Максимальное количество массовых захоронений – 30 человек (в склепе).

Рис. 1. Распределение типов захоронений по пунктам раскопок в микрорайоне Тепсей

Могильники у подножия г. Тепсей разделены на 21 пункт: Тепсей I, Тепсей II и т. д. (Т. I – Т. XXI). Грунтовые могильники расположены в пунктах: Т. I, Т. III, Т. VIII и Т. XVII, курганные могильники в пунктах: Т. VII, Т. IX, Т. XV и Т. XVI. Пункты Т. VII и Т. VIII – это районы, где сосуществуют грунтовые могилы и курганы (рис. 1). В пункте Т. VII преобладают грунтовые могилы. Пункты Т. VIII и Т. IX являются основными местами распространения курганов, на долю которых приходится 64 % от их общего числа на памятнике. Чтобы облегчить дальнейшее изложение, в статье все объекты разделены на три основные зоны: южную, центральную и северную – в соответствии с их распространением на надпойменной террасе (рис. 2). В южной части памятника преобладают грунтовые могилы, к ним относятся пункты Т. I, Т. III, Т. VII и Т. XVII. В центральной части в основном расположены курганы, эта территория включает в себя пункты Т. VIII и Т. IX. Северная часть включает только курганы, пункты Т. XV и Т. XVI.

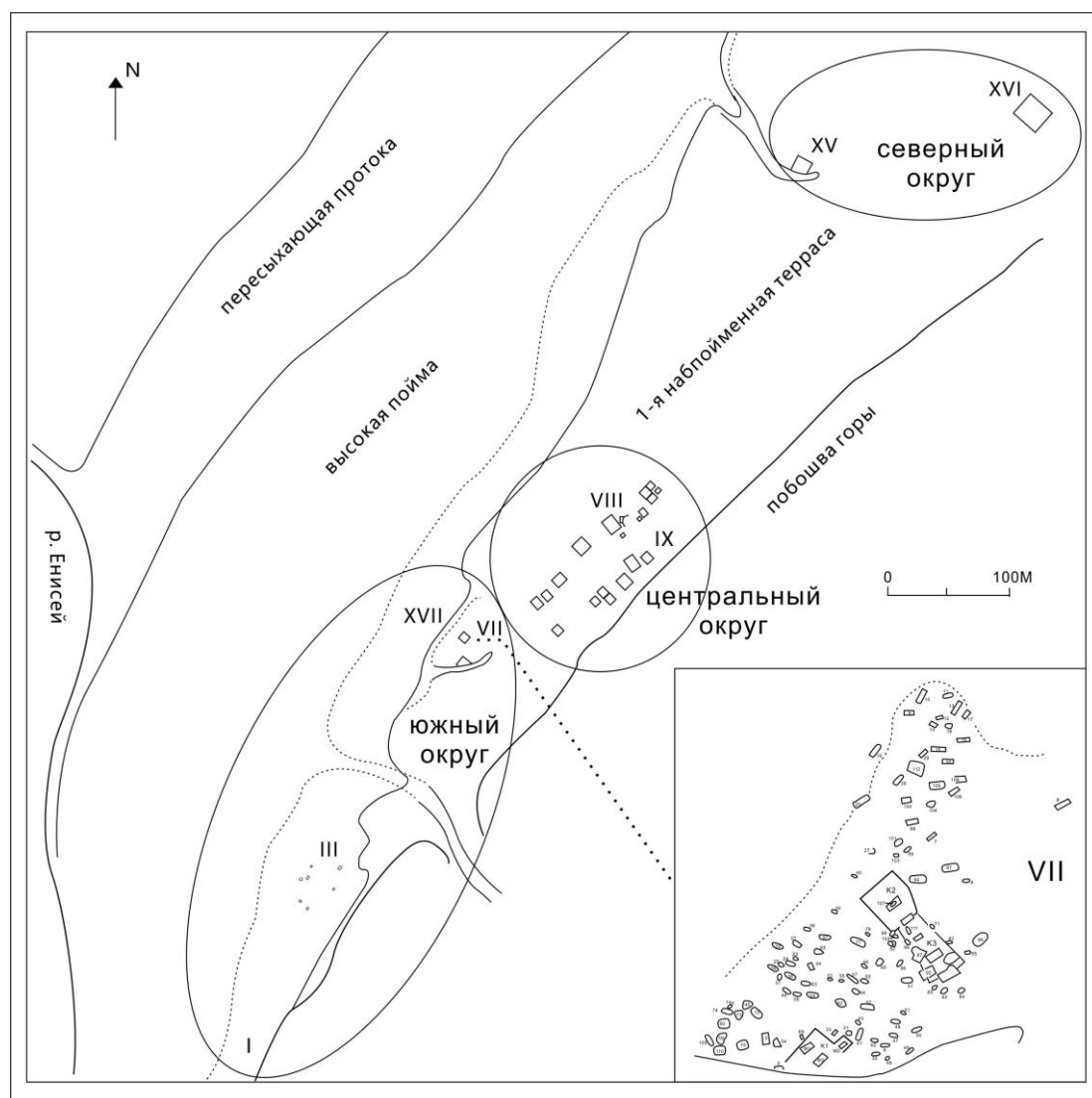

Рис. 2. План археологического микрорайона Тепсей с погребальными объектами тагарской культуры и тесинского этапа с указанием пунктов. В качестве основы взят план из [Комплекс..., 1979, рис. 2, 6, 8]

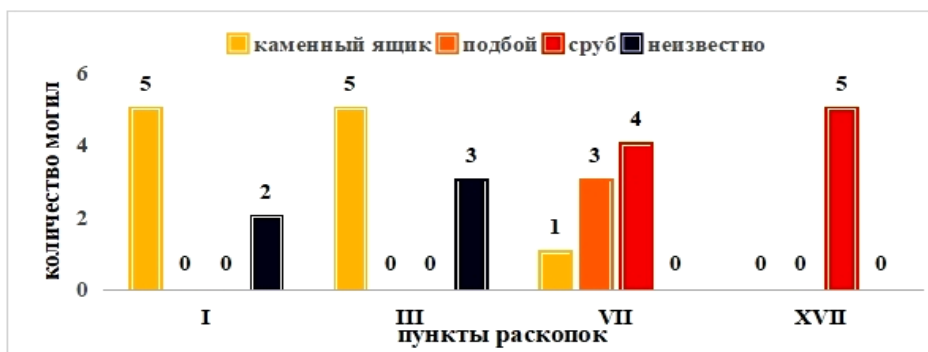

Рис. 3. Статистика внутримогильных конструкций в южном участке микрорайона Тепсей

Могильники южной части надпойменной террасы. Здесь расположено 28 грунтовых могил. Семь из них отнесены к пункту Т. I, 8 – к пункту Т. III, 8 – к пункту Т. VII и 5 – к пункту Т. XVII. Два кургана находятся в пункте Т. VII.

Можно выделить три основных типа устройства грунтовых могил (по виду погребальных сооружений): ямы с каменными ящиками – 11, с подбоями – 3, со срубами – 9 (рис. 3). Группа памятников Т. I представляет собой одиночные захоронения с каменными ящиками. В четырех из них были обнаружены следы сожжений, ориентация захоронений неизвестна. Группа памятников Т. III включает погребения в каменных ящиках, из которых 2 – коллективные захоронения. Пять из них ориентированы по линии ЮЗ – СВ и одно – по линии З – В. В Т. VII есть 3 могилы с подбоями (мог. 60, 72, 75) и 4 – в деревянных срубах. Ориентация могилы 60 – З – В, а могилы 72 и могилы 75 – С – Ю. Могила 75 представляет собой коллективное захоронение, ориентирована на юг. Могилы со срубом представляют собой одиночные захоронения, голова погребенного обращена на СЗ, СВ и В. В пункте Т. XVII есть только срубы с одиночными захоронениями, обращенными на СВ и В.

Могильники в центральной части надпойменной террасы. В центральной части надпойменной террасы насчитывается 16 курганов, из них 9 относятся к группе Т. VIII, 7 – к группе Т. IX. Здесь также обнаружено 12 грунтовых могил, все они расположены в группе Т. VIII.

Рис. 4. Корреляция внутримогильных конструкций и количества погребенных в захоронениях в центральной части памятника

Рис. 5. Корреляция внутримогильных конструкций и возрастного состава погребенных в захоронениях в центральной части памятника

Грунтовые могилы представляют собой ямы в каменном ящике или в деревянном срубе. Отмечены одиночные, парные и групповые захоронения (рис. 4). В этой части памятника способы захоронения взрослых и детей также различаются (рис. 5). В каменных ящиках преобладают одиночные захоронения, преимущественно детей; в деревянных срубах были захоронены взрослые.

Могильники северной части надпойменной террасы. В северной части надпойменной террасы обнаружено только 2 кургана, а именно курган в пункте Т. XV и большой курган-склеп в пункте Т. XVI. Курган в пункте Т. XV содержал 8 могил. Могилы 1–3 – с деревянным срубом, в которых находились парные захоронения, погребенные обращены головами на ЮЗ. В могиле 1 скелет женщины лежал головой на СВ, а стенки ямы были обложены еще и камнем; могила 4 – с коллективным захоронением в деревянном срубе, ориентация одного погребенного головой на ЮЗ; могилы 5–8 – впускные, с каменными ящиками, в них похоронены дети. Курган в пункте Т. XVI построен с квадратной оградой и земляной насыпью, внутри ограды располагался большой деревянный склеп. Было установлено, что в данном склепе похоронено не менее 30 человек, склеп сожжен. Внутри ограды выявлены 4 детских погребения в ящиках, которые, вероятно, входят в один могильник с такими же погребениями за каменной оградой.

Благодаря классификации могил и анализу различий между погребениями по разным признакам, погребения со схожими характеристиками могут быть дополнительно разделены на группы. Могилы у подножия г. Тепсей в основном разделены на шесть групп, за исключением группы F, которая представляет особые обычаи погребения детей (табл. 1). Все остальные группы демонстрируют отличные друг от друга характеристики.

Таблица 1

Группировка погребений могильника у горы Тепсей

Группы погребений	Ориентация	Вид внутримогильной конструкции	Вид погребального сооружения	Группы людей
А	Головой на ЮЗ	Сруб	Курган	А
		Каменный ящик	Грунтовая могила	
В	Головой на СВ	Сруб	Курган и грунтовая могила	В
		Каменный ящик	Грунтовая могила	
С	на С–Ю?	Сруб	Курган	С
Д	Головой на Ю	Подбой	Грунтовая могила	Д
Е	Кремация	Каменный ящик	Грунтовая могила	Е
		Склеп	Курган	
F	Головой на ЮЗ	Каменный ящик	Курган	Только детские могилы
	Головой на СВ	Сруб	Грунтовая могила	

СТРАТИГРАФИЯ ПОГРЕБЕНИЙ

В пункте Т. VIII расположены как курганы, так и грунтовые могилы. Здесь отмечаются два набора стратиграфических взаимосвязей. В кургане 7 могилы 2, 3 и 4 перекрывают могилу 1. В могиле 2 обнаружен железный наконечник стрелы, пряжка и кольцо, в то время как в могиле 4 отмечен сосуд на низком поддоне. В могиле 1 обнаружены бронзовые бляшки, втоки и наконечники стрел, а глиняная посуда представляет собой банку (тип А). В кургане 1 могилы 1в, 1г, 1д и 1е перекрывают могилы 1, 2 и 3. Захоронение в могиле 1е с глиняной банкой (тип С). Могила 2 содержит бронзовые полусферические бляшки, кольца, конические бусины, шилья и костяные наконечники стрел. Керамика представляет собой банки (тип А и В).

Сравнение этих двух групп захоронений (курган 1 и курган 7) как с точки зрения стратиграфической взаимосвязи, так и с точки зрения сопроводительного инвентаря позволяет выявить четкий хронологический рубеж. В кургане большинство погребальных артефактов изготовлены из бронзы, а керамика чаще встречается в виде банок с широким горлом (тип А и В), кувшинообразных сосудов с шаровидным туловом и иногда небольших чашеобразных сосудов (тип С). В большинстве грунтовых могил сопроводительный инвентарь представлен предметами из железа, глиняные горшки чаще встречаются в виде чашеобразных сосудов, мисок и чашек, а иногда и посуды многогранной (квадратной и пятиугольной) формы и сосудов кувшинообразной формы. Очевидно, что различия в способах погребения в данном случае демонстрируют отличия в облике материальной культуры, что может отражать эволюцию ее развития от бронзового века к железному.

Относительный возраст могил в кургане и их группировка. В своей работе М. П. Грязнов разделил курганы на подгорновские и сарагашенские. Следует отметить, что курганы часто содержат две или более могил. На начальном этапе строительства

кургана была засыпана только центральная погребальная яма (или главная погребальная яма), а рядом с ней были построены другие. Кроме того, в ряде публикаций описаны изменения в погребальных обычаях на всем протяжении развития тагарской культуры [Bokovenko, 2006; Davis-Kimball, Bashilov, Yablonsky, 1995]. Большинство ранних захоронений были одиночными, затем появились парные и коллективные захоронения (от 3 до 6 человек), а также большие коллективные захоронения (около 200 человек). Основываясь на вышеуказанных предположениях, были изучены условия захоронений в 11 курганах с четкими позиционными соотношениями погребальных ям (табл. 2). Можно отметить, что в курганах (№ 1–8) имеются как одиночные, так и парные могилы, 7 центральных погребений являются одиночными. Кроме того, в кургане 1 (Т. XV) сосуществуют парные захоронения и захоронения нескольких человек. В этой группе могилы 1, 2 и 3 – парные, могила 2 – главная в кургане. Могила 4 с групповым захоронением, она разрушила северную ограду кургана и могилу 3, и ее возраст должен быть более поздним, чем у парных погребений, таких как могила 3. Таким образом, последовательность строительства могил кургана тагарской культуры в группе памятников у подножия г. Тепсей соответствует эволюционной тенденции развития погребальной обрядности: от одиночного к парному захоронению, а затем к коллективному.

Таблица 2

Соотношение расположения могил и количества погребенных в кургане

№ п/п	№ пунктов и курганов	Одиночные захоронения		Парные захоронения			Коллективные захоронения			Детские захоронения
1	Т. IXK1	M1	M2	M4						M3
2	Т. IXK2	M1		M2						
3	Т. IXK3	M2		M1						M3
4	Т. IXK4	M1								M2
5	Т. IXK5	M1	M2							
6	Т. IXK7	M2		M1						
7	Т. VIIK1	M3	M2	M1						
8	Т. VIIK7	M1								
9	Т. VIIK1						M1	M2		M3, M1A, M1B
10	Т. VIIK5	M9	M11				M1	M2	M3	M5-M8, M10
11	Т. XVK1			M1	M2	M3	M4			M5-M8

Примечание. Серым цветом выделены центральные могилы в кургане.

Исходя из сказанного выше и принимая за основу планиграфию могильников и количество погребенных, можно выделить четыре группы захоронений (рис. 6; табл. 3).

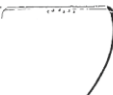
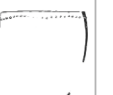
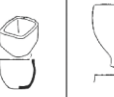
Типы сосудов № группы	Керамика с плоским дном									Сосуды на поддоне			
	Тип. А			Тип. В		Тип. С		Кувшинооб- разная форма	Плоская	Тип. А		Тип. В	
	Без орнамента	Жемчужины	Полилинии	Канавки	Жемчужины	Без орнамента	Жемчужины			Без орнамента	Жемчужины	Без орнамента	Жемчужины
№ 1													
№ 2													
№ 3													
№ 4													

Рис. 6. Характеристика керамической посуды по типам (рисунки взяты из [Комплекс..., 1979], классификация автора)

Таблица 3

Погребальный инвентарь погребений могильника у горы Тепсей

Этап	Горизонт	№ групп	Вид погребального сооружения	Количество захоронений	Керамика	Бронзовые изделия	Костяные изделия	Железные изделия
Первый	Ранний-а	№ 1	Курган	Одиночные захоронения, иногда парные	Преобладает тип А и В; редко – тип С	Бляшка, шилья, бусины, трубочки-пронизки, биконическая пронизка, вкладышевый нож	Изогнутый костяной нож	
	Ранний-б	№ 2	Курган	Парные захоронения, иногда одиночные	Преобладает тип А и В; увеличивается количество сосудов типа С	Бляшка, бусины, шилья, нож с каплевидным отверстием, наконечник стрелы, трубочки-пронизки, зеркало, вток, чекан	Изогнутый костяной нож, прямой костяной нож, наконечник стрелы; роговое кольцо	
		№ 3	Курган	Коллективные захоронения	Преобладает тип С, редко – тип А	Бляшка, нож с каплевидным отверстием, нож с кольцами, шилья		
Второй	Поздний	№ 4	Грунтовые могилы; курганы	Одиночные захоронения, редко – коллективные погребения (до 30 человек)	Сосуды типа С, кувшинообразной формы, сосуды на поддоне, кубковидные, плошки	Бляшка, кольцо, пряжка, монета «ушу», ажурная бляшка	Роговая булавка, подвеска, ложечковидные застёжки, пряжка	Кольцо, шилья, нож с кольцевидным навершием, кинжал, пряжка, наконечник стрелы

Группа 1 представлена одиночными захоронениями в курганах. В Т. IX это курган 1 могила 1, курган 2 могила 1, курган 3 могила 2, курган 4 могила 1 и курган 5 могила 1. В этих погребениях керамика представлена банками с большим широким горлом, украшенными бугорками, и кувшинообразными сосудами с желобками. В пункте Т. IX, в кургане 1 могиле 1, кургане 2 могиле 1 и в кургане 3 могиле 1 – типично наличие банок с широким горлом. Вместе с банками здесь отмечаются и бронзовые бляшки. Аналогичный сопроводительный инвентарь также имеют другие погребения: пункт Т. III могила 38, пункт Т. IX курган 7 могила 2, пункт Т. VIII курган 1 могила 2, курган 8 могила 2, курган 11 могила 1, курган 11 могила 2, курган 12 могила 4 и курган 13. Кроме того, сопроводительный инвентарь и посуда баночной формы из пункта Т. VIII кургана 12 могил 1, 3, 5 и 8 имеет сходство с материалами из пункта Т. IX кургана 2 могилы 1. Похожи по форме могилы в пункте Т. IX из кургана 4 могила 1 и в пункте Т. IX из кургана 1 могила 2, где было обнаружено такое же сочетание бронзовых бляшек, бусин и бронзовых конусовидных пронизок.

Группа 2 представлена парными захоронениями в курганах. Они отмечены в пункте Т. XV в кургане 1 (могилы 1, 2 и 3); в пункте Т. VII в кургане 1 (могила 1); в пункте Т. IX в кургане 3 (могила 1) и в кургане 7 (могила 1). В них найдены банки с широким горлом, украшенные «жемчужником» и линейным узором, банки с широким горлом, украшенные «жемчужником», и чашевидные сосуды. В могиле 1 кургана 7 из пункта Т. VIII отмечены бронзовые втоки и зеркала, костяные наконечники стрел и баночные сосуды. Подобными вещами сопровождаются могила 1 в кургане 5 и могила 2 в кургане 1 пункта Т. VIII. Кроме того, по сравнению с орнаментацией сосудов первой группы, «жемчужины» в этой группе расположены более плотно и равномерно. «Жемчужник» на банке из могилы 1 кургана 8 пункта Т. VIII ближе ко второй группе, к которой он отнесен.

Группа 3 представлена коллективными захоронениями в курганах. К ней относится в пункте Т. XV в кургане 1 могила 4. По структуре погребения она близка к могиле 4 кургана 1 пункта Т. XV и могиле в пункте Т. VIII в курганах 4А и 10А. Погребальная керамика здесь представляет собой банки с широким горлом, украшенные линейными узорами и «жемчужником» или сосуды на поддоне без орнамента. Отличительной особенностью этой группы является обилие бронзовых изделий, таких как бронзовые бляшки, конусовидные пронизки, ножи с отверстиями на рукояти, ножи с кольцевым навершием и наконечники стрел.

Группа 4 представлена грунтовыми могилами. В нее входят: в пункте Т. I могила 1; в пункте Т. III могилы 16 и 24В; в пункте Т. VII могилы 7, 28, 30, 60, 72, 73, 74, 75; в пункте Т. XVII могилы 1–5; в пункте Т. VIII впускные могилы 2 и 4 в кургане 7. Погребальная керамика представлена банками уменьшенных размеров, мисками и кубками, а также кувшинообразными сосудами и сосудами многогранной формы. Пряжки, железные ножи и железные кинжалы являются наиболее характерными изделиями в этой группе погребений.

Таким образом, по составу погребального инвентаря отмечаются очевидные различия между первыми тремя группами и четвертой, что выражается в облике керамики и наборе сопроводительного инвентаря. На основании этого можно предположить, что первые три группы могут быть классифицированы как ранние, а четвертая группа сформировалась позднее. Ранние захоронения были в основном локализованы в центральном районе памятника, а поздние погребения отмечены в южном и северном районах. Что касается украшения керамики, то для погребений первой, второй и третьей групп отмечаются отличия. Орнаментация керамики первой группы представлена желобками, в то время как сосуды второй и третьей групп украшены линиями. Что касается украшений, то первая группа характеризуется наличием бронзовых бляшек и украшений из бисера. Вторая и третья группы характеризуются обилием и разнообразием оружия и орудий труда, таких как бронзовые шилья, наконечники стрел, ножи, втики и чеканы.

Сравнительная характеристика погребального инвентаря и датировка. Керамика, сопровождающая могильники карасукской культуры в районе Тепсея, в основном имеет округлое дно, выделенное горло и слегка расширяющееся устье, и украшена треугольными геометрическими узорами, желобками и штампами. Эта керамика напоминает сосуды карасукского периода, проанализированные И. П. Лазаретовым [Лазаретов, Поляков, 2008]. Его приблизительный хронологический диапазон – с XII по XI в. до н. э. Керамика ранних периодов тагарской культуры в погребениях у подножия горы Тепсей была в основном плоскодонной, для нее характерно украшение желобками или «жемчужником», иногда сосуды вовсе не орнаментировались. Что касается положения тела при погребении, то в карасукский период людей клали на бок и поворачивали голову на северо-восток. Представители тагарской культуры клали своих покойников вытянуто на спине, головы погребенных обращены на ЮЗ. Несмотря на различия в облике керамики или погребальной обрядности, можно предположить, что представители тагарской культуры, присутствие которых обнаружено у подножия г. Тепсей, скорее всего, пришли из других регионов и напрямую не контактировали с местным карасукским населением.

На Байновском могильнике, могильниках Бигранов II и V, расположенных в бассейне р. Абакан в южной части Минусинской котловины, на керамике также отмечены желобки, характерные для карасукского периода, и штампы, широко распространенные в лугавской период (рис. 7). В то же время появляются объемные банки с плоским дном и украшение сосудов «жемчужником» [Лазаретов, 2007]. Очевидно, что эти черты отражают процесс взаимовлияния и совместного развития двух культур. Сосуды Тепсея, характерные для ранней стадии тагарской культуры, представлены банками с широким горлом и несколькими горизонтальными рядами желобков и «жемчужником». Здесь они более поздние, чем с байновских памятников юга. Ранние тагарские культурные факторы в этой области могут быть связаны с остатками байновского этапа в южной части Минусинской котловины.

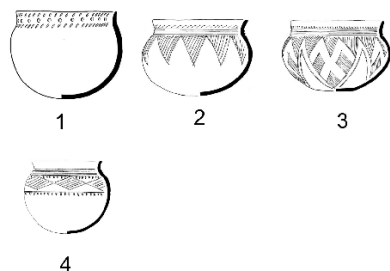
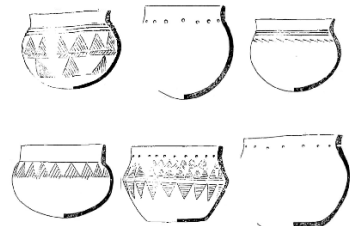
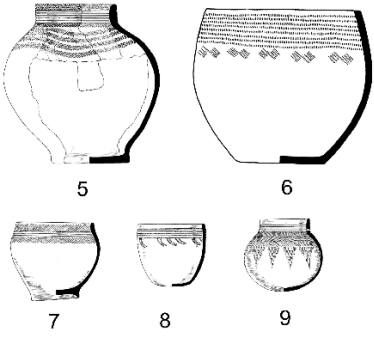
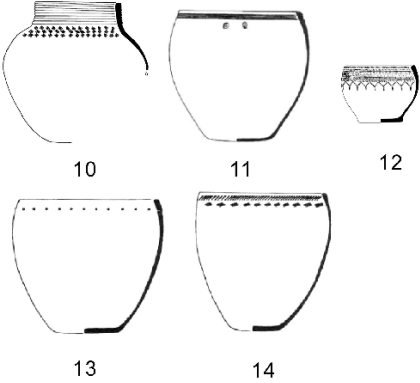
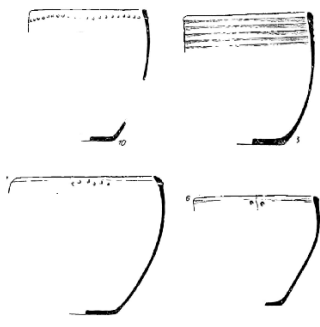
Керамика в южной части Минусинской котловины		Могильники микрорайона Тепсей	
карасукский этап			карасукский этап
байновский этап			
подгорновский этап			первый этап тагарского периода

Рис. 7. Сравнение керамики карасукской керамики и сосудов байновского этапа тагарской культуры: 1 – Сухое Озеро II, курган № 493, мог. 2; 2, 3 – Карасук I: курган № 54, мог. 1; курган № 48, мог. 1; 4 – Бигранов II, мог. 5; 5, 11, 13, 14 – Бигранов V: курган № 9, мог. 7; курган № 6, мог. 1; курган № 14, мог. 1; курган № 15; 6 – Самохвал курган № 9, мог. 2; 7–10 – Белое Озеро I: курган № 63, мог. 3; курган № 5, мог. 1; курган № 62, мог. 2; курган № 4, мог. 2; 12 – Лугавский III, курган № 1

Поздняя керамика представлена кубковидными сосудами. В погребениях расцвета тагарской культуры Тепсея керамика с поддонами не отмечается. На поздних стадиях тагарской культуры такие артефакты уже имели высокий поддон и относительно устойчивую форму. О ее возникновении и путях передачи можно судить по сосудам на поддоне, найденным в Большом кургане Табат [Пшеницина, Поляков, 1989], Медведковском могильнике II [Боковенко, Красниенко, 1988] и Новомихайловском могильнике в южном районе Минусинска. Согласно данным радиоуглеродного датирования, нижняя дата Большого кургана Табат определяется примерно V в. до н. э., а могильника

Медведка II – примерно IV в. до н. э. Нижняя датировка могилы 3 кургана 1 Новомихайловского могильника относится примерно к III в. до н. э. [Поляков, Святко, 2009]. Погребальный инвентарь первых двух могильников представлен преимущественно бронзовыми вещами, в то время как на объектах у подножия горы Тепсей отмечается присутствие бронзовых и железных вещей. Кубковидные сосуды Новомихайловского могильника и могильника Медведка II имеют более короткий поддон и форму, близкую к баночной (тип А). Возможно, между ними существует переходная эволюционная форма. Учитывая возраст объектов и тенденцию к изменению формы артефактов, можно предположить, что сосуды на поддонах появились на северных памятниках под влиянием с юга (рис. 8). Кроме того, орнаментация «жемчужником» вдоль венчика на сосудах с поддоном в районе Тепсея, должно быть, была традиционной для этого региона и сохранилась при появлении новых форм керамики.

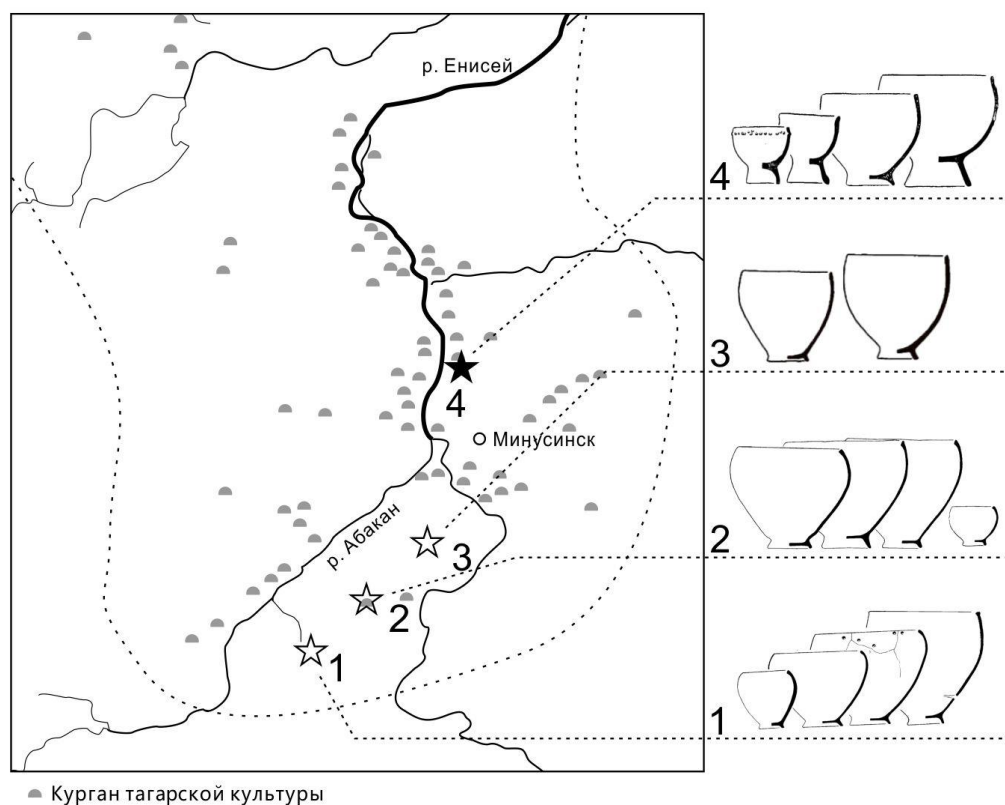

Рис. 8. Сосуды на поддонах из могильников тагарской культуры Минусинских котловин: 1 – Большой Табатский Курган, мог. 3; 2 – Медведка II курган № 2, мог. 1; 3 – Новомихайловский курган № 1, мог. 1; 4 – Тепсей VII. За основу взята карта распространения тагарской культуры из работы Н. А. Боковенко [Davis-Kimball J.(eds.), 1995, p. 297, map. 18]

Среди других погребальных предметов наиболее примечательными являются поздние монеты «ушу» и бронзовые поясные бляшки (рис. 9), которые были обнаружены в могиле 75 пункта Т. VII в южной части памятника. Эти предметы впервые обна-

ружены в предгорьях г. Тепсей. Монета соединена кожаными ремешками и другими кольцами, использовалась в качестве украшения пояса. Очевидно, что она утратила свое применение в качестве денежной единицы после того, как оказалась за пределами китайского государства.

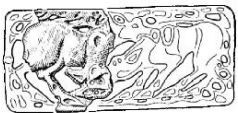
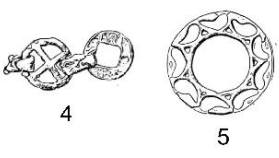
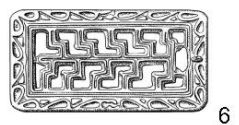
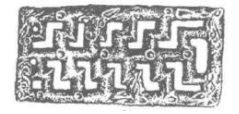
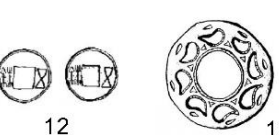
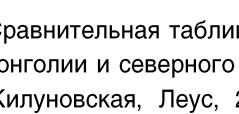
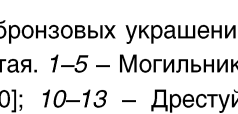
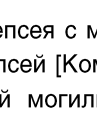
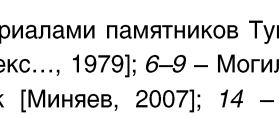
Вид Рисун	Бляшки со ступенчатым рисунком	Бляшки с двойным звериным рисунком	Пряжки с бычьими головами	Монеты «ушу» резные украшения в форме колец
Моги́льник Тепсей	 1	 2	 3	 4 5
Тува	 6	 7	 8	 9
Забайка́лье	 14	 10	 11	 12 13
Монго́лия	 16	 17	 15	 19
Се́верный Кита́й	 16	 17	 18	 20

Рис. 9. Сравнительная таблица бронзовых украшений Тепсея с материалами памятников Тувы, Забайкалья, Монголии и северного Китая. 1–5 – Моги́льник Тепсей [Комплекс..., 1979]; 6–9 – Моги́льник Ала-Тей 1 [Килуновская, Леус, 2020]; 10–13 – Дрестуйский моги́льник [Миняев, 2007]; 14 – Монго́лия [Purevdolji, Bayar, Tserendagva, Aoqier Huyag, 2019]; 15 – Дундговь аймаг [Yang Jianhua, Shao Huiqiu, Pan Ling, 2016]; 16 – Моги́льник Сичагоу [Sun Shoudao, 1960]; 17, 19, 20 – Моги́льник Даодунци [Zhong Kan, Wuen, Li Jinzeng, 1987]; 18 – Ордос [Tian Guangjin, Guo Suxin, 1986]

Бронзовые украшения могильника находят аналогии в памятниках Тувы, Забайкалья, Монголии и северного Китая. Это прямоугольные поясные бляшки со ступенчатым орнаментом, с парными звериными изображениями, резные украшения в форме колец и бронзовые пряжки с бычьими головами. Они могут быть отнесены к периоду владычества хунну (рис. 9).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно древнекитайской литературе, хунну впервые появились в северном Китае в конце V в. до н. э., а их правящий центр располагался в центральной и северной части Внутренней Монголии к северу от Великой стены Чжао. В 120 г. до н. э. королевский двор был перенесен в Мобэй (современная Монголия). Сфера деятельности хунну была расширена до Забайкалья, Тувы и других регионов. При сравнении предметов можно увидеть, что художественные артефакты хунну в районе от северного Китая до Забайкалья более утонченные и схожие по форме, в то время как в Республике Тыва отмечены воссозданные копии этих артефактов. Форма пряжки у подножия горы Тепсей более грубая.

Изменение облика сопроводительного инвентаря в поздний период существования могильника у г. Тепсей, очевидно, было связано с экспансионистской деятельностью этнических групп хунну. С. С. Миняев провел спектральный анализ 12 бронзовых предметов из погребений и сравнил их с Косогольским кладом, коллекциями из Минусинских степей и коллекциями из памятников хунну Забайкалья [Комплекс..., 1979]. Было сделано предположение, что бронзовые артефакты тагарской культуры в предгорьях г. Тепсей производились на местной основе. С этой точки зрения бронзовые бляхи, типичные для хунну, найденные в захоронениях тагарской культуры у подножия горы Тепсей, скорее всего, являются результатом распространения технологий, вызванных миграционными потоками либо копированием вещей в результате взаимодействия.

С точки зрения форм погребений и погребальной обрядности состав населения можно рассмотреть на примере еще нескольких погребений. Так, ориентация костяка в могиле 3 пункта Т. VII – с севера на юг, что отличается от традиционной ориентации головой на юго-запад в погребениях тагарской культуры. Артефакты, такие как кольцевые поясные бляшки со сквозной резьбой и бронзовые ажурные круглые бляшки, обнаруженные в могиле 3 пункта Т. VII, похожи на предметы хунну в Монголии и Дэрестуйском могильнике в Забайкалье [Руденко, 1962; Purevdolji, Bayar, Tserendagva, Aoqier Нууаг, 2019; Миняев, 2007]. Стоит отметить, что могила 3 в пункте Т. VII представляет собой типичный курган с оградой. Это сооружение, огороженное камнями, также является традиционной формой захоронения для раннего периода тагарской культуры в этом районе. Погребенный в этой могиле, скорее всего, являлся человеком, который контактировал с культурной группой хунну или находился под ее большим влиянием.

Другой, особый тип погребений – это могилы с подбоями: могилы 72 и 75 в пункте Т. VII. Подобные могилы с подбоями были найдены в Центральном Казахстане, где относятся к тасмолинской культуре и датируются с VII по III в. до н. э.; в долине Аракуль к востоку от Уральских гор [Davis-Kimball (Eds.), 1995]; на могильнике Машенка I (курган № 1 мог. 1) майемирской культуры в Алтайском крае [Шульга, 1998]. Этот тип захоронений отмечен на многих могильниках в Синьцзяне (Китай): могильник Цяокон I [Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, 2002], Саенсай [Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, 2013], Содунбрак [Wang Yuzhong, 1999], Кирентохай [Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, 2004], Чайвобай [Xinjiang

Institute of Cultural Relics and Archaeology, 2000], у водохранилища Гонлюшанькоу [Там же]. К более позднему этапу относятся шесть могил с подбоями, они также были обнаружены на могильнике хунну в Даодунци в Нинся (Китай) (рис. 10) [Zhong Kan, Wuen, Li Jin-zeng, 1987].

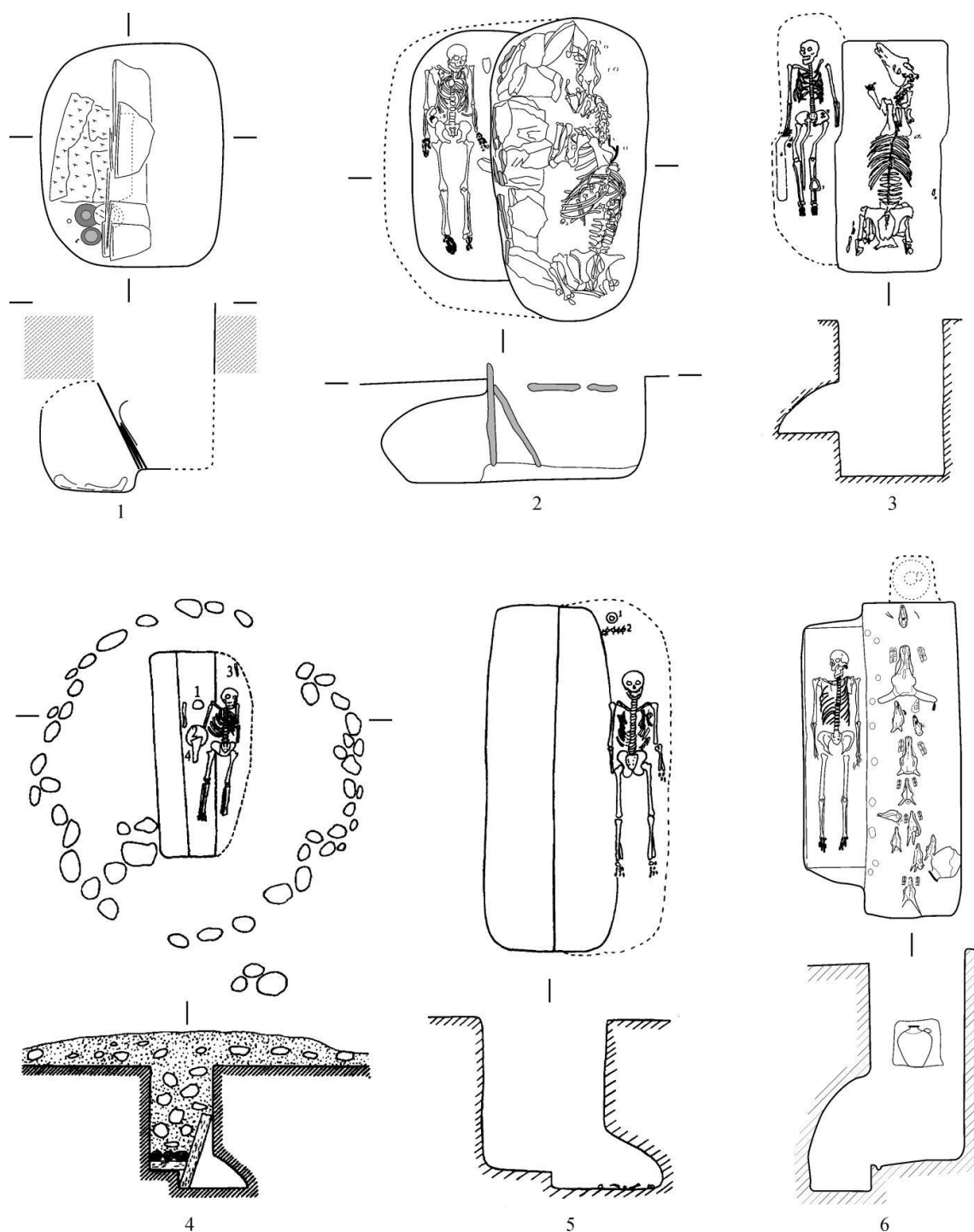

Рис. 10. Могилы с подбоями. 1 – Тепсей VII, мог. 72; 2 – могильник Машенка I, курган № 1, мог. 1 (Горный Алтай, Россия); 3 – могильник Кирентохай, мог. 116 (Синьцзян, Китай); 4 – могильник Содунбрак, мог. 6 (Синьцзян, Китай); 5 – могильник Кирпичный завод Хунци, мог. 6 (Синьцзян, Китай); 6 – могильник Даодунци, мог. 10 (Нинся, Китай)

Нижняя граница существования могильников у г. Тепсей и в регионе Нинся может быть датирована началом I тыс. н. э., позднее, чем в регионах Казахстана, Алтая и Синьцзяна (1-е тысячелетие до н. э.). Исследователи могильника Даодунци полагали, что могила с подбоем была относительно редкой формой захоронения для хунну, возможно, это влияние культуры местного населения [Wuen, Zhong Kan, Li Jinzeng, 1988]. Также существует мнение, что подобные формы захоронения могли появиться в результате влияния со стороны культур янлан, цинь и хунну [Sun Jingyi, 2019]. В погребениях могильника у г. Тепсей в двух могилах с подбоями использовались каменные плитки и берестяная кора. Монеты «ушу» выступали в качестве поясных украшений погребенного. Застежки ложечковидной формы характерны для народа хунну. Отмечены как местные уникальные погребальные элементы, так и элементы культуры династии Хань или хунну. Очевидно, что расцвет и экспансионистская деятельность хунну повлияли на развитие подчиненных и соседних областей, формируя культурную модель взаимодействия, взаимного влияния и непрерывного обмена и интеграции народов. На более ранней стадии, до экспансии хунну, регион Синьцзян, очевидно, также был очень важной территорией взаимовлияния народов и культурных контактов. Могилы с подбоями в основном встречаются в культуре содунбраке в долине р. Или и культуре субэкси в горах центрального Тяньшаня. Еще более примечательна корреляция погребений целых лошадей в могильниках Кирентохай M116 в Синьцзяне и Машенке (курган № 1 могила 1) в Горном Алтае, что свидетельствует об интеграции культурных особенностей в разных регионах. В течение I тыс. до н. э. на перевалах внутренних азиатских гор были обнаружены следы людей, приходивших и уходивших. С возвышением хунну миграционные процессы и взаимовлияние культур ускорились.

В поздний период многие группы мигрантов не имели очевидной культурной изоляции от местных жителей, они активно интегрировались в чуждую среду и были похоронены вместе с автохтонным населением в грунтовых могильниках в южной части могильника у г. Тепсей. В процессе интеграции местное население сохранило погребальную традицию, главным образом проявившуюся в строительстве крупномасштабных курганных могил для коллективных захоронений в северной части памятника. Этот способ захоронения может отличаться от организации грунтовых могил в южном округе (рис. 11).

Первая модель требует определенной степени групповой сплоченности, способности к социальной организации и аккумуляции богатства. Живущие совместно группы населения должны были иметь строгую общественную структуру, что могло проявляться в виде большого семейного союза с более стабильной социальной структурой. Вторая модель не предполагает полной унификации форм погребения, направления захоронения, особых обычаев захоронения (кремации) и т. д. и, скорее всего, характерна для нескольких разрозненных небольших семейных единиц.

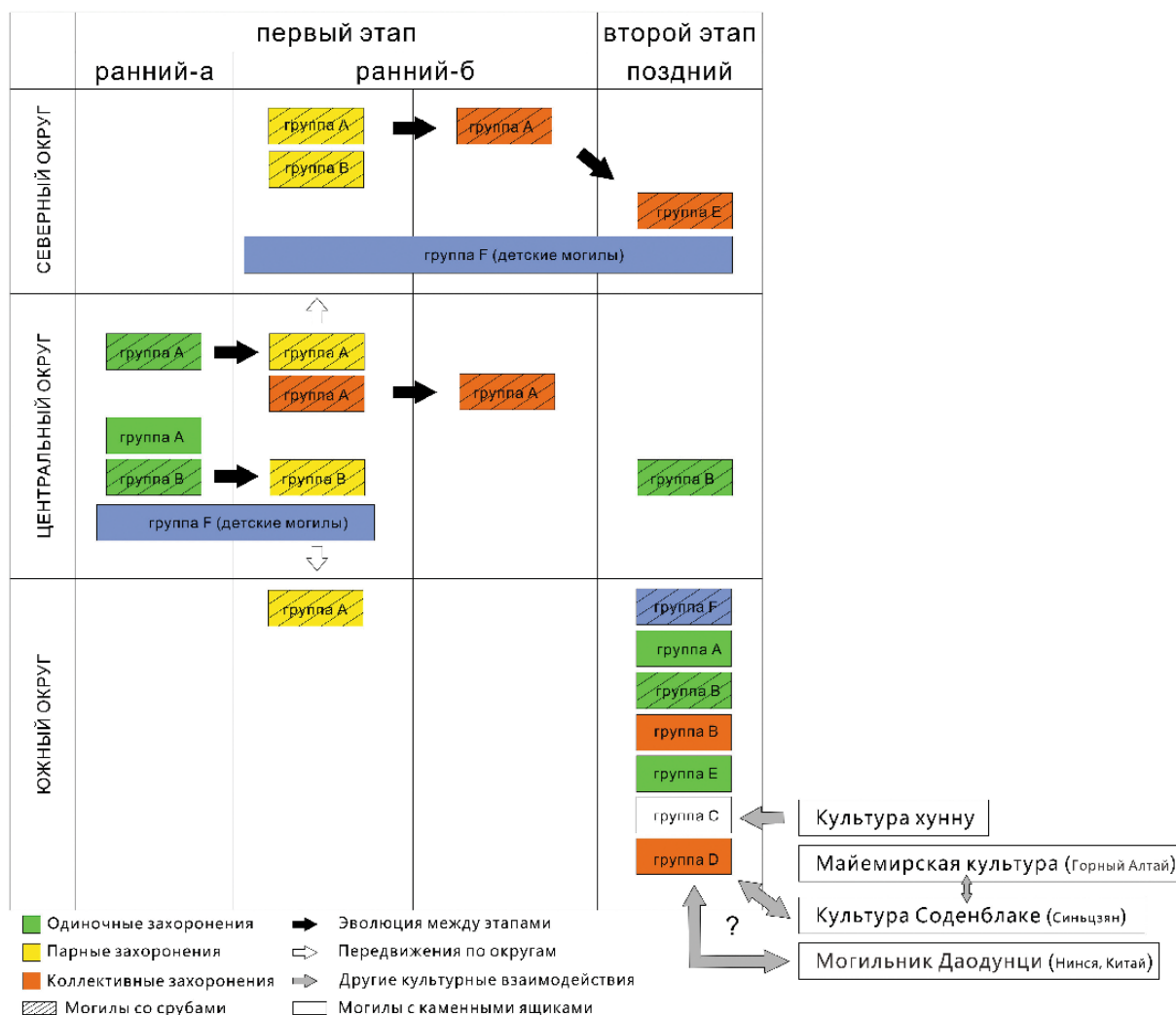

Рис. 11. Эволюция погребального обряда и влияние сопредельных культур на тагарские племена, проживавшие в районе г. Тепсей

Это противопоставление форм погребения в тот же период, с одной стороны, показывает сложность социальной структуры в поздней тагарской культуре, с другой – объясняется интеграцией множества групп людей, обладающих различными погребальными традициями, в местную среду. В какой-то степени появление нового населения не только вызвало материальные и культурные изменения в культуре позднего тагарского населения, но и побудило его перейти к большому семейному союзу в рамках идентичности этнической группы, а затем развило последующую таштыкскую культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боковенко Н. А., Красниенко С. В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 23–45.
- Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. – 1965. – Вып. 100. – С. 62–71.

Грязнов М. П., Максименков Г. А. Обследование берегов Красноярского моря // АО 1971 года. – М.: Наука. – 1972. – С. 248–249.

Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки у горы Тепсей на Енисее // АО 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 176–179.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 97–125.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.

Кузьмин Н. Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. – Л., 1995. – Вып. 24. – С. 151–162.

Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – С. 95–105.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 33–55.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник / Археологические памятники сюнну. – СПб.: СПбГУ, 2007. – Вып. 3. – 233 с.

Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.

Пшеницина М. Н., Поляков А. В. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. – 1989. – Вып. 196. – С. 58–66.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 206 с.

Савинов Д. Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 208–217.

Шульга П. И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1998. – С. 25–49.

Bokovenko N. A. The emergence of the Tagar culture // Antiquity. – 2006. – 80(310). – Pp. 860–879.

Davis-Kimball J., Bashilov V. A., and Yablonsky L. T. (Eds.). Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. – Berkeley: Zinat Press, 1995. – 403 p.

Gryaznov M. P. The ancient civilization of Southern Siberia. Translated from the Russian by James Hogarth. – New York: Cowles Book Co., 1969. – Pp. 213–279.

Huang Jianqiu. Burial Research // Methods and practices of Prehistoric archaeology [Chinese]. – Beijing: SDX joint publishing Company, 2014. – Pp. 265–340.

Mike Parker Pearson. The Archaeology of Death and Burial. – TX: Texas A&M University Press, 2000. – 250 p.

Purevdolji D., Bayar D., Tserendagva Ya., Aoqier Huyag H. Mongolian Archaeology [Chinese] / D. Purevdolji, Pan Ling, He Yumeng, Sarenbillige(translators), Yang Jianhua (proofreading). – Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2019. – 279 p.

Shan Yueying, Lu Yan. A Study of Xiongnu Waist Ornaments and Related Issues // Palace Museum Journal. – 2008. – Vol. 02. – Pp. 130–158.

Sun Jingyi. The Origin of Cave Burials form the Daodunzi Cemetery in Ningxia // The Archaeology of Northern Ethnicity. – Beijing: Science Press, 2019. – Iss. 8. – Pp. 91–98.

Sun Shoudao. Discovery of ancient tombs of "Xiongnu Xichagou Culture" // Cultural Relics. – 1960. – Z1. – Pp. 25–36.

Tian Guangjin, Guo Suxin. Ordos-style bronzes. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1986. – 546 p.

Wang Yuzhong. Ancient Tombs of Suodunbulake, Chabchar County, Xinjiang // Archeology. – 1999. – Vol. 08. – Pp. 17–28.

Wuen, Zhong Kan, Li Zengjin. Xiongnu (Hun) Cemetery at Daodunzi in Tongxin county, Ningxia // Acta Archaeologica Sinica. – 1988. – Vol. 03. – Pp. 333–356.

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Excavation of Qiongkeke I Cemetery, Nileke County // Xinjiang Cultural Relics. – 2002. – Vol. 3–4. – C. 13–53.

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Briefing on the excavation of the Qirentuohai Cemetery in Nileke County, Yili Prefecture // Xinjiang Cultural Relics. – 2004. – T. 03. – C. 60–87.

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Archaeological Excavation of Shankoushuiku Cemetery, Gongliu County, Yili Prefecture in 2005 // Xinjiang Cultural Relics. – 2006. – Vol. 01. – Pp. 1–40.

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Excavation of tombs at Chaiwobao Farm I, III, IV, Urumqi // Xinjiang Cultural Relics. – 2000. – Vol. 01–02. – Pp. 6–10.

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Xinjiang Saensayi Cemetery. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2013. – 261 p.

Yang Jianhua, Shao Huiqiu, Pan Ling. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe: the Growing of Xiongnu Confederation and the Silk Road. – Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2016. – 556 c.

Yu Xiaoxiao, Shao Huiqiu. A New Discussion on Remains of Tagar Culture in the Tepcei Cemetery // Research of China's Frontier Archaeology. – 2021. – Vol. 30. – Pp. 385–400.

Yu Xiaoxiao. Research on the tombs of Tagar in the Tepcei Cemetery // Master's Thesis of Heilongjiang University. – Harbin, 2020. – 118 c.

Zhang Meng. The Inner Asian Mountain Corridor During 1st millennium BC // Ph.D. Thesis of Jilin University. – Changchun, 2013. – 284 c.

Zhong Kan, Wuen, Li Zengjin. Briefing on the excavation of Xiongnu (Hun) Cemetery at Daodunzi in Tongxin county, Ningxia // Archeology. – 1987. – Vol. 01. – Pp. 33–37.

Yu Xiaoxiao

Jilin University, Changchun, China,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk,
Russia

RESEARCH OF MATERIAL CULTURE AND POPULATION GROUPS IN THE PERIOD OF TAGAR CULTURE AT THE FOOT OF TEPSEY MOUNTAIN

Through the combing and analysis of the remains of the Tagar culture in the Tepcei Cemetery, this paper attempts to clarify the development process of the Tagar culture in this area and the characteristics of the remains of each stage. With the analysis of cultural factors, the development and evolution opportunities in the cultural process, as well as the cross-regional cultural communication phenomenon reflected behind the coexistence of multicultural factors has been further explored. The emergence and development of these remains continue to receive the influence of which from the southern Minusinsk Basin. Later, due to the expansion of the Huns, the infiltration of intruders led to mutations in the characteristics of the remains and the formation of a multicultural face.

Keywords: South Siberia, Minusinsk Basin, the Tepsey, the Tagar culture, features of the organization of burial, analysis of cultural factors.

摘要。 本文通过对特佩西墓地塔加尔文化遗存的梳理和分析,试图阐明该地区塔加尔文化的发展过程和各阶段遗存的特点。通过文化因素的分析进一步讨论了文化过程的发展演变机会,以及多元文化因素共存背后所体现的跨地域文化传播现象。这些遗存的萌芽和发展持续受到来自米努辛斯克盆地南部的影响。随后,由于匈奴人的扩张,入侵者的渗透导致遗存特征的突变和多元文化面貌的形成。

关键词。 南西伯利亚, 米努辛斯克盆地, 特佩西, 塔加尔文化, 墓葬形制特征, 文化因素分析

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юй Сяосяо, аспирант, Цилиньский университет (г. Чанчунь, Китай), Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия).
E-mail: sveda.yu@yandex.ru.

Yu Xiaoxiao, joint doctoral student, Jilin University (Changchun, China), Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
余肖肖, 联合培养博士研究生, 就读于中国长春吉林大学, 西伯利亚联邦大学。

П. О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

БРОНЗОВЫЕ АЖУРНЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПИНЧУГА-6¹

Аннотация. Могильник Пинчуга-6 – первый полностью изученный могильник финала раннего железного века в Нижнем Приангарье. На памятнике выявлено восемнадцать погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне. В состав сопроводительного инвентаря входят шесть ажурных бронзовых пряжек: одна пряжка прямоугольной формы с неподвижным штырьком, остальные – с круглой широкой рамкой с П-образным выступом. В декоре пряжек использовались простые геометрические мотивы: псевдомеандр, круги, волнистые линии, волюты. Пряжки, найденные в погребениях, были помещены туда во время похорон и не подвергались воздействию погребального костра. Форма и особенности оформления ангарских ажурных пряжек говорят о том, что они уходят корнями в круг хуннских культур Южной Сибири. Разнотипные ажурные пряжки известны в некрополе Ала-Тей 1 в Туве, в Дырестуйском и Иволгинском могильниках в Забайкалье, в тесинских погребениях Хакасии. В Нижнем Приангарье ажурные пряжки с геометрическим декором бытуют до середины I тыс. н. э.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, пряжка, хунну, декор.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из периодов, который слабо представлен в ангарской археологии, долгое время оставался финал раннего железного века, хотя это важнейший этап развития культуры населения южнотаежной подзоны Средней Сибири, без понимания которого невозможно проследить переход от поздней Древности к раннему Средневековью. Формирование представительной источниковой базы по этому периоду оказалось доступным благодаря изучению могильника Пинчуга-6.

Памятник стал первым полностью изученным некрополем финала раннего железного века в Нижнем Приангарье. Полевые работы на могильнике позволили получить выразительную коллекцию предметов второй четверти I тыс. н. э. Среди находок отмечены оружие, орудия труда, культовое литье, украшения, детали костюма, посуда и предметы быта. Для могильника проведены антропологические определения, предложена датировка, выделены направления культурных связей оставившего его населения [Mandryka, Senotrusova, Dedik, 2021]. В настоящей статье рассматривается небольшая, но выразительная группа предметов поясной гарнитуры – бронзовые ажурные пряжки.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Комплекс Пинчуга-6 располагается на правом берегу р. Ангары, напротив п. Пинчуга. Памятник приурочен к 12-метровой ангарской террасе. Могильник находился на наиболее высокой точке комплекса – песчаной дюне высотой до 5 м. Погребения локализованы вдоль ее самой возвышенной и узкой части, постепенно спускаясь по северо-восточному склону. Центральная часть некрополя серьезно повреждена в результате грабительской деятельности, пять погребений оказались частично нарушены. Общая вскрытая площадь составила около 850 м², здесь отмечены восемнадцать погребений, совершенных по обряду трупосожжения на стороне.

Всего на памятнике зафиксировано шесть ажурных пряжек, из них четыре находились в погребениях, одна – в межмогильном пространстве, еще одна – из поврежденной части могильника. У одной пряжки рамка прямоугольной формы, у остальных изделий – с П-образным выступом.

Прямоугольная пряжка с передним полукруглым краем и неподвижным штырьком найдена в погребении № 9 (рис. 1, 1). На ее щитке располагается широкая ажурная полоса псевдомеандра. Качество литья невысокое, имеются переливы и трещины. Поверхность пряжки и боковые грани заполированы. Предмет залегал в средней части заполнения могильной ямы, чуть выше основного уровня фиксации фрагментов костей, вместе с бронзовым диском и орнитоморфным изображением в плотном скоплении органического материала. Размеры пряжки: 6,0×3,0×0,3 см.

Все остальные пряжки другой формы. Это плоские ажурные изделия с П-образным выступом, которые незначительно отличаются друг от друга элементами декора.

Три пряжки украшены парой кругов, расположенных в широкой части щитка. Две из них отмечены в погребении № 9. При наложении друг на друга контуры предметов полностью совпадают (рис. 1, 2–3). Их размеры 5,3×3,9×0,2 см. Они находились в нижней части могильной ямы, в скоплении органики и бересты. Аналогичная пряжка зафиксирована в погребении № 12 (рис. 1, 4). Здесь она залегала вместе с предметами западносибирского культового литья в плотном скоплении темно-бурой, почти черной органики. Размеры пряжки: 5,9×5,0×0,2 см.

Еще одна ажурная пряжка найдена в межмогильном пространстве. Она залегала вместе с глазчатыми стеклянными бусинами и небольшой деформированной бронзовой обоймой. На тулове застежки расположена ажурная линия и два круга (рис. 1, 5). Пряжка лежала на фрагменте кожи, вырезанном по ее форме и размеру. Через передний край изделия проходит кожаная петля, которая полностью ее охватывает. Размеры предмета: 6,5×4,4×0,2 см.

Иначе оформлена последняя пряжка, найденная в поврежденной части могильника. Это небольшое изделие хорошего качества, обтекаемой плавной формы (рис. 1, 6). На широкой части расположены две волнистые линии и волюты. Внешняя сторона изделия тщательно заполирована. С узкого края рамки сохранилась часть литника, она также подшлифована и подрезана. Размеры пряжки: 4,7×3,1×0,3 см.

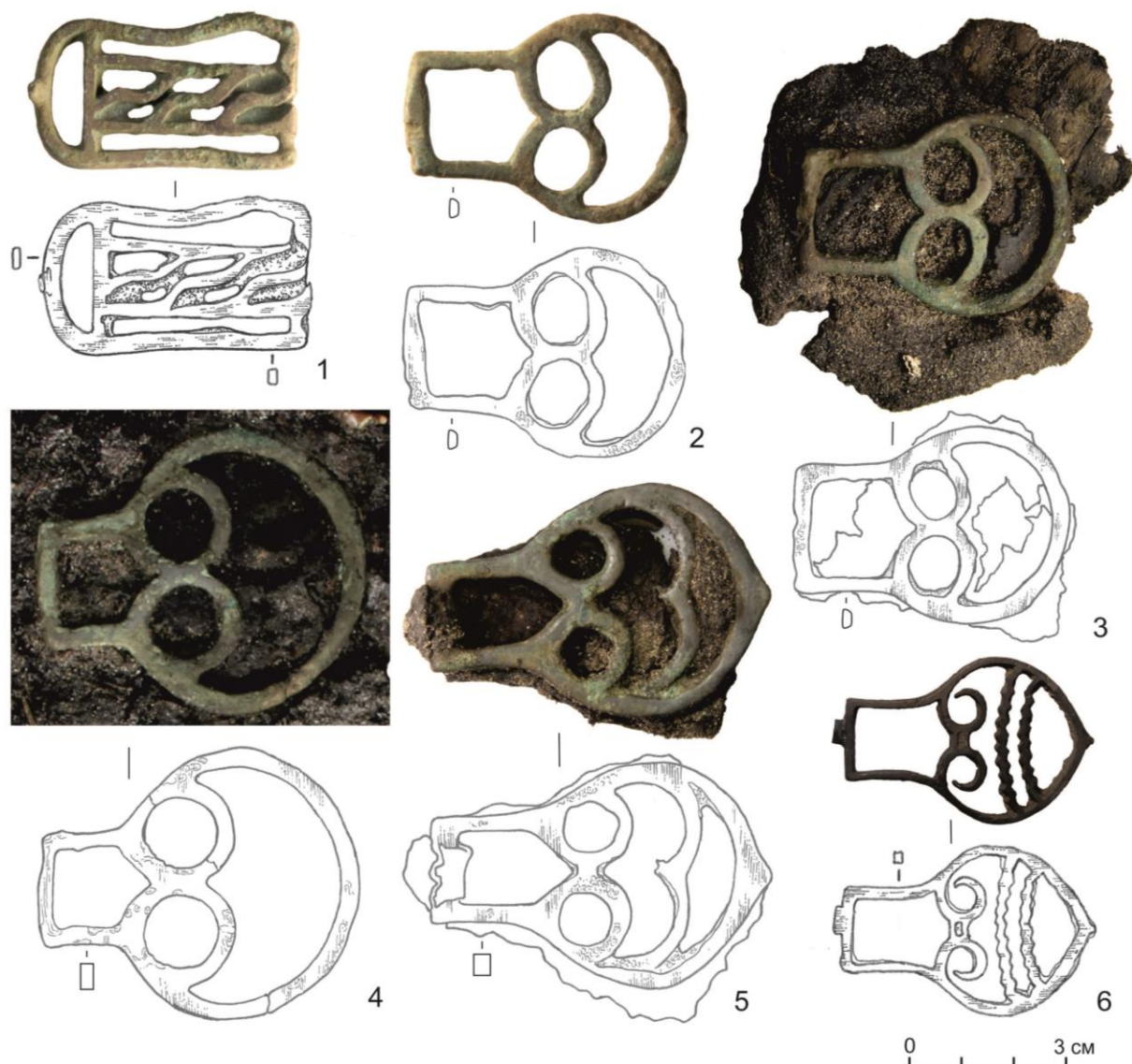

Рис. 1. Бронзовые ажурные пряжки из могильника Пинчуга-6:
1–3 – из погребения № 9; 4 – из погребения № 12; 5 – из межмогильного пространства;
6 – из поврежденной части могильника

Все найденные на могильнике пряжки обладают несколькими общими признаками. Это плоские предметы ажурного литья, преимущественно невысокого качества. Лицевая сторона и боковые грани изделий дополнительно полировались. Для декора использовались простые геометрические мотивы: волнистые линии, волюты, круги, псевдомеандр. Большинство пряжек залегали вместе с фрагментами органики или кожи, на них нет никаких следов пироженного воздействия. Очевидно, что они были частью вещей (пояс, сумочка, часть одежды?), которые помещались в могилу именно во время похорон.

ОБСУЖДЕНИЕ

Описанные в статье пряжки не имеют аналогий в Нижнем Приангарье и на берегах Среднего Енисея. Две ажурные пряжки с П-образным выступом и декором в виде кругов хранятся в фондах Минусинского регионального музея им. Н. М. Мартянова (№ МКМ А ОФ-6770; № МКМ А ОФ-6768). Место их обнаружения неизвестно. От ангарских находок их отличает неподвижный штырек, расположенный на широкой части пряжки.

Пока в южнотаежной зоне Средней Сибири неизвестны находки, которые могли бы выступать ранними прототипами подобных застёжек. Но форма и особенности оформления ангарских ажурных пряжек позволяют предполагать, что их формирование связано с кругом культур хуннского времени Южной Сибири (рис. 2, 1–7).

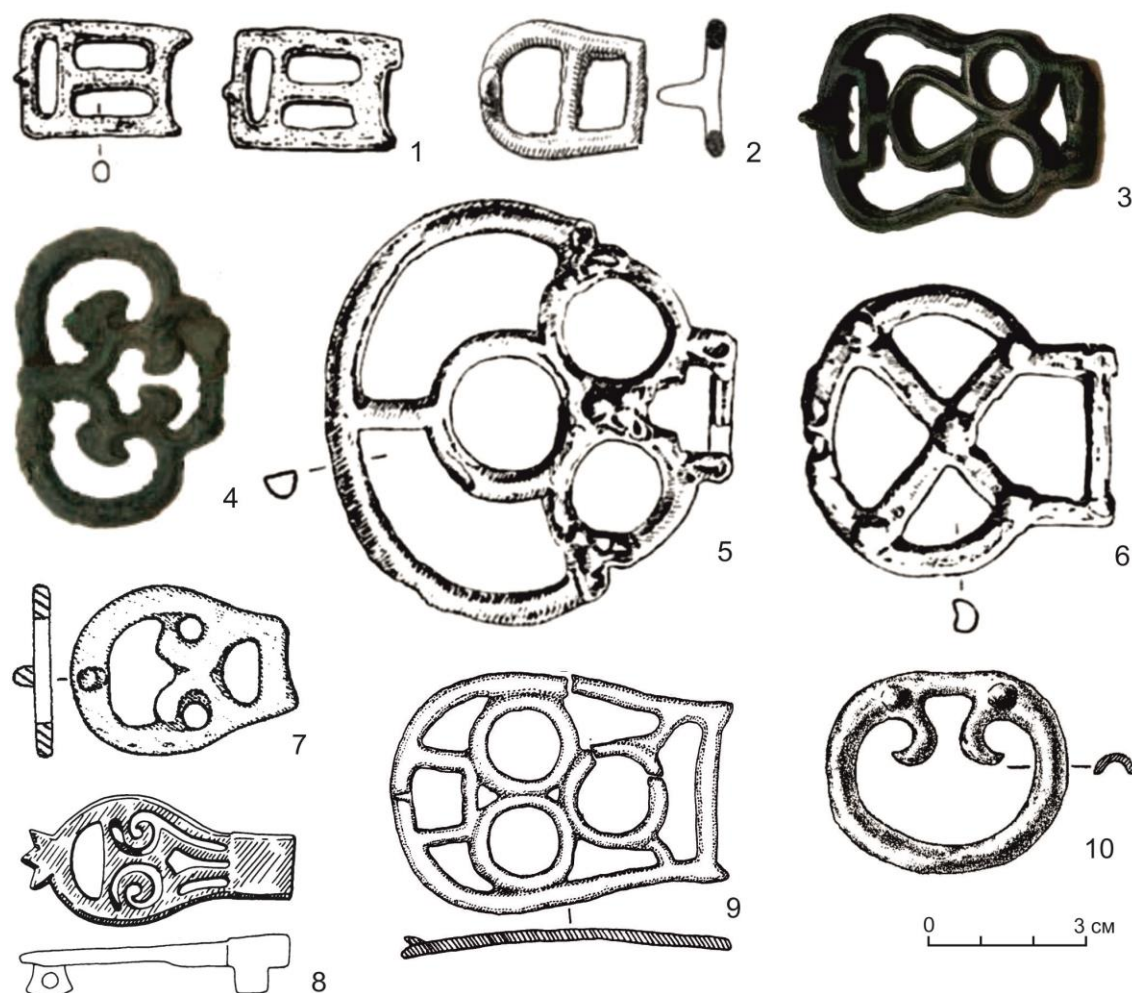

Рис. 2. Бронзовые ажурные пряжки из археологических памятников Сибири: 1 – Дырестуйский могильник [Давыдова, Миняев, 1993]; 2 – погребение у горы Тепсей [Комплекс..., 1979]; 3, 4 – могильник Ала-Тей 1 [Леус, 2019]; 5, 6 – Иволгинский могильник [Давыдова, 1985]; 7 – могильник Цаган-Хушун 2 [Харинский, 2014]; 8 – Изыхский чаатас [Вадецкая, 1999]; 9 – могильник Ордынское-1 [Троицкая, 1979]; 10 – Усть-Абинский могильник [Ширин, 2003]

К ранним прототипам первой пряжки можно отнести две прямоугольные ажурные застёжки с неподвижным штырьком из погребения № 99 Дырестуйского могильника, относимого к хунну [Давыдова, Миняев, 1993, рис. 5]. Подпрямоугольная пряжка с круглой передней рамкой и неподвижным штырьком встречена в погребении тесинского времени у горы Тепсей [Комплекс..., 1979, с. 86]. Еще одна ажурная пряжка, с закругленным передним краем и неподвижным шпеньком, но с другим декором, найдена в могильнике II–I вв. до н. э. Ала-Тей 1 в Туве [Леус, 2019, с. 60].

Ажурные пряжки с П-образным выступом являются одним из маркеров хуннских памятников Южной Сибири. На наиболее ранних пряжках этого типа еще сохранялись изображения голов животных, но затем их сменили геометрические мотивы [Миняев, 1995, с. 127]. Для хуннских пряжек характерны широкие и низкие П-образные выступы. Две одинаковые ажурные пряжки найдены в могильнике Ала-Тей 1 в Туве. Памятник датируется II–I вв. до н.э. [Леус, 2019, с. 60; Килуновская, Леус, 2021]. Есть пряжки такой формы и в составе сопроводительного инвентаря Иволгинского могильника [Давыдова, 1985, с. 60, рис. XIII]. Небольшая ажурная пряжка с двумя кругами и неподвижным штырьком найдена в могильнике Цаган-Хушун 2, датированном III–I вв. до н. э. [Харинский, 2014, с. 41, рис. 8].

Известно несколько подобных изделий и из более поздних памятников Южной Сибири, хотя все они отличаются от ангарских находок (рис. 2, 8–10). Крупная бронзовая ажурная пряжка с неподвижным штырьком на краю рамки и тремя вписанными в нее кругами отмечена в могиле № 3 кургана № 2 могильника Ордынское-1 в Новосибирском Приобье. Памятник датируется I в. до н. э. – I в. н. э. [Троицкая, 1979, с. 24, табл. XXIV]. В Кузнецкой котловине, в Усть-Абинском могильнике, найдено ажурное бронзовое изделие круглой формы с грифонообразными завитками. Предмет мог использоваться как безъязычковая пряжка или подвеска [Ширин, 2003, с. 77, табл. LXVIII-16]. Памятник относится к фоминской культуре. Среди таштыкских материалов известна одна ажурная псевдопряжка с выступом П-образной формы и волютами из Изыхского чаатаса. Время сооружения склепа – V–VI вв. н. э. [Вадецкая, 1999, с. 125, табл. 91].

Нужно подчеркнуть, что ажурные пряжки для комплексов хуннского и постхуннского времени Сибири не образуют больших серий и отличаются разнообразием. Точные аналогии ангарским пряжкам неизвестны, в данном случае уместно говорить лишь об общем родстве форм, функционального назначения и принципов декорирования изделий. Пряжки, найденные на могильнике Пинчуга-6, напротив, образуют устойчивую серию морфологически единообразных предметов и демонстрируют местную линию развития подобных поясных застёжек.

Отдельно нужно остановиться на некоторых особенностях оформления ангарских пряжек. Отмеченный на прямоугольной пряжке мотив ажурного псевдомеандра достаточно часто встречается на предметах таштыкской культуры [Вадецкая, 1999, табл. 69]. По мнению П. П. Азбелева, этот сюжет восходит к хуннским прототипам. На северной периферии Хуннской державы произошло редуцирование и упрощение

традиционного для хунну мотива двойного ажурного меандра [Азбелев, 2008, с. 70]. Меандровые мотивы в разных интерпретациях часто встречаются в западносибирских комплексах конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. Присутствуют они на глиняной посуде кулайской культуры и на предметах западносибирского литья второй четверти I тыс. н. э. [Чиндина, 1984, табл. 6, рис. 215; Ширин, 2017, с. 95]. На могильнике Пинчуга-6 мотив меандра присутствует на изделиях из рога, можно его проследить и в орнаментации тонковаликовой керамики [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2019, рис. 2]. Вероятно, вариации на тему мотива меандра в эпоху Великого переселения народов получили очень широкое распространение на значительной части территории Сибири, включая ее лесную зону. Восходя к кругу хуннских культур, этот мотив получил здесь дальнейшее переосмысление и развитие.

ВЫВОДЫ

Ажурные пряжки из могильника Пинчуга-6 составляют компактную, но выразительную группу элементов костюма. Форма предметов и особенности их оформления уходят корнями в круг хуннских культур Южной Сибири и Центральной Азии. Проникнув на север, эти предметы получили импульс для дальнейшего развития в новых таежных условиях, в результате чего ажурные пряжки продолжали бытовать на берегах Ангары до середины I тыс. н. э. включительно.

Опосредованное влияние культур хуннского круга прослеживается в Приангарье и на других категориях предметов (ножи с кольцевидным навершием и загнутым основанием, ложки из рога, некоторые мотивы орнаментации керамики и т. д.). Более того, в некоторых случаях формы, распространенные на юге Сибири в последние века до нашей эры, продолжили свое развитие в тайге на протяжении всего Средневековья. Материалы могильника Пинчуга-6 позволяют проследить механизмы сложения некоторых компонентов культуры ангарского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев П. П. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 66–75.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. – СПб.: Гелла, 1993. – № 2. – С. 55–65.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Датировка могильников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2021. – № 1 (29). – С. 79–92.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.

Леус П. М. Художественные бронзы эпохи хунну в Туве // Искусство Евразии. – 2019. – № 3 (14). – С. 50–65.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – № 1. – С. 64–78.

Миняев С. С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // Археологические вести. – СПб.: Гелла, 1995. – № 4. – С. 123–136.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 126 с.

Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий – 2014. – № 3 (12). – С. 19–43.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 255 с.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и Предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. – 288 с.

Ширин Ю. В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западносибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. – Томск: ИД «Д-Принт», 2017. – С. 93–99.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O., Dedik A. V. Pinchuga-6 Burial Ground – a New Site of the Finale of the Iron Age in the Lower Angara Region // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – № 3. – С. 110–126.

P. O. Senotrusova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

BRONZE JOUR BUCKLES FROM THE BURIAL GROUND OF PINCHUGA-6

The burial ground of Pinchuga-6 is the first fully studied burial ground of the end of the Early Iron Age in the Lower Angara region. Eighteen burials were found here. All of them were committed to the rite of cremation on the side. Six jour bronze buckles were found at the burial ground. One rectangular buckle with fixed pin. The rest of the products with a round wide frame with a П-shaped ledge. The buckles are

decorated with simple geometric motifs: meander, circles, wavy lines, scrolls. The buckles were put into burials during the funeral. They were not burned on a funeral pyre. The shape and appearance of the buckles indicate that they originated from the Xiongnu cultures of Southern Siberia. Various types of buckles were found in the Ala-Tei 1 necropolis in Tuva, in the Dyrestuysky and Ivolginsky burial grounds in Transbaikalia, in the Tesin burials of Khakassia. In the Lower Angara region, people used jour buckles until the middle of the 1st millennium AD.

Keywords: Lower Angara region, end of the Early Iron Age, buckle, Xiongnu, decor.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенотрусова Полина Олеговна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; научный сотрудник, Алтайский государственный университет.

E-mail: polllina1987@rambler.ru.

Senotrusova Polina Olegovna, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); researcher, Altai State University (Barnaul, Russia).

С. М. Фокин

Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ СО СКАЛЫ ТАКМАК

Аннотация. Статья посвящена истории археологического изучения скалы Такмак, входящей в Национальный парк «Красноярские Столбы», расположенной у юго-западной окраины г. Красноярска. Первым археологическое обследование скальника провел в конце 1880-х гг. А. С. Еленев, выявивший металлические и каменные изделия, а также фрагменты керамических сосудов, части деревянных поделок и остеологические останки животных. Архивные документы свидетельствуют, что в 1919 г. в фонды музея с Такмака поступили металлические, керамические и костяные изделия. В 1946 г. ее безрезультатно обследовал Э. Р. Рыгдылон, и в 2003 г. – автор данной статьи. Немногочисленные материалы 2003 г. были представлены неорнаментированной керамикой и костными остатками. Имеются также сведения о нахождении в недавнем времени отдельных артефактов у описываемого скального массива. В данной публикации основное внимание уделено введению в научный оборот материалов, собранных А. С. Еленевым. Это фрагменты четырех керамических сосудов, датированных Средневековьем. В заключении ставится вопрос об определении типа археологического объекта, расположенного на Такмаке, и перспективах дальнейшего археологического изучения.

Ключевые слова: Красноярск, Енисей, скала Такмак, керамическая посуда, Средневековье.

ВВЕДЕНИЕ

Жителям Красноярска хорошо известна скала Такмак, которая выделяется на фоне гор правого берега Енисея выше устья р. Базаихи, и является одним из символов нашего города. Ее знают, прежде всего, как туристический объект, который посещают тысячи жителей и гостей Красноярска. Гораздо меньше известно о том, что эта скала является археологическим объектом. В разные годы, начиная с конца XIX в., ее неоднократно посещали археологи, порой собирая здесь древние артефакты. Часть из этих сборов удалось не так давно выявить в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (далее КККМ). Введению их в научный оборот и посвящена данная статья.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Такмак – главенствующая вершина группы скал Ближние Столбы, входит в состав Такмаковской гряды скал, объединенных общим фундаментом-основанием. Такмак имеет высоту 52 м, расположен в 1 км южнее п. Базаиха на горе высотой 518 м в абсолютном измерении. Пещера-грот является сквозной щелью между гранитными утесами скалы, открытой на северо-запад и юго-восток, длиной 21 м, шириной от 1,5

до 7 м и высотой 8–10 м (рис. 1). Дно пещеры наклонное. Высотная разница между северо-западным и юго-восточным входами – 3 м [Фокин, 2003, л. 11]. Скала Такмак входит в территорию Национального парка «Красноярские Столбы».

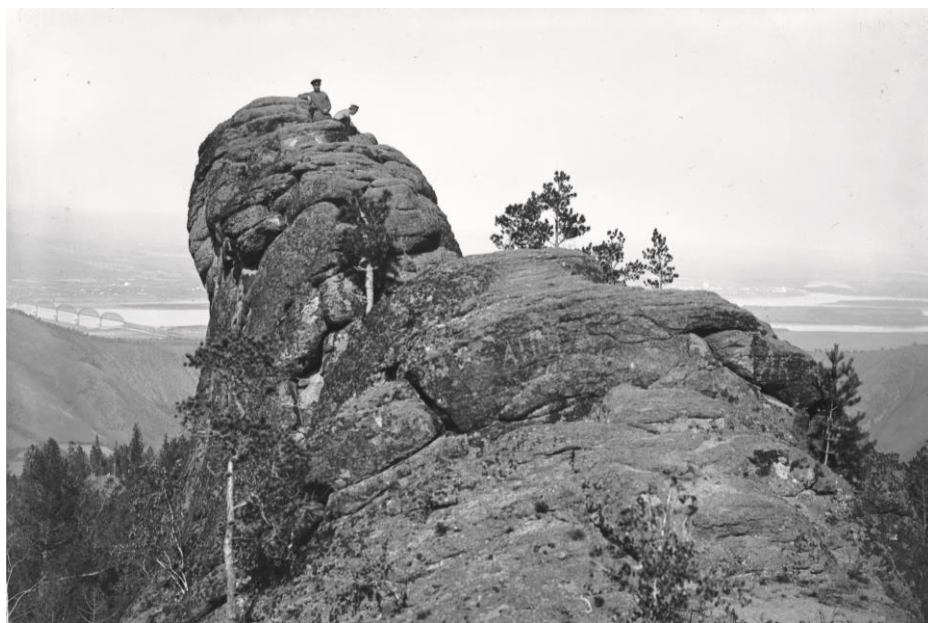
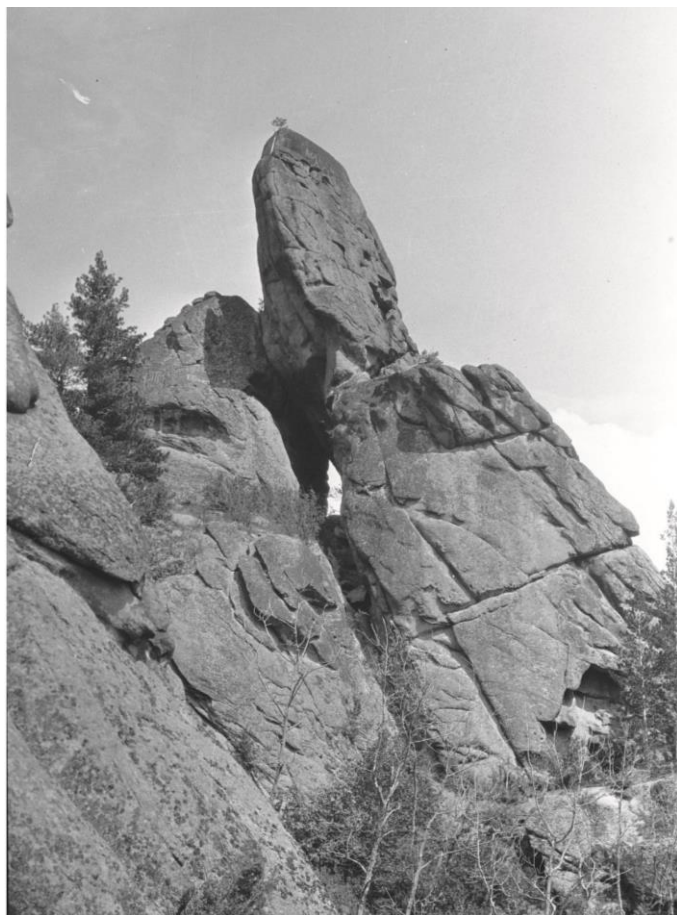

Рис. 1. Фотографии скалы Такмак в начале XX в. из фондов КККМ (НЕГ 1515 – вверху, НЕГ 1484 – внизу)

Первоначально этот столб именовался Кызым. Такмаком стали называть скалу примерно с середины XIX в. В Такмаковском участке Столбов определился ряд названий для каждого из скальников. Самая верхняя, о которой далее пойдет речь, называется Большой Такмак. Западнее расположен Малый Такмак. В направлении на юг следуют, понижаясь, скалы Большой Беркут, еще ниже Великий Могол, затем Позвонок и завершает группу Тотэм [Такмак]. Имеющийся в скале грот Э. Р. Рыгдылон называет Воротами [Рыгдылон, 1947, л. 6].

Первые археологические исследования были проведены в конце 1880-х гг. А. С. Еленевым. В своей статье о находках он пишет следующее: *«У SW-го [юго-западного. – С.Ф.] края пещеры, встретились раздробленные кости, жженое дерево, уголь, зола, обломки горшков и между прочим – зубы различных животных, железное долото, железная стрела, медное колечко и пластинка, свернутая в трубку, песчаник – точило, куски дерева со следами острого орудия и прошитая береста. Около этой пещеры ближе к Такмаку, в щели между гранитными утесами, открытой с двух сторон и сверху, найдены также раздробленные кости и черепки горшков»* [Еленев, 1890, с. 16].

Важно отметить, что речь идет фактически о двух местонахождениях. Одно – непосредственно в пещере. Именно здесь найдены металлические изделия, точило, керамика, кости и множество зубов, а также обработанные дерево и береста. Второе местонахождение – это расщелина, непосредственно примыкающая к скале Такмак, где найдены только фрагменты керамики и костные остатки.

Археологический материал со скалы Такмак хранится в коллекции музея под номером 211. В заглавии описания этой коллекции, помещенной в дополнительную инвентарную книгу по археологии № 3, написано следующее: *«Сборы А. С. Еленева. Пожертвования 1892 г.»*. Надо заметить, что эта книга заполнялась с конца 1920-х гг., в то время Алексей Сергеевич уже давно не работал в музее. Коллекция 211 стала формироваться после 1943 г., она включает материалы, не только собранные А. С. Еленевым, но и дар Императорской археологической комиссии и множество отдельных передач или покупок от разных граждан, случайно находивших археологические находки. Однако предметы до № 103 передавал А. С. Еленев. Интересующие нас артефакты с Такмака имеют коллекционные номера А 211/ 75, 76. № 75: *«Черепки горшка (подвид одного) Токмакской [так в тексте. – С.Ф.] пещеры»*, кол-во 20. Под № 76 записано: *«Кости животных – оттуда же»* – и указано число 4. Кости из фондов музея исключены, о чем свидетельствует приписка: *«Ордер на списание 1002, от 22 декабря 1956 г.»*.

Обращает на себя внимание то, что количество артефактов, перечисленных в инвентарной книге, гораздо меньше, чем в публикации А. С. Еленева. В. Г. Карцов в «Материалах к археологии Красноярского района», по всей видимости, дает в сокращенном виде информацию из статьи Алексея Сергеевича. Указывается о нахождении костей животных, железной стрелы, долота, обломков керамики и прочих предметов [Карцов, 1929, с. 11]. Сразу укажу, что Владимир Геннадьевич нигде не сообщал, что сам обследовал Такмак.

Рис. 2. Фрагменты керамики, найденные у скалы Такмак.
Фотография начала XX в. (НЕГ 8416)

В фонде негативов и фотографий удалось найти стеклянный фотоэмульсивный негатив, подписанный как «Керамика из такмакской пещеры» (ККМ НЕГ 8416)¹ (рис. 2). Запечатленный здесь материал полностью соответствует тем черепкам, что хранились под

¹ Автор выражает благодарность Е. Ю. Тороповой за предоставление фотонегативов, фотографии с которых используются в статье, и И. В. Ку克林скому, сделавшему их электронные копии.

№ 211/75. Фотография сделана на стеклянном негативе, значит съемки производились как минимум в начале XX в., т. е. гораздо раньше, чем заснятые экспонаты были включены в инвентарную книгу. При этом других фотоматериалов с артефактами с Такмака нет.

Так как А. С. Еленевым было обнаружено два местонахождения археологического материала. Скорее всего, на фотографии запечатлены и внесены в инвентарную книгу материалы из скальной расщелины. Судьба остальных находок пока неизвестна.

Что же представляет собой рассматриваемый керамический материал? Это фрагменты от четырех керамических сосудов. По современным правилам комплектации музейных фондов, одна единица хранения, в которую включались эти черепки, теперь разделена на четыре.

Наиболее представительным является профилированный сосуд из 7 фрагментов, наиболее крупный из которых склеен из 10 черепков. Профилированный горшок с утолщенным гладкой налепной лентой венчиком орнаментирован по верхнему краю наклонными насечками, сделанными ногте-пальцевыми наколами. В зоне шейки и плечиков орнамент дополнен тремя горизонтальными рядами отступающих ногте-пальцевых вдавлений. По реставрированной части удалось определить диаметры сосуда: по устью – 23 см, в зоне шейки – 22 см, а максимальный по тулову – 29 см (КККМ А211/75) (рис. 3, 1).

Второй горшок представлен 6 черепками с профилированным венчиком, орнаментированным по верхнему, скошенному наружу краю пальцевыми глубокими вдавлениями и горизонтальными рядами ногте-пальцевых вдавлений в зоне плечиков. При оформлении венчика под скосом остались следы ногтей (КККМ А211/945) (рис. 3, 4).

От третьего сосуда имеется два фрагмента с профилированным венчиком, орнаментированным по краю наклонными ногте-пальцевыми наколами и с внешней стороны, в зоне шейки и плечиков, – тремя горизонтальными рядами аналогичного орнамента (КККМ А211/946) (рис. 3, 3).

Четвертый сосуд представлен фрагментом шейки, украшенной рядами ногтевых отступающих наколов (КККМ А211/947) (рис. 3, 2).

Все описанные сосуды однотипны и относятся к средневековому времени. Аналогии широко представлены в средневековых слоях археологических памятников Красноярской лесостепи, в частности – на городище Ладейском [Фокин, 2009, рис. 1–6, 7, 9–11], по керамическим материалам которого В. Г. Карцов выделял ладейскую культуру. Эту посуду также порой называют ладейским типом, характерной особенностью которого являются профилированные горшки, часто со скошенным или наклонным наружу краем венчика, во многих случаях имеющим карнизообразный выступ наружу или заovalенный. В орнаменте преобладают ногтевые и пальцевые вдавления, пояса ямок, прочерченные горизонтальные и наклонные линии. Всего в Красноярской лесостепи выявлено свыше 50 сосудов этого типа [Фокин, 2017, с. 139, рис. 1.1–6]. Так как изучение средневекового периода указанной территории опирается на давние исследования и на сегодня фактически нет опорных археологических памятников с закрытыми объектами, то датировать этот материал можно в широких хронологических рамках – конец I – 1-я пол. II тыс. или IX/X – XIII/XIV вв. [Фокин, 2017, с. 140]. Что касается

культурной принадлежности, то все по тем же вышеуказанным причинам, которые не позволяют нам конкретизировать датировку керамического материала, невозможно точно отнести эту посуду к определенной культуре, а понятие «ладейская культура» нужно использовать как условное, отражающее особенности местного населения.

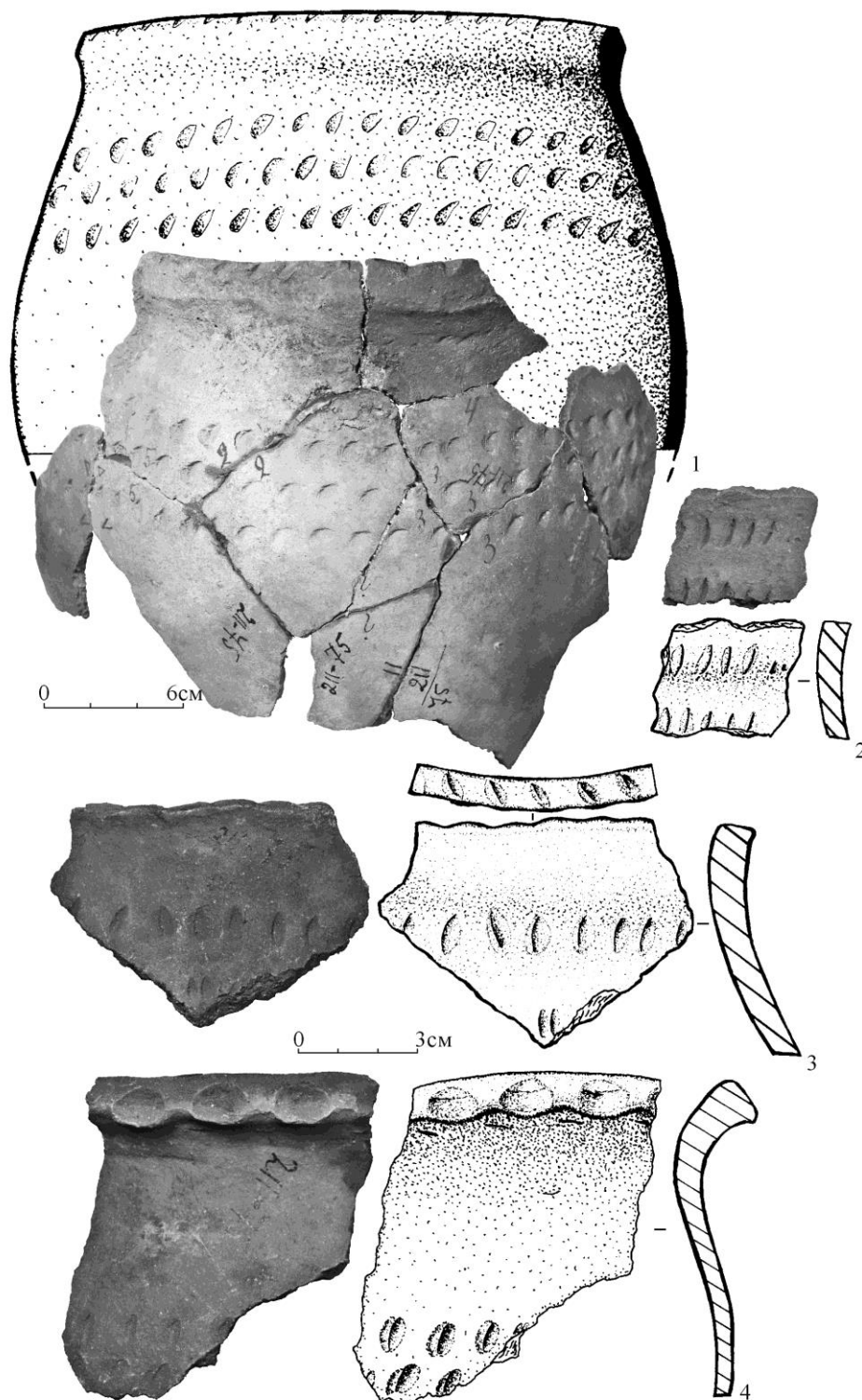

Рис. 3. Современные рисунок и фотографии керамических сосудов, найденных у скалы Такмак

Эпизодические исследования скалы Такмак продолжались и после А. С. Еленева. В фонде археологии имеется коллекция № 110, это сборы археологического материала в окрестностях г. Красноярска, произведенные в 1919 г. Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским. В инвентарной книге по археологии № 1 в перечне указанной коллекции записаны четыре единицы хранения, поступившие с пещеры Такмак. Приведу запись дословно: «449 – Венчик черно-коричн. цвета. Верхн. часть края с глубокими углублениями, ниже 2 ряда углублений ногтем. 450 – Венчик чашки сер. цвета со следами оплавки. 451 – Костяной предмет вроде грубого наконечника стрелы, но другого назначения. 452 – Бронзовое листовое украшение с орнаментом в роде двух лап. 1,7:0,8 см». Напротив этих строк указано, что все они списаны все тем же Ордером № 1002 от 22 декабря 1956 г. Однако стоит заметить, что на сегодняшний день выявлено немалое количество экспонатов, которые ранее были списаны. Скорее всего, многие из них исключались из фондов по причине невозможности найти данные предметы, а не из-за плохой их сохранности. Поэтому остается надежда, что и эти четыре единицы хранения будут со временем обнаружены.

Еще одно документально подтвержденное посещение Такмака археологом относится к 1946 г. Э. Р. Рыгдылон вместе с отрядом экспедиции посетил скалу в июне указанного года. Но археологический материал выявлен не был [Рыгдылон, 1947, с. 5, 6].

Обследовали ли скалу Р. В. Николаев и Н. В. Нащекин, пока нельзя сказать точно. Во всяком случае, заинвентаризированных археологических находок с этого объекта в фондах музея нет. А вот Н. П. Макаров точно не проводил здесь поиски.

В 2003 г. скала была осмотрена разведочным отрядом КККМ под руководством автора статьи совместно с М. В. Быковой. Как уже отмечено, мое внимание целиком было сосредоточено на гроте, но не на прилегающей территории. В самой пещере обнаружены 5 фрагментов неорнаментированной лепной керамики, жженные и вареные кости животных. Артефакты найдены под камнями, расположенными при окончании грота с северной стороны, а также вдоль стены скалы у северо-западного края. Если остеологические останки могли быть брошены современными туристами, то фрагменты лепной керамики однозначно являются предметами археологии [Фокин, 2003, с. 11, 12]. Собранный материал в фонды музея не поступал и на сегодняшний день утрачен.

По устным заявлениям М. В. Быковой, в период 2009–2012 гг. ей передавали один каменный наконечник стрелы, обнаруженный на тропе, ведущей к Такмаку, и железный наконечник, обнаруженный непосредственно рядом со скалой. Артефакты в фонды музея не поступали.

ВЫВОДЫ

Таким образом, очевидно, что скала Такмак вместе с гротом является археологическим объектом. Несмотря на туристическое паломничество, здесь по-прежнему сохраняется возможность найти артефакты. При этом как выявленный объект археологи-

ческого наследия Такмак не значит, поэтому необходимо провести очередное научное обследование скалы с целью обнаружения материала, планиграфически их задокументировать и поставить объект на охрану.

Остаются открытыми вопросы типа объекта и его датировки. На мой взгляд, выявленный А. С. Еленевым материал, представленный в статье, показывает только один из периодов использования скалы и пещеры древним человеком. Предмет под № 110/452, описанный как бронзовое украшение в виде двух лап, может свидетельствовать о лапчатой подвеске бронзового века, хотя до момента обнаружения артефакта уверенно говорить об этом не приходится. Указание А. С. Еленевым на то, что в гроте им были найдены деревянные и берестяные изделия, может свидетельствовать, что это место посещалось и в этнографическое время, т.е. в период XVII–XIX вв.

Такмак выделяется на общем гористом фоне. Он хорошо виден с самых различных левобережных точек, порой удаленных на десятки километров. Вполне возможно, что скала могла использоваться как культовый объект. Те, кто бывал внутри пещеры, хорошо знают, как она выглядит внутри, когда южный выход смотрит в небо, а северный вниз. Упоминание Э. Р. Рыгдылоном, что грот называли в 40-х гг. минувшего столетия Воротами, по-моему, отображает особое отношение к этому месту – месту перехода из одного пространства в другое. Известно, что в минувшее столетие здесь совершали ритуалы буддисты, и сегодня находится немало тех, кто верит в мистику и посещает Такмак с сакральными целями. Не исключено, что и другие скальники могли вызывать в древнем человеке подобные чувства, и все эти столбы являются еще и ансамблем культовых объектов. Однако это только одна из красивых гипотез. Хотя нам и кажется неразумным лезть на такую высоту с целью простой ночевки или отдыха, не исключено, что Такмак мог использоваться как обычная стоянка, либо функции культового объекта и стоянки могли в разное время перемежаться. В любом случае, чтобы точно ответить на эти вопросы, необходимо дальнейшее археологическое изучение скалы и пещеры Такмак.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Красноярский краевой краеведческий музей. Инвентарная книга по описи коллекций археологии № 1. – 260 л.

Красноярский краевой краеведческий музей. Инвентарная книга по археологии. Дополнительная книга № 3. – 81 л.

Рыгдылон Э. Р. Предварительный отчет об археологических работах летом 1946 г. в окрестностях Красноярска. Красноярск, 1947 // Научный архив КККМ. Оп. 5. Д. 59.

Фокин С. М. Отчет об археологической разведке в Енисейском районе Красноярского края в 2002 г. Красноярск, 2003 // Научный архив КККМ. Оп. 01. Д. 2569.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Еленев А. С. О Бирюсинских и Караулинских пещерах (доложено на заседании Общества врачей Енисейской губернии 4-го ноября 1889 года) // Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адресом-календарем. – Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1890. – С. 1–16.

Карцов В. Г. Описание коллекций и материалов музея. – Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929. – 55 с.

Такмак [Электронный ресурс] // Красноярские столбы [офиц. сайт] URL: <https://kras-stolby.ru/tourism/rock/takmak/> (дата обращения: 12.12.2022).

Фокин С. М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: сборник, посвященный юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: Аграф-Пресс, 2009. – С. 124–130.

Фокин С. М. Средневековая керамика Красноярской лесостепи // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы междунар. конф., посвященной юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: ИД «Д-Принт», 2017. – С. 138–143.

S. M. Fokin

Krasnoyarsk State Museum of Local Lore,
Krasnoyarsk

ARCHAEOLOGICAL MATERIAL FROM TAKMAK ROCK

The article dedicated to the history of the archaeological study of the Takmak rock, which is part of the Krasnoyarsk Pillars National Park, located near the southwestern outskirts of Krasnoyarsk. The first archaeological research of the rock carried out in the late 1880s by A. S. Elenov, who discovered metal and stone artefacts, as well as fragments of ceramic vessels, parts of wooden crafts and bone remains of animals. Archival documents reveal that in 1919 the museum's funds received metal, ceramic and bone items from Takmak. In 1946, E. R. Rygdylon examined her, but to no avail. In 2003, the author of this article also investigated this place. Then, in the site, a few things were uncovered – undecorated ceramic shards and bone remains. There is also information about the recent discovery of separate artifacts near the described rock massif. The purpose of the article is give the information about the materials, collected mostly by A. S. Yelenev. These are fragments of four ceramic vessels dating back to medieval times. In conclusion, the question about determining the type of archaeological site, located on Takmak, has raised, and the prospects for further archaeological research has marked.

Keywords: Krasnoyarsk, Yenisei, Takmak rock, pottery, Middle Ages.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фокин Сергей Михайлович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей.
E-mail: smf.kkkm@mail.ru.

Fokin Sergey Mikhailovich, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk, Russia).

А. В. Дедик

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Аннотация. В статье представлен краткий историографический очерк антропологических исследований коренного населения Омского Прииртышья. Анализируемые работы разделены на два больших блока. В первом из них, в рамках которого проходят исследования современного населения, приводятся краткие итоги работы по изучению соматологических (Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Г. А. Аксянова), дерматоглифических (Г. Л. Хить, Н. А. Долинова), одонтологических (Н. И. Халдеева, С. В. Ошуркова, С. В. Ефимова) и серологических особенностей коренного населения (А. Н. Багашёв, Л. Г. Юрина). Далее представлен анализ результатов работы в рамках второго блока антропологических исследований – палеоантропологии. Приведены краткие итоги изучения краниологических особенностей тоболо-иртышских (А. Н. Багашёв, А. В. Дедик) и барабинских татар (А. Р. Ким), краниофенетических (А. Н. Багашёв), остеологических (А. Н. Багашёв, А. В. Дедик), палеодемографических (А. В. Дедик) характеристик этно-территориальных групп тоболо-иртышских татар.

Ключевые слова: Омское Прииртышье, тоболо-иртышские татары, барабинские татары, антропология современного населения, палеоантропология, историографический очерк.

До русской колонизации Сибири территорию среднего и нижнего течения Иртыша и Тобола, Барабинской лесостепи и Томского Приобья занимали небольшие тюркоязычные племена. В русских письменных источниках того времени они были известны под собирательным термином «сибирские татары» [Бояршинова, 1960, с. 70]. К ним относились тоболо-иртышские татары, барабинские и томские татары. На территории Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв. проживали две родоплеменные группы тоболо-иртышских татар – коурдакско-саргатские и тарские (аялыньские) татары, а также некоторые родоплеменные группы барабинских татар [Валеев, 1980; Томилов, 1981; Корусенко, 2006, с. 8, схема 1].

На сегодняшний день антропологические исследования народов Сибири, в том числе Омского Прииртышья, представлены широким спектром направлений, которые можно разделить на два больших блока. В рамках первого проходят исследования современного населения, включающие такие разделы, как расовая соматология, дерматоглифика, одонтология. К данному направлению правомерно отнести серологические исследования, которые, несмотря на свое независимое в методологическом плане положение, тесно связаны с антропологией. Также сбор материала очень часто проходит в комплексе с совместными экспедициями антропологов, медиков и генетиков.

Второй блок антропологических исследований – палеоантропология – включает в себя изучение костных останков, а именно краниологию (краниометрия и краниофенетика), остеологию (остеометрия и остеофенетика), одонтологию. Кроме классических методик, применяемых в отечественной науке, стоит выделить такое направление исследований, как палеодемография, которое на современном этапе становится важным источником при изучении образа жизни древнего населения. Также в рамках палеоантропологических дисциплин существует и палеоэкологический блок, в пределах которого активно развиваются палеопатологические исследования.

Цель настоящей работы – краткий историографический очерк антропологических исследований коренного населения Омского Прииртышья. В статье будут проанализированы работы, представляющие результаты исследований, проведенных в рамках уже сложившейся отечественной антропологической школы [Бунак, 1965, с. 12]. Записки, описания и наблюдения по различным народам Западной Сибири позапрошлого и начала прошлого веков (оставленные Г. Ф. Миллером, И. Э. Фишером, И. Г. Георги и др.) в данной работе не рассматриваются.

Антропологическое изучение сибирских татар началось еще в довоенное время. В 1937 г. состоялась антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ под руководством Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой. В ходе экспедиции был собран обширный материал по различным тюркоязычным группам Западной Сибири. По расоведческой программе были обследованы тобольские, барабинские, томские, чулымские татары, бухарцы, а также татары-переселенцы [Дебец, Трофимова, 1941].

Было установлено, что изучаемые группы тобольских и барабинских татар достаточно неоднородны в отношении монголоидных расовых типов второго порядка. При абсолютном преобладании уральского (североазиатского) типа определенное место занимает южносибирский тип в обеих группах, затем центральноазиатский среди барабинцев и «чулымский» среди тобольских татар. Помимо кефалометрических и кефалоскопических признаков, изучалась длина тела, которая отчетливо различается: у тобольских татар она ниже среднего, соответствует длине тела татар-переселенцев и равна 164 см, у барабинцев она значительно меньше и достигает лишь 160 см [Дебец, Трофимова, 1941].

В 1947 г. по результатам проведенного исследования вышла статья Т. А. Трофимовой о тобольских и барабинских татарах [Трофимова, 1947]. Автором было показано, что эти две группы коренных сибирских татар, бесспорно монголоидные в своей основе, несут на себе некоторые следы метисации с европеоидным компонентом, причем это сильнее выражается у тобольских татар, которые по ряду признаков занимают промежуточное положение между европейскими татарами-переселенцами и барабинскими татарами. Стоит отметить, что данная группа татар-переселенцев, по данным Т. А. Трофимовой, по всем признакам укладывается в пределы вариаций расовых признаков, характерных для казанских татар. Выявленные монголоидные черты и наличие

центральноазиатского типа среди барабинских татар, по мнению автора, может быть следствием тесного контакта барабинцев с калмыками в XVII в. [Там же, с. 204, 209].

Когда антропологические работы и экспедиции в СССР приобретают планомерный характер, начинается активное изучение этнической истории всех народов страны. В данном направлении большое внимание уделяется изучению современных этнических процессов среди тюркоязычного населения Западной Сибири. В 1970–1980-х гг. Омский университет организует Сибирские историко-этнографические экспедиции, участники которых, помимо этнографического сбора данных, активно проводят сбор одонтологических и дерматоглифических данных. Результаты многолетних экспедиционных работ отражены во многих публикациях [Хить, Томилов, 1981; Ошуркова, Томилов, 1983; Ефимова, 1984; Халдеева, 1984; Хить, 1984, 1990; Хить, Долинова, 1995]. Ниже приводятся краткие итоги этих исследований по разным системам признаков.

Одонтология. Данные Н. И. Халдеевой по частотам основных одонтологических признаков свидетельствуют о том, что тоболо-иртышские татары (сборная серия из Тюменской области, собрана С. В. Ошурковой) представляют собой группу с большой долей европеоидной примеси [Халдеева, 1984, с. 31–32]. По данным С. В. Ефимовой, группы сибирских татар (тоболо-иртышские, барабинские и томские татары) могут быть охарактеризованы как довольно схожие. При сравнении частот признаков у тоболо-иртышских татар с частотами в серии русских было установлено, что наличие западного компонента в группах тоболо-иртышских татар не связано с последними, а имеет, по-видимому, более древний характер [Ефимова, 1984, с. 34].

Дерматоглифика. В течение полевых сезонов 1976–1979 гг. проводились исследования сибирских татар по дерматоглифической программе, включающей изучение вариаций ладонных кожных узоров. По результатам исследований был выделен определенный дерматоглифический комплекс признаков, который позволил отнести изучаемую выборку (1200 индивидов) к кругу метисных монголоидно-европеоидных форм со значительным преобладанием монголоидного компонента. Внутригрупповой анализ показал, что группа сибирских татар в большой степени гомогенна: тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары и эуштинцы имеют одинаковое происхождение и близки к общетатарской серии. Согласно данным межгруппового анализа, сибирские татары по величинам и сочетаниям признаков идентичны суммарной группе населения Хакасии, а в ее пределах наиболее близки к качинцам, сагайцам, бельтырам. Также большое сходство обнаруживается с калмыками, ногайцами и казаками [Хить, Томилов, 1981, с. 178]. В дальнейшем обобщенные результаты изучения сибирских татар нашли отражение и в других работах Г. Л. Хить [Хить, 2009; Хить, Широбоков, Славолюбова, 2013].

Необходимо отметить, что среди участников Сибирских историко-этнографических экспедиций, к сожалению, отсутствовали специалисты в области расовой соматологии. Исследования в этой области долгое время не проводились. После выхода работы Т. А. Трофимовой, впервые описавшей группы татар, прошло более полувека, прежде чем появились новые данные по соматологии тоболо-иртышских татар.

В 1997 г. Г. А. Аксянова и Ю. Н. Квашнин провели комплексную экспедицию по сбору данных в лесостепной и таежной полосе Омской области в местах массового проживания сибирско-татарского населения. В ходе экспедиции были обследованы тарская и саргатская группы татар. Научная программа включала в себя описание внешности по стандартной расовой соматологической программе, антропологическую фотографию, фиксацию некоторых генетических маркеров, выборочный генеалогический опрос и сбор демографических материалов по данным похозяйственных книг [Аксянова, Квашнин, 2003].

По результатам исследования авторы пришли к выводу, что антропологические проявления метисационных процессов у тарских и саргатских татар имеют свои особенности. В частности, в составе характеристик тарских татар присутствует значительная доля южносибирских и среднеазиатских компонентов, которые, по мнению авторов, привносили среднеазиатские переселенцы в Сибирь («бухарцы»). Саргатская группа татар по своим характеристикам тяготеет к уральской расе, которая достаточно ярко представлена в соседней группе хантов [Аксянова, Квашнин, 2003, с. 163–167]. Авторы отмечают, что этот факт подтверждается и краниологическими данными. На краниологическом материале среди сибирских татар и коренных народов Томско-Нарымского Приобья – селькупов и чулымцев – был выделен особый обь-иртышский вариант уральской («западносибирской») расы [Багашёв, 1993; Очерки культурогенеза..., 1998]. Также была изучена длина тела мужчин тарских и саргатских татар. В результате установлено, что длина тела в обеих группах средняя (165–167 см), причем лесостепная группа характеризуется более низким ростом по сравнению с таежной саргатской. Однако в целом данный размах величины длины тела для коренного населения Западной Сибири достаточно высокий [Аксянова, Квашнин, 2003, с. 163].

Серология. Значение серологических данных для антропологии, несомненно, велико. Именно в этой сфере могут быть плодотворно совмещены различные аспекты серологических исследований, такие как освещение механизмов отбора, изменчивости, полиморфизма, стохастических или генетико-автоматических процессов [Рогинский, 1947; Рычков, 1965]. В серологическом обследовании чаще всего используются показатели по двум эритроцитарным системам – АВ₀ и резус-фактор. Определение биохимических параметров было достаточно популярным в 1980-е гг., однако с развитием генетики и появлением возможности прямого секвенирования генома данное направление все реже привлекает внимание исследователей.

Впервые материал по группам крови одной из локальных групп тоболо-иртышских татар – коурдакско-саргатской – был получен в ходе экспедиции под руководством А. Н. Багашёва в 1983 г. в Усть-Ишимском районе Омской области [Багашёв, Юрина, 1984¹; Багашёв, 1993]. Необходимо отметить, что на тот момент результаты проделанной работы являлись единственным источником сведений о генофонде тоболо-иртышских татар.

¹ В данной работе рассматривается тарская группа, но это опечатка или ошибка.

При сопоставлении полученных данных по коурдакско-саргатским татарам с данными о некоторых сибирских популяциях было установлено, что по концентрациям генных частот системы АВ₀ наибольшее сходство обнаруживается с группой хакасов, несколько большие различия – с кетами и селькупам. По системе резус группа коурдакско-саргатских татар наиболее близка к кругу уральских популяций. Результаты, свидетельствующие о том, что в генофонде этой группы татар сохранились некоторые общие черты с кетоязычным населением, подтверждаются тем фактом, что именно оно проживало на данной территории до начала активной тюркской экспансии этого региона. А некоторое тюркское влияние на предков коурдакско-саргатских татар может объяснить их связь с хакасами и некоторыми алтайскими популяциями [Багашёв, 1993, с. 91–93].

Палеоантропологические материалы тюркоязычного населения с территории Омского Прииртышья и сопредельных территорий начинают вводиться в научный оборот достаточно поздно [Дебец, 1948; Алексеев, Гохман, 1984]. Еще Георгий Францевич Дебец в своем труде «Палеоантропология СССР» пишет, что лесная часть западносибирской низменности является одной из областей СССР, наименее изученной в археологическом отношении [Дебец, 1948, с. 211].

Дальнейшее исследование, планомерное и целенаправленное, коренных народов Западной Сибири, в том числе и Омского Прииртышья, неразрывно связано с деятельностью В. А. Дрёмова и работой Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ПНИЛ ИАЭС ТГУ), открывшейся в 1968 г. а с 1976 г. – сектора антропологии и Кабинета антропологии Томского государственного университета [Рыкун, 2003, с. 283–284; 2008, с. 96]. На тот момент КА ТГУ являлся крупнейшим центром по сбору и обработке антропологических коллекций с территории Сибири. С первых дней работы сектора активную деятельность развернули В. А. Дрёмов, А. Н. Багашёв, А. Р. Ким. Главная задача сектора антропологии заключалась в проведении планомерных антропологических исследований коренного населения Западной и Южной Сибири [Дрёмов, 1998].

Краниология. С 1983 по 1986 г. Иртышской антропологической экспедицией под руководством А. Н. Багашёва были собраны краниологические материалы по всем этно-территориальным группам тоболо-иртышских татар из могильников XVIII – начала XX в.

Правомерно будет сказать, что история краниологического изучения тоболо-иртышских татар начинается со статьи А. Н. Багашёва о соотношении антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья. Сравнение краниологических материалов средневекового населения и близкого к современности (могильники Токсай I, II, Летний Коурдак и Тюльчаково, относящиеся к аялынской и коурдакско-саргатской группе) демонстрирует наличие общих морфологических черт у раннесредневекового и современного населения тайги Омского Приир-

тышья, что дает возможность говорить об определенной генетической преемственности, а также о большом влиянии аборигенного таежного населения на формирование тоболо-иртышских тюрок. А раннесредневековое население лесостепи обнаруживает слабое сходство с группами тоболо-иртышских татар, что, возможно, означает его незначительное участие в формировании этого этноса [Багашёв, 1987].

В дальнейшем результаты изучения краниологических особенностей отдельных локальных групп (тобольские и тарские татары) отражены в некоторых публикациях [Багашёв, 1990а; 1990б]. А. Н. Багашёвым установлено, что черепа тарских татар морфологически сходны с черепами других групп тоболо-иртышских татар, особенно с черепами тюменских татар, однако обладают определенным своеобразием, отличаясь от остальных большими размерами поперечного и скулового диаметров, а также более высоким лицом. Морфология аялынской серии, черепа которой наиболее широкие и брахикранные, с крупным лицом и выступающим носом, указывает на присутствие в составе этой группы примеси тюрко-монгольского населения из Южной Сибири и Казахстана, носителей южносибирского комплекса антропологических признаков [Багашёв, 1990а].

Наличие определенных морфологических особенностей у тобольских татар (узкое лицо, выступающее переносье и большой угол выступления носовых костей) усиливает выраженность европеоидных черт в группе, что можно вполне связать с влиянием европеоидного тюркоязычного населения Поволжья [Багашёв, 1990б].

Впоследствии А. Н. Багашёв в своем диссертационном исследовании, а позже и в монографии, посвященной вопросам этнической истории тоболо-иртышских татар, обобщил итоги своих многолетних исследований [Багашёв, 1989а; 1989б; 1991; 1993]. На основе многочисленных краниологических материалов автор приходит к выводу о том, что в формировании отдельных локальных групп приняли участие различные по происхождению расовые компоненты: южносибирский у аялыньских татар, угорский у коурдакской группы, а в тобольской локальной группе доминирует европеоидный компонент. Однако сравнение материалов с данными по средневековому населению дает возможность считать расовую основу всех групп тоболо-иртышских татар единой, а специфика каждой группы – это результат метисационных процессов. В результате на основе изученных материалов была выделена новая расовотаксономическая единица в составе уральской расы – обь-иртышский антропологический вариант, который представлен у тюрок Западной Сибири, а также у южных селькупов [Багашёв, 1993]. Столь важный итог работы повлиял в дальнейшем на изучение расогенеза современных западносибирских этносов и на развитие антропологии Западной Сибири в целом. Обобщенные результаты краниологических исследований по тоболо-иртышским татарам в дальнейшем были представлены и в других работах автора [Багашёв, 1998; 2011; 2015; 2017].

Начиная с 1991 г. археологическими экспедициями Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН в Тарском Прииртышье проводятся исследования на могильниках

XVII–XVIII вв., которые ученые соотносят с проживающими на этой территории сибирскими татарами [Корусенко, Татауров, 1997; Корусенко, 2010; Герасимов, Корусенко, 2014]. В ходе работ на памятнике Чеплярово 27 и Черталы 3 были получены репрезентативные палеоантропологические останки аялыньских (тарских) татар. Краниологический анализ данных показал, что аялыньские татары по своим морфологическим характеристикам могут быть отнесены к обь-иртышскому антропологическому типу в составе уральской расы [Багашёв, 1993, с. 143]. Сравнительный анализ выявил максимальное сходство краниологических характеристик аялыньских татар XVII–XVIII вв. и XIX – нач. XX в. Это свидетельствует о том, что морфологические особенности аялыньских татар не претерпели существенных изменений в течение двух веков [Южикова, 2014; 2015; Дедик, 20216].

Барабинские татары до сих пор остаются одной из наименее изученных в антропологическом отношении групп коренного населения Западной Сибири. Помимо исследований по соматологии, проведенных Т. А. Трофимовой, имеются лишь краниологические данные, собранные и изученные А. Р. Кимом [Ким, 1990; 1998]. Останки с позднесредневековых могильников Барабинской лесостепи позволили на основе сравнения средних значений и индексов отнести барабинских татар к уральскому антропологическому типу [Ким, 1990, с. 253]. А. Р. Кимом было также выявлено определенное территориальное различие в изучаемых выборках: население Центральной Барабы (могильники Абрамово-10, Малый Чуланкуль 1) несколько более монголоидное, чем обитатели Северной Барабы. По-видимому, это связано с большей степенью воздействия на них южносибирского расового компонента, генетически связанного с Южной Сибирью и Казахстаном [Ким, 1998, с. 93]. Население Северной части Барабинской лесостепи (могильник Кыштовка-2, Льнозавод) сохранило в своем облике больше исходных тюркских черт [Ким, 1990, с. 253]. Также группы обладают рядом особенностей, сближающих их с угорским населением, к примеру, с хантыйским населением Халас-Погора и хантами Васюганья [Ким, 1998, с. 93]. Данный факт подтверждается исследованиями В. И. Молодина, который предполагал, что в то время население, проживающее на данной территории, в этническом плане относилось к южной группе хантов [Молодин, 1979, с. 102–109]. В дальнейшем обобщенные результаты как по краниологии барабинских татар, так и по краниологии тоболо-иртышских татар вошли в разделы коллективной монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», которая была издана в 1998 г. [Багашёв 1998; Ким, 1998]. Следует подчеркнуть, что на тот момент это была единственная полная сводка современных краниологических источников, на основании которых подробно рассмотрен антропологический состав всех народов, живущих в Западной Сибири. Этот научный труд актуален и сегодня – монография остается одним из основных трудов по проблемам происхождения народов Западной Сибири.

Краниофенетика. Дискретно-варьирующие признаки (программа включала в себя 34 стандартных признака) были изучены по всем пяти группам тоболо-иртышских татар [Багашёв, 1984; 1989а; 1989б; 1993]. Анализ распределения признаков

показал, что между этно-территориальными группами тоболо-иртышских татар существует довольно тесная связь, однако на фоне сходства проявляется и определенное своеобразие самой южной – аялынской – группы. Межгрупповой анализ демонстрирует заметное сходство всех групп татар с чулымскими тюрками, а с тюркоязычными популяциями Алтае-Саянского нагорья (выборки шорцев, телеутов и кумандинцев) весьма умеренное [Багашёв, 1993, с. 40–53].

Остеометрия. Данные по группам тюменских, тобольских и саргатских татар были получены в ходе полевых сезонов 1983–1986 гг. Иртышской антропологической экспедицией под руководством А. Н. Багашёва [Багашёв, 1989а; 1989б; 1993]. Было установлено, что исследуемые группы по абсолютным размерам и пропорциям тела практически не различаются и представляют собой выборки из одной совокупности. Пропорции тела тоболо-иртышских татар характеризуются как мезобрахиморфные с тенденцией к брахигамбии. На фоне привлеченных сравнительных данных о тюркоязычных группах Сибири и Казахстана было установлено, что длинотные размеры, диаметры и окружности диафизов костей тоболо-иртышских татар чуть меньше, чем у казахов и бурят, и несколько больше, чем у томских тюрков. По данным А. Н. Багашёва, продольные пропорции тела, как расово-диагностический признак, на данный момент имеют минимальное значение для дифференциации популяций внутри рас [Багашёв, 1993, с. 53–90].

Долгое время изменчивость длинных костей скелета и пропорций тела тюркоязычного населения Омского Прииртышья была изучена не в полной мере – отсутствовали остеометрические данные по аялынской группе татар. Однако развивающееся этноархеологическое направление явилось одной из предпосылок всплеска археологических работ на территории рассматриваемого региона в последние десятилетия. Анализ остеологических характеристик позволил в некоторой степени охарактеризовать морфологические особенности строения скелетной системы аялынских татар, оставивших могильники Чеплярово 27 и Черталы 3. Кроме этого, в анализ были включены антропологические коллекции барабинских татар (могильники Абрамово-10, Льнозавод), краниологическое изучение которых проведено А. Р. Кимом в 1990-х гг. Было установлено, что аялынские татары (Чеплярово 27) демонстрируют средние показатели массивности, размеров пропорций скелета и отдельных костей. Данная группа является более макросомной на фоне барабинских татар и другой группы аялынских (Черталы 3) татар, которым свойственны минимальные значения показателей тотальных размеров тела. Тип телосложения барабинских и аялынских татар брахиморфный [Дедик, 2021б].

К остеометрическим исследованиям можно отнести и изучение билатеральной асимметрии длинных костей скелета.

Было установлено, что группы тоболо-иртышских татар заметно различаются по значениям коэффициентов асимметрии. Эти различия были связаны, в первую очередь, с хозяйственным укладом жизни каждой из групп. Как известно, физико-географические условия и особенности ландшафта территории расселения тех или иных этно-территориальных групп на первый план выводят определенные виды хозяйствования. Поэтому в данном случае можно предположить, что преобладание того или

иногo типа ведения хозяйства в группах тоболо-иртышских татар отразилось на формировании скелетной системы человека, что и подтверждается наличием билатеральной асимметрии [Дедик, 2021a].

Несмотря на то, что остеометрические характеристики демонстрируют минимальные значения расово-диагностических признаков, накопление данных по изучению длинных костей человека является достаточно важным этапом в развитии антропологических исследований. В дальнейшем развитие методической базы остеологических исследований, возможно, позволит углубить и конкретизировать расовую характеристику той или иной популяции, а также выработать классификации, базирующиеся на признаках посткраниального скелета. Подобные фундаментальные разработки на соматологическом материале были сделаны А. Л. Пурунджаном, которому удалось зафиксировать, что географические распределения признаков строения тела на территории СССР характеризуются высокой степенью территориальной приуроченности. На основании полученных данных была создана соматологическая типология, которая оказалась весьма близка к классической расоведческой классификации [Пурунджан, 1978; 1982; 1997].

Палеодемография. Как известно, одним из показателей уровня жизни популяции является средний возраст смерти. Сравнительный анализ данного показателя в мужских и женских группах коренного населения Западной Сибири показал, что по основным демографическим характеристикам наиболее благополучная палеодемографическая ситуация наблюдалась у коурдакско-саргатских татар, а также среди аялыньских татар XVII–XVIII вв. Этим группам свойственны максимальные значения среднего возраста смерти – 42,3 и 40,9 лет. Полученные данные также показывают, что две родоплеменные группы барабинских татар заметно отличаются по основным демографическим характеристикам. Причем барабинские татары родоплеменной группы бараба являлись более благополучной популяцией, чем соседствующая с ними группа тунусов. К примеру, средний возраст смерти как мужчин, так и женщин в группе бараба заметно выше. А при межгрупповых сопоставлениях установлено, что среди коренного населения Западной Сибири группа тунусов характеризуется минимальными значениями среднего возраста смерти (35,6 лет) [Южакова, 2016; Дедик, 2021б].

Таким образом, опубликованные данные по характеристикам современного населения (расовая соматология, дерматоглифика, одонтология) и информация, полученная на основе изучения палеоантропологических останков (краниометрия, краниофенетика, остеометрия), подтверждают сложность формирования антропологических особенностей сибирских татар. Проблема их этногенетической истории остается на сегодняшний день одной из сложнейших проблем современного сибиреведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксеянова Г. А., Квашнин Ю. Н. Проблемы метисации у тоболо-иртышских татар // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. – М.: ИЭА РАН, 2003. – С. 158–168.

Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Багашёв А. Н. Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых тюркоязычных популяциях Сибири // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1984. – С. 105–115.

Багашёв А. Н. Соотношение антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 106–109.

Багашёв А. Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989а. – 17 с.

Багашёв А. Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989б. – 446 с.

Багашёв А. Н. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990а. – С. 192–213.

Багашёв А. Н. Материалы по краниологии тобольских татар // Сравнительная антропология башкирского народа. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990б. – С. 122–137.

Багашёв А. Н. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск: Омск. ун-т, 1991. – С. 18–37.

Багашёв А. Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 152 с.

Багашёв А. Н. Тоболо-иртышские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. – Томск: ТГУ, 1998. – С. 94–110.

Багашёв А. Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. Взгляд антрополога. – Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. Saarbrücken, 2011. – 363 с.

Багашёв А. Н. Антропология сибирских татар // Этнография и антропология сибирских татар. – Казань: Изд-во «Идель», 2015. – С. 120–143.

Багашёв А. Н. Антропология Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2017. – 407 с.

Багашёв А. Н., Юрина Л. Г. Группы крови системы АВ₀ и Резус (D) у тарских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Труды областной научной конференции. – Омск, 1984. – С. 36–40.

Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хоз. деятельности и обществ. строй местного населения): специальный курс по истории народов Сибири для студентов-заочников исторического факультета университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. – 151 с.

Бунак В. В. Происхождение русского народа. – М.: Наука, 1965. – 414 с.

Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 232 с.

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем При-

объекты и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история. – Павлодар: ПГПИ, 2014. Вып. 9. – С. 73–78.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Труды института этнографии. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.

Дебец Г. Ф., Трофимова Т. А. Западносибирская экспедиция 1937 г. // Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг. – М., 1941. – С. 26–35.

Дедик А. В. Билатеральная асимметрия длинных костей скелета у тобольских татар // Вестник антропологии. – 2021а. – № 2. – С. 292–310.

Дедик А. В. Население Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. по антропологическим данным: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2021б. – 275 с.

Дрёмов В. А. Четверть века антропологических исследований // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998б. – С. 25–29.

Ефимова С. В. Одонтология сибирских татар (к проблеме этнической истории) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Труды областной научной конференции. – Омск, 1984. – С. 32–36.

Ким А. Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1990. – С. 249–260.

Ким А. Р. Барабинские татары // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 4. – Томск: ТГУ, 1998. – С. 84–94.

Корусенко М. А. Работы в низовьях реки Тара на могильнике Чеплярово 27 // Археологические открытия 2007 года. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 472–473.

Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – 218 с.

Корусенко М. А., Татауров С. Ф. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Т. 2. – Новосибирск, 1997. – С. 91–117.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. – Новосибирск, 1979. – 182 с.

Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения / отв. ред. А. Н. Багашёв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – 354 с.

Ошуркова С. В., Томилов Н. А. Самодийско-тюркские связи по данным одонтологии сибирских татар // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов по археологии. – Омск, 1983. – С. 50–54.

Пурунджан А. Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР // Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. – М., 1978. – С. 100–155.

Пурунджан А. Л. Анализ географической изменчивости соматических признаков на территории СССР с помощью методов многомерного статистического анализа // Вопросы антропологии. – 1982. Вып. 70. – С. 22–35.

Пурунджан А. Л. Основные закономерности пространственной дифференциации соматических особенностей населения России и сопредельных стран: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1997. – 60 с.

Рогинский Я. Я. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека // Труды института этнографии. Новая серия. Т. I. Памяти Д. Н. Анучина (1843–1923). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 98–101.

Рыкун М. П. К истории антропологических исследований в Томском государственном университете // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. – М.: ИЭА РАН, 2003. – С. 279–290.

Рыкун М. П. Антропологические исследования в Томском государственном университете: традиции и персоналии // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 94–100.

Рычков Ю. Г. Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии // Вопросы антропологии. – 1965. Вып. 19. – С. 95–105.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – 276 с.

Трофимова Т. А. Тобольские и барабинские татары // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 194–215.

Халдеева Н. И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Труды областной научной конференции. – Омск, 1984. – С. 30–32.

Хить Г. Л. Таксономическое положение тюрков Сибири в дерматоглифической систематике монголоидных популяций // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Труды областной научной конференции. – Омск, 1984. – С. 3–4.

Хить Г. Л. Дерматоглифика тюркоязычных народов СССР // Сравнительная антропология башкирского народа. – Уфа, 1990. – С. 27–51.

Хить Г. Л., Долинова Н. А. Дерматоглифика татар Евразии // Современная антропология и проблема рас у человека. – М., 1995. – С. 174–191.

Хить Г. Л. Дерматоглифика тюркоязычных народов Евразии: двадцать лет спустя // Вестник антропологии. – 2009. Вып. 17. – С. 254–263.

Хить Г. Л., Томилов Н. А. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 177–178.

Хить Г. Л., Широбоков И. Г., Славолубова И. А. Дерматоглифика в антропологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 376 с.

Южакова А. В. Новые краниологические материалы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья (могильник Чеплярово 27) // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 130-летию открытия па-

леолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры, Красноярск, 25–28 марта 2014 г. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 290–291.

Южакова А. В. Новые краниологические данные по тоболо-иртышским татарам (тарская группа) // Сборник материалов итоговой конференции II Международной полевой школы в г. Болгаре. – Казань, Болгар, 2015. – С. 370–374.

Южакова А. В. Палеодемография населения Лесостепного Прииртышья XVII–XVIII вв. (могильник Чеплярово 27) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 169–174.

A. V. Dedik

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

ANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF THE NATIVE POPULATION OF THE OMSK CIS-IRTYSH REGION

The article presents a summary historiographical essay of anthropological studies of the native population of the Omsk Cis-Irtysh region. The anthropological researches are divided into two parts. The first of them connected with studies of the current population. Presents a summary of the work on the study of somatological (G. F. Debets, T. A. Trofimova, G. A. Aksyanova), dermatoglyphic (G. L. Khit, N. A. Dolinova), dental anthropology (N. I. Khaldeeva, S. V. Oshurkova, S. V. Efimova) and serological characteristics of the native population (A. N. Bagashev, L. G. Yurina). Further presents results of the study of craniological features of the Tobol-Irtysh (A. N. Bagashev, A. V. Dedik) and Baraba Tatars (A. R. Kim), cranial non-metric traits (A. N. Bagashev), osteological (A. N. Bagashev, A. V. Dedik), paleodemographic (A. V. Dedik) characteristics of the ethno-territorial groups of the Tobol-Irtysh Tatars.

Keywords: Omsk Cis-Irtysh region, Tobol-Irtysh Tatars, Baraba Tatars, anthropology of the current population, paleoanthropology, historiographic essay.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дедик Алёна Владимировна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.
E-mail: ejara.ru@mail.ru.

Dedik Alyona Vladimirovna, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

**К. В. Бирюлева¹, П. В. Мандрыка¹, П. О. Сенотрусова^{1,2},
М. С. Баташев³, С. Г. Скобелев⁴, О. С. Комарова¹**

¹Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул

³Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

⁴Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск

ПОСЕЛЕНИЕ АЙКАНКА В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ¹

Аннотация. В статье впервые представлена история изучения поселения Айканка, расположенного в восточной части Красноярской лесостепи. Описаны проводившиеся на памятнике многолетние полевые археологические исследования и их результаты. Приведена геоморфологическая характеристика объекта и двух культурных слоев. В первом слое на разных участках отмечены материалы раннего железного века, раннего и развитого Средневековья, а также Нового времени. Представительны материалы ладейской культуры начала II тыс. н. э. и жилище первой половины I тыс. н. э. с керамикой айканского типа. Во втором культурном слое зафиксированы изделия из камня и фрагменты керамических сосудов раннего, развитого и позднего бронзового века. В заключении определена локализация выделенных культурно-хронологических комплексов на территории памятника.

Ключевые слова: Красноярская лесостепь, Енисей, бронзовый век, ранний железный век, Средневековье, Новое время, поселение, жилище, керамика.

Несмотря на более чем столетнее изучение Красноярской лесостепи, при построении культурно-хронологических схем развития региона остается еще немало «белых пятен». С одной стороны, это связано с неполным освещением в научных публикациях результатов проводившихся археологических раскопок, с другой – с отсутствием культурно-хронологических маркеров для ряда культур эпохи голоцена этой территории. Введение в научный оборот малоизвестных материалов и пополнение источниковой базы новыми сведениями являются актуальными направлениями в археологии Красноярской лесостепи. В рамках данной статьи суммируются данные об археологическом поселении Айканка, открытом более полувека назад. Часть материалов уже была освещена в научных публикациях [Мандрыка, 1997; Скобелев, Мандрыка, 1999], некоторые сведения впервые вводятся в научный оборот.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Поселение открыто сотрудником Красноярского краеведческого музея Н. В. Нащокиным в 1964 г. Проводя археологическую разведку по маршруту Атаманово – Красноярск, на правом берегу р. Айканки (Айкановки) в осыпях обрывистого

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

склона им были найдены несколько фрагментов керамики и отщеп, а на нижней террасе – фрагменты гончарных сосудов. Исследователь заложил три рекогносцировочных шурфа, назвав их раскопами: два – по гребню мысовидного склона коренной террасы и третий – на поверхности мыса первой надпойменной террасы. В шурфах на склоне второй террасы были найдены фрагменты лепных керамических сосудов, каменные ножевидные пластинки и отщепы, которые залегали в основном в первых двух штыках в «слое серой супеси и на глубине 30–50 см, переходящей в светлый песок» [Нащокин, 1964, л. 6]. В третьем шурфе в верхнем слое обнаружены обломки сосудов, сопоставимые с керамикой Красноярского острога. В этом же слое и ниже Н. В. Нащокиным отмечены фрагменты лепных горшков и несколько каменных отщепов. Находки, обнаруженные в третьем и четвертом штыках, аналогичны вещам, найденным в нижних уровнях первых двух шурфов. Среди находок – керамика, орнаментированная либо оттисками лопатки и гребенки, либо прочерченными палочкой желобками [Нащокин, 1964, л. 7]. Судя по описанию, зафиксированные исследователем материалы относятся к двум культурным слоям, которые датировались в интервале «нескольких тысяч лет назад» и серединой XVII в.

В 1989–1991 гг. памятник стационарно изучался П. В. Мандрыкой. Осматривая левобережную часть устья р. Айканки, на надпойменной енисейской террасе им, вместе с М. С. Баташевым, были обнаружены траншеи и валы, а также 24 ямы-котлована, тянувшиеся несколькими рядами вдоль Енисея. Этот комплекс был обозначен как Айканское городище и отнесен к объекту XX в. [Мандрыка, Баташев, 1993].

На правобережной части р. Айканки П. В. Мандрыкой была обследована противопожарная траншея, проложенная по поверхности мысовидного гребня, образованного подмывом приустьевых разновысотных террас. На склоне второй террасы, в отвалах траншеи, проведен сбор подъемного материала – фрагментов керамики без орнамента и мелких расколотых костей животных. Здесь же, но на задернованном крутом склоне террасы со стороны Айканки, по рельефу было зафиксировано небольшое западение, предполагавшее оплывший котлован углубленного, врезанного в склон древнего жилища, что в дальнейшем подтвердилось раскопками [Мандрыка, 1989, л. 17]. Общая площадь этого раскопа (обозначенного как раскоп № 2) составила 22 м². В нем на глубине 23–30 см изучен единственный культурный слой мощностью 8–22 см, приуроченный к поддерновому слою гумусированной темно-серой супеси. В слое было расчищены остатки каркасного, четырехугольного в плане жилища полуподземного типа [Там же, л. 18–19; Мандрыка, 1997]. Материалы из жилища включали 13 однотипных сосудов с тонковаликовым орнаментом и немногочисленный орудийный набор. В дальнейшем эти оригинальные сосуды с тонковаликовой орнаментацией были выделены в отдельный айканский тип керамики, бытовавший в промежутке IV–VI вв. н. э. [Мандрыка, 2018, с. 34]. За пределами жилища и в выбросах из котлована были отмечены смешанные находки железного века и более ранних периодов. Фрагменты сосудов железного века сопоставлялись с керамикой из жилища, а фрагменты керамики с углубленным орнаментом и каменные отщепы – с материалами периода раннего металла.

На мысовидной части первой надпойменной террасы были отмечены оплывшие котлованы от трех древних землянок. Одна из них оказалась поврежденной противоположной траншеей. В ее отвалах проведен сбор экспонированного археологического материала. Здесь обнаружены фрагменты плоскодонных гончарных сосудов, железный черешковый нож, два наконечника стрел и кольцо от удил, а также куски шлака и крицы. Для изучения этого жилища был размечен раскоп № 1 размерами 7×7 м. Кроме землянки Нового времени здесь изучены два культурных слоя, залегающих за пределами котлована жилища. Первый культурный слой был оставлен обитателями землянки. В нем на глубине 15–20 см в толще темно-серой гумусированной почвы найдены роговые, костяные и железные наконечники стрел, костяные свистунки, панцирные пластины и железные ножи, керамика и др. Второй культурный слой залегал под первым (в слое коричневой суглинистой почвы) и имел мощность 20–30 см. Здесь отмечены фрагменты орнаментированной лепной керамической посуды, а также каменный концевой скребок, пластинки и отщепы. Эти материалы датированы исследователем в интервале от раннего бронзового века до раннего железного века [Мандрыка, 1991, л. 19, 21].

Изученная землянка (жилище № 2) сооружалась в котловане размерами 4×4 м, глубиной 240 см с вертикальными стенками, ориентированными параллельно краю террасы (с ЮВ на СЗ). В яме устраивался сруб, угловые бревна соединялись «в лапу». Пол оставался земляным. В южном и юго-западном углу котлована прослежены обожженные вертикально стоящие деревянные столбы диаметром 12 см. Прослеженный вход в землянку в виде прохода шириной 1 м находился с северо-западной стороны [Мандрыка, 1990, л. 7]. На срубе возводилась бревенчатая рама, конструкция которой опиралась как на края котлована, так и на столбы, расположенные по углам ямы. Сверху, очевидно, сооружалась кровля из бревен, которая засыпалась землей и покрывалась кусками дерна [Там же, л. 12]. По находкам из заполнения землянка датирована второй половиной XVII – началом XVIII в. н. э. [Скобелев, Мандрыка, 1999].

В 1994 г. раскоп № 1 был расширен в восточную и южную сторону С. Г. Скобелевым и М. С. Баташевым. Общая площадь прирезок составила 41 м². В изученном первом культурном слое найдены многочисленные фрагменты керамики, кремневые отщепы, железные изделия, фаунистические останки (часть их обожжена), пластинки слюды со следами обреза [Скобелев, 1994].

В 2021 г. работы на поселении были продолжены отрядом археологической экспедиции Сибирского федерального университета. Мониторингом территории отмечены новые места сбора подъемного материала и многочисленные грабительские ямы «черных копателей». В западной части памятника выявлены ранее не отмеченные котлованы древних жилищ. Для установления границ объекта заложены 6 рекогносцировочных шурфов общей площадью 24 м². Снятый топографический план вошел в учетную документацию этого памятника, получившего название ВОАН «Шивера. Поселение Айканка» [Бирюлева, 2021].

В настоящее время опубликованы две статьи, посвященные материалам поселения Айканка. Первая была выполнена П. В. Мандрыкой в 1997 г. и посвящена материа-

лам жилища № 1 раскопа 1989 г. [Мандрыка, 1997]. В статье подробно анализируются полученные материалы, проводятся аналогии, дается культурно-хронологическая интерпретация памятника.

Вторая статья, посвященная вопросам хронологии некоторых предметов из археологических памятников русского времени, была написана совместно С. Г. Скобелевым и П. В. Мандрыкой в 1999 г. В ней рассматриваются материалы Саянского острога и Айканского селища, русский слой которого датирован авторами второй половиной XVII – началом XVIII в. [Скобелев, Мандрыка, 1999]. В статье упоминаются некоторые находки, обнаруженные в полевые сезоны 1990, 1991 и 1994 гг., а также характеризуется деятельность Ивана Архипова Айкана, сына боярского и родича кыргызского князя Ереняка.

Таким образом, несмотря на относительную освещенность некоторых аспектов древностей из культурных слоев поселения, суммирующего описания всех находок ранее не приводилось. Этот пробел в какой-то степени закрывает настоящая публикация.

ГЕОМОРФОЛОГИЯ ОБЪЕКТА И ЗАЛЕГАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ

В настоящее время поселение расположено в границах ЗАТО г. Железногорска Красноярского края, в приустьевой части правого берега р. Айканки, левобережного притока р. Енисей. Объект занимает поверхности первой приустьевой надпойменной террасы высотой 7–8 м от уреза воды и приустьевую зону второй террасы высотой 23–28 м, а также участок высокой поймы, примыкающий к подошве второй террасы. Сохранившийся фрагмент первой надпойменной террасы примыкает к основанию второй террасы мысовидным участком шириной 130 м. Уступ второй террасы в юго-западном направлении более пологий, чем уступ с северо-восточной стороны. Склоны второй террасы покрыты сосновым лесом.

Вдоль подножия второй террасы со стороны Енисея отмечены разноразмерные котлованы древних построек. На мысовидном участке первой надпойменной террасы располагалось три таких же котлована, один из которых был изучен раскопом № 1. В 120 м к западу от них отмечался одиночный котлован № 4 размерами 6×7 м и глубиной до 2 м с массивной обваловкой высотой до 1 м. Далее, в 80 м на запад, у подножия склона, отмечены еще три разноразмерных котлована, получивших обозначение № 5, 6 и 7. Два из них – подквадратной формы, размерами 3×4 м и 5×5 м и глубиной 0,6 и 0,5 м соответственно, ориентированы по направлению ССВ – ЮЮЗ. Последний котлован размерами 2,2×3 м и глубиной 0,2 м врезан в основание склона террасы.

Рельеф памятника определяет неоднородность древних почвонакоплений, что нашло отражение в зафиксированных стратиграфических ситуациях. На поселении выделено несколько специфических участков дислокации культурных слоев – первая надпойменная терраса, вторая терраса и высокая пойма. Всего отмечены два культурных слоя, залегание которых на разных участках объекта имеет свою специфику.

Наиболее поздние находки на памятнике отмечены на первой надпойменной террасе в поверхностном слое мешаной почвы. Здесь они были изучены шурфом № 7 2021 г. В верхней части пахотного слоя обнаружены предметы XX в. (черепки фаянсовых изделий и обломки костей животных), а в нижней – переотложенные находки Нового времени. Последние сопоставляются с материалами из сохранившейся части первого культурного слоя памятника. Данный уровень залегания материала обозначался как первый нарушенный культурный слой. Судя по всему, его формирование на приустьевом участке правого берега р. Айканки связано с интенсивными грейдерными работами, проводившимися, возможно, с прокладкой полевой дороги или очисткой территории под покосы. Ямы от землеройной техники отмечались на поверхности первой надпойменной террасы всеми исследователями, в том числе и С. Г. Скобелевым в 1994 г.

Сохранившаяся часть первого культурного слоя дислоцируется *in situ* на уровне первой надпойменной террасы (раскоп № 1, шурф № 7 2021 г.), на участке высокой поймы у подножия второй террасы в центральной и западной частях памятника (шурфы № 4 и № 6 2021 г.), а также на Айканском склоне второй надпойменной террасы (раскоп № 2 1989 г.). Находки первого культурного слоя приурочены к слою поддерновой супесчаной почвы, залегание и структура которой значительно различаются в зависимости от участка памятника. Слой содержит материалы раннего железного века, Средневековья и Нового времени.

Второй культурный слой приурочен, как правило, к слою бурой супеси, более плотному и влажному на уровне первой надпойменной террасы и поймы (раскоп № 1), и более песчаному и пылеватому – на поверхности второй террасы. В шурфе № 6 в юго-западной части памятника, расположенном у подножия коренной террасы в высокой пойме, второй культурный слой отмечен в слое темно-серой супеси, подстилаемом влажным бежевым суглинком (уровень материка). В этом культурном слое обнаружены находки разных периодов бронзового века.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛОВ И ИХ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Суммирована информация обо всех археологических находках, отмеченных на поселении Айканка, и проанализированы те из них, которые не были интерпретированы в ранних публикациях. Для анализа использованы материалы 1989–1991 г. (работы П. В. Мандрыки), 1994 г. (работы С. Г. Скобелева) и 2021 г. (работы К. В. Бирюлевой). Находки, сделанные Н. В. Нащокиным, авторами не изучались, но учитывались при выделении культурно-хронологических комплексов.

К Новому времени относится большинство находок, обнаруженных на поселении. Они отмечены в раскопах 1989, 1990–1991, 1994 гг., в шурфах № 3 1964 г. и № 6 и № 7 2021 г. Наиболее многочисленны фрагменты керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге. Судя по сохранившимся черепкам, вся посуда была плоско-

донная, без глазури. Большая часть фрагментов относится к стенкам емкостей, хотя встречаются фрагменты венчиков и днищ. По большей части сосуды не орнаментированы, хотя отмечаются отдельные фрагменты с прочерченными линиями. С гончарной керамикой залегали костяные и железные наконечники стрел, железные ножи, проушной топор, панцирные пластины, кузнечные заготовки и другие предметы. Детальному анализу материалов раннего Нового времени будет посвящена отдельная развернутая публикация.

Находки развитого Средневековья обнаружены в первом культурном слое шурфа № 7. Здесь на глубине 74 см отмечен фрагмент отслоившегося венчика керамического сосуда закрытой формы с профилированной шейкой, на внешней стороне которого нанесены горизонтальные ряды прямоугольных наколов (рис. 1, 1). Подобная керамика встречалась на поселении и ранее [Мандрыка, 1997, рис. 2.7]. По профилировке и орнаменту фрагмент близок к посуде ладейской культуры начала II тыс. н. э. [Мандрыка, Сенотрусова, 2019а, с. 100].

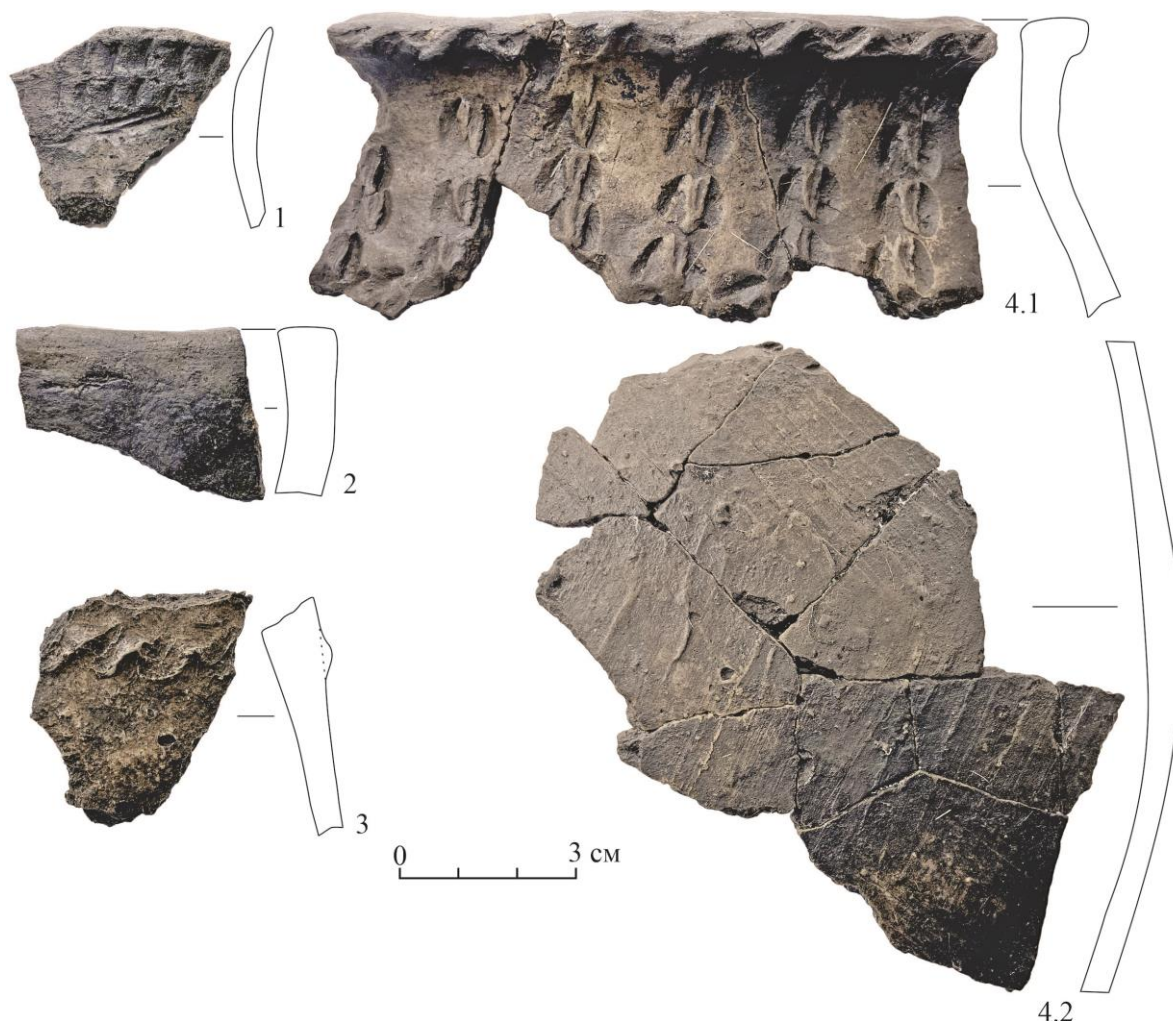

Рис. 1. Керамика первого культурного слоя поселения Айканка:
1–3 – шурф № 7 2021 г., 4 – шурф № 4 2021 г.

Находки финала железного века и начала Средневековья обнаружены в шурфе № 4. Здесь в нижней части черного супесчаного слоя (чернозема) найдены фрагменты от двух керамических сосудов, округлые гальки со следами лощения, железные шлаки и кости крупных копытных. Один сосуд частично восстанавливается. Это горшок с выделенной шейкой и венчиком, оформленным «карнизиком» с пальцевыми защипами. Шейка подчеркнута орнаментом из вертикальных рядов и одного горизонтального ряда пальцевых защипов (рис. 1, 4.1). Тулово украшено разнонаправленными поясами из параллельных гладких обмазочных валиков, имитирующих мотив «шеvron» (рис. 1, 4.2). Второй сосуд представлен лишь одним небольшим фрагментом стенки с наlepным валиком, рассеченным пальцевыми защипами (рис. 1, 3).

Отмеченная в шурфе керамика сопоставляется с посудой из жилища № 2, изученного в 1989 г. [Мандрыка, 1997], которое располагалось на крутом склоне второй надпойменной террасы в 89 м северо-восточнее шурфа № 4. По таким сосудам выделен айканский тип керамики, время бытования которого в Красноярском лесостепном районе определяется в пределах IV–VI вв. н. э. [Мандрыка, 2018, с. 34].

Находки раннего железного века представлены фрагментами керамики, обнаруженными в первом культурном слое шурфа № 7 2021 г. Здесь были отмечены фрагменты от сосуда баночной формы без орнамента с прямым в сечении венчиком (рис. 1, 2). Такая керамика сопоставляется с посудой из позднетагарских-тесинских курганов Красноярского лесостепного района, детальная хронология которой пока не разработана [Виноградов, 2021, с. 345].

Находки различных периодов бронзового века разнообразны. В раскопе № 1 1990–1991 гг. были отмечены фрагменты от шести керамических сосудов [Мандрыка, 1991, л. 19], а также каменный скребок на отщепе и немногочисленные сколы. В том же раскопе 1994 г. обнаружены фрагменты от семи сосудов, два из которых сопоставляются с материалами раскопа 1990–1991 гг. Помимо этого, отмечены разрозненные черепки от стенок лепных сосудов, украшенных либо гребенчатыми, либо накольчатыми оттисками, и два небольших фрагмента венчиков без орнамента. В итоге из материалов раскопа № 1 1990–1994 гг. выделяются одиннадцать сосудов. Вместе с ними в слое отмечены каменные орудия: скребок, два наконечника стрелы треугольной формы с прямой базой, скребловидное орудие, отщеп и пластинка с краевой ретушью, а также призматический нуклеус. В 2021 г. второй культурный слой зафиксирован в шурфах № 5, 6 и 8. В первых двух шурфах в культурном слое найдены только несколько каменных отщепов и пластинок. В шурфе № 8 отмечены разрозненные фрагменты одного керамического сосуда, плоское дно которого орнаментировано по контуру рядом оттисков овального штампа, а стенки – рядами округлых наколов. Вместе с керамикой здесь найдены каменные отщепы и пластина с краевой ретушью.

Керамика. Отмеченная во втором слое керамика по морфологическим признакам разделяется на пять групп.

К первой группе относятся четыре сосуда закрытой формы с прямой или слабо-профилированной шейкой (три – из раскопа № 1, один – из шурфа № 8). Для них харак-

терны орнаментация из наколов приостренно-округлых орнаментиров, которые могли строиться в горизонтальные прямые или волнистые ряды. Под венчиком орнамент дополнен рядом ямок или «жемчужин». От двух сосудов сохранились части плоских доньшек, украшенных такими же оттисками (рис. 2, 1–4).

Рис. 2. Керамика второго культурного слоя поселения Айканка: 1, 5–7, 9–10 – раскоп № 1, работы 1990–1991 гг.; 2–3, 8, 11–12 – раскоп № 1, работы 1994 г.; 4 – шурф № 8 2021 г.

В Красноярской лесостепи, помимо поселения Айканка, подобный плоскодонный сосуд известен на поселении Боровое-2 [Макаров, 2005, с. 160]. Ранее было высказано предположение, что подобная керамика характерна для периода ранней бронзы Красноярской лесостепи и имеет аналогии среди окуневских материалов [Там же, с. 162]. Можно отметить, что по ряду черт керамика из поселения Айканка близка сосудам черновского этапа окуневской культуры. В число сопоставляемых признаков входят плоскодонность, слабопрофилированная шейка ряда сосудов, наличие пояса ямок, сплошная орнаментация тулова сосуда гладкими и гребенчатыми оттисками, сложные композиции орнамента на дне [Поляков, 2022, рис. 77–78, с. 160]. Датировка черновского этапа окуневской культуры определена в рамках XXII–XX вв. до н. э. Если говорить о более отдаленных сопоставлениях, то следует отметить сходство такой керамики с посудой елунинской и самусьской культур Верхнего Приобья [Кирюшин, 2002, с. 48; Молодин, Глушков, 1989, с. 89].

Во вторую группу входят фрагменты от двух банок простой закрытой формы с приостренным в сечении венчиком. Одна из них украшена по венчику рядом овальных вдавлений (рис. 2, 5–6). Фрагменты от подобных сосудов баночной формы зафиксированы на многих памятниках Красноярского лесостепного района, однако их датировка пока остается открытой. Можно допустить, что такую посуду следует сопоставлять с банками раннетагарского времени, например, из Усть-Собакинской стоянки [Максименков, 1966, с. 82].

К третьей группе относятся три сосуда закрытой формы со следами рубчатой выколотки (рис. 2, 7–9). Под венчиком расположен ряд «жемчужин» или отверстий. На двух сосудах отмечены парные диагональные прочерченные линии, образующие, видимо, мотив «зигзаг». Под венчиком одного сосуда наклеплен гладкий жгутиковый, треугольный в сечении валик.

Подобная керамика широко распространена на поселенческих и в погребальных памятниках Средней и Восточной Сибири. Традиционно она связывается с глазковской культурой и датируется развитым бронзовым веком, хотя уже стало очевидно, что этот керамический пласт не является единым, а его датировка требует корректировки и уточнения [Мандрыка, Сенотрусова, 2019б]. Красноярская лесостепь является одним из западных районов распространения подобной керамики, здесь она известна на стоянках Минжуль, Мостовое, Боровое 2 [Мандрыка, Сенотрусова, 2019а; Исследование..., 2007; Макаров, 2005] и ряде других. До сих пор рубчатая керамика Красноярской лесостепи не стала темой отдельного исследования, хотя очевидно, что она отличается от рубчатой керамики Приангарья и Прибайкалья.

Четвертая группа представлена двумя сосудами со скошенным венчиком. Под венчиком одного горшка отмечен наклепной валик, украшенный овальными насечками, а ниже расположен ряд ямок и аналогичных оттисков. Второй сосуд украшен горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями (рис. 2, 10–11).

Подобная керамика обнаружена на ряде памятников Красноярского и Канского лесостепных районов, она соотносится с красноярской археологической культурой эпохи поздней бронзы [Мандрыка, Сенотрусова, 2017; Мандрыка, 2021].

Пятая группа представлена одним сосудом простой закрытой формы, венчик которого рассечен пальцевыми защипами, а поверхность покрыта оттисками «вафельной» колотушки (рис. 2, 12). Сосуд относится к шепилевской культуре поздней бронзы, посуда которой орнаментирована пальцами рук мастера. Именно для этих сосудов характерно наличие широкой вдавленной полосы в зоне шейки и выколотка стенок «вафельной» колотушкой [Мандрыка, 2006, с. 416]. Датировка шепилевской культуры определяется XII–VIII вв. до н. э. [Мандрыка, 2018, с. 25].

Каменный инвентарь. Помимо фрагментов керамики, во втором культурном слое поселения Айканка обнаружены каменные орудия, нуклеус и продукты расщепления².

Наконечники стрел имеются в 3 экземплярах: два обнаружены в раскопе 1994 г., третий поднят с поверхности в 2021 г. Все наконечники подтреугольной формы. Два с прямой базой, один из них слегка асимметричен (рис. 3, 1–2). Размеры изделий – 1,4×3,2×0,1 см и 1,3×3,4×0,2 см. От третьего наконечника сохранился медиальный фрагмент (рис. 3, 3) размерами 1,7×2,8×0,4 см.

Концевой скребок (1 экз.) на пластинчатом сколе языковидной формы с полукруглым высоким рабочим краем найден в раскопе 1990–1991 гг. Размеры орудия – 2,4×4,1×0,6 см.

Отщепы и пластины с краевой ретушью имеются в количестве 3 экземпляров. Фрагмент каменной пластины с ретушью по двум краям (рис. 3, 4) обнаружен в раскопе № 2 1994 г. Его размеры – 1,5×3,0×0,3 см. Здесь же найден отщеп с краевой ретушью (рис. 3, 6) размерами 2,9×4,5×0,6 см. Каменная пластина с краевой ретушью по одному из краев отмечена в шурфе № 8 (рис. 3, 5). Ее размеры – 1,9×3,9×0,6 см.

Скребловидное орудие (1 экз.) на массивном сколе с галечной коркой обнаружено в раскопе № 2 1994 г. Рабочий край изделия прямой, ретушь односторонняя, разнофасеточная (рис. 3, 8). Размеры орудия – 6,7×15,8×2,8 см.

Призматический одноплощадочный микронуклеус (1 экз.) размерами 2,2×1,1×0,8 см отмечен в раскопе 1994 г. (рис. 3, 7).

Представленные каменные изделия вполне сопоставляются с широкой датировкой слоя в пределах бронзового века. Такие же предметы находят место и в других памятниках Красноярской лесостепи [Макаров, 2005; Мандрыка, Сенотрусова, 2019а и др.].

² Авторы благодарят Е. В. Акимову за выполненные рисунки каменных изделий.

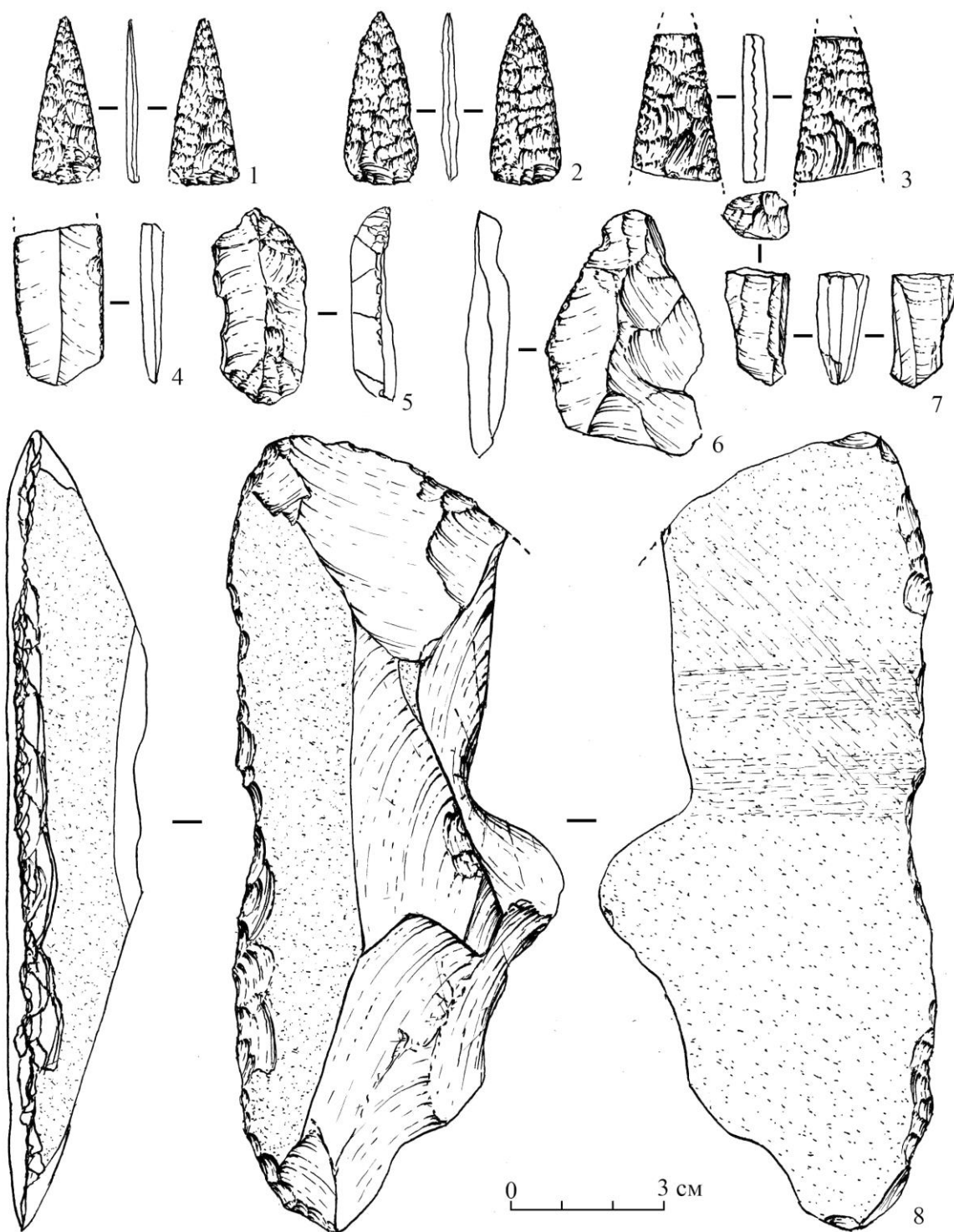

Рис. 3. Каменные орудия второго культурного слоя: 1–3 – наконечники стрел, 4 – пластина с ретушью, 5 – скребок, 6 – отщеп с ретушью; 7 – нуклеус, 8 – скребловидное орудие; 1, 2, 4, 6–8 – раскоп № 1 1994 г.; 3 – подъемные сборы 2021 г.; 5 – шурф № 8 2021 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За многолетний период изучения поселения Айканка получена уникальная коллекция материалов, охватывающая период от ранней бронзы до Нового времени. Установлено, что разновременные комплексы приурочены к разным геоморфологическим условиям.

Жилища раннего Нового времени локализованы на уровне 7–8 м от уреза воды и прижаты к основанию второй террасы. Именно эта площадка была выбрана для освоения аборигенным, но уже обрусевшим населением Красноярской лесостепи в конце XVII – начале XVIII в.

На уровне первой надпойменной террасы зафиксированы единичные фрагменты сосудов начала II тыс. н. э., относящиеся к ладейской культуре. Черепки ладейской посуды отмечены также по склону второй террасы в приустьевой части р. Айканки. Более выразительная локализация культурного слоя этого времени на памятнике пока не выявлена.

Материалы финала железного века и начала Средневековья приурочены к участку высокой поймы, расположенному у подножия второй террасы в центральной части памятника. Здесь зафиксировано скопление керамики айканского типа и железные шлаки, которые указывают на выплавку железа в это время. Выбор места сооружения полуземлянки, врезанной в северо-восточный склон мысовидной части второй террасы, также был не случаен. Оно удобно для зимовья, закрыто от ветров, постоянно дующих по долине Енисея. Вероятно, в первой половине I тыс. н. э. местное население использовало в своей повседневной хозяйственной деятельности все пространство памятника.

От периода раннего железного века на памятнике зафиксированы единичные фрагменты керамики тагаро-тесинского и раннетагарского времени. Они пока малочисленны и указывают лишь на пребывание людей в устье р. Айканки в этот период древней истории.

Разновременные находки бронзового века приурочены к наклонной поверхности второй террасы, встречены они и в раскопе 1990–1994 гг., расположенном в юго-восточной части памятника на мысовидном останце первой надпойменной террасы. Отмечены материалы периода ранней (плоскодонные сосуды с гладкими наколами), развитой (керамика с рубчатой выколоткой) и поздней бронзы (посуда красноярской и шепиловской культур). В бронзовом веке здесь, очевидно, устраивались сезонные стоянки. Локализацию разновременных стоянок можно будет выявить только сплошным раскрытием площади памятника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бирюлева К. В. Отчет об археологической разведке на территории Большеулуйского района и ЗАТО г. Железногорск Красноярского края в 2021 г. // Архив Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ. Р-1.

Мандрыка П. В. Отчет о полевых археологических исследованиях в Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1989 г. // Архив Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ. Р-1. № 3. 155 л.

Мандрыка П. В. Отчет о полевых археологических исследованиях в Емельяновском, Сухобузимском, Большемуртинском и Казачинском районах Красноярского края в 1990 г. // Архив Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ. Р-1. № 4. 139 л.

Мандрыка П. В. Отчет о полевых археологических исследованиях 1991 г. в Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Мотыгинском районах Красноярского края // Архив Лаборатории археологии Енисейской Сибири СФУ. Р-1. № 5. 140 л.

Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 года // Красноярский краевой музей. Научный архив. Отдел истории досоветского периода. № п/п 701, оп. 5, д. 96, 44 л.

Скобелев С. Г. Полевой дневник ведения археологических раскопок на поселении Айканка. 1994 г. // Личный архив исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Д. А. Поселение Иркутское в Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Междунар. науч. конф., Абакан, 8–11 сентября 2021 года. – Абакан: ФГБУН «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», 2021. – С. 342–347.

Исследование стоянки Мостовое / Макаров Н. П., Баташев М. С., Грачев И. А., Паульс Е. Д., Тарасов А. Ю., Фокин С. М. // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, метрология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 77–80.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. – 2005. – № 3. – С. 149–171.

Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Сибирский археологический сборник. Вып. 2. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1966. – С. 77–83.

Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209–217.

Мандрыка П. В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 414–417.

Мандрыка П. В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и Низовьев Ангары: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2018. – 54 с.

Мандрыка П. В. Красноярская археологическая культура // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. – С. 85–87.

Мандрыка П. В., Баташев М. С. Городище Айкановское – новый средневековый памятник на Среднем Енисее // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 48–49.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Красноярская археологическая культура: историография и современное состояние // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Н. К. Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 74–81.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Многослойная стоянка Минжуй под Красноярском // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Вып. X. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019а. – С. 86–107.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Керамические комплексы бронзового века нижней Ангары: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб.: ИИМК РАН, 2019б. – С. 98–101.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 364 с.

Скобелев С. Г., Мандрыка П. В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: сб. науч. ст. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 208–214.

**K. V. Biryuleva¹, P. V. Mandryka¹, P. O. Senotrusova^{1,2},
M. S. Batashev³, S. G. Skobelev⁴, O. S. Komarova¹**

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk

²Altai State University, Barnaul

³Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk

⁴Novosibirsk State University, Novosibirsk

THE AYKANKA SETTLEMENT IN KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

The article presents the history of the study of the Aykanka settlement, located in the eastern part of the Krasnoyarsk forest-steppe. It summarizes the results of many years of field archaeological research carried out at the site. The geomorphological characteristics of the site and description of two cultural layers are given. There are materials of the early Iron Age, Middle Ages, as well as the New Age have found

in the first layer in different areas of settlement. The vessels of the Ladeyka culture of the beginning of the 2nd millennium AD and dwelling of the first half of the 1st millennium AD with ceramics of the Aykanka type are representative. There are stone products and fragments of ceramic vessels of the Early, Middle and Late Bronze Ages have discovered in the second cultural layer. In conclusion, the localization of the selected cultural and chronological complexes on the territory of the settlement is determined.

Keywords: Krasnoyarsk forest-steppe, Yenisei, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, Modern era, settlement, dwelling, ceramics.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюлева Ксения Викторовна, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.

E-mail: ksy36ss@yandex.ru.

Мандрыка Павел Владимирович, д-р ист. наук, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири, Сибирский федеральный университет.

E-mail: pmandryka@yandex.ru

Сенотрусова Полина Олеговна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; научный сотрудник, Алтайский государственный университет.

E-mail: polllina1987@rambler.ru.

Баташев Михаил Семенович, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей.

E-mail: bms@kkkm.ru.

Скобелев Сергей Григорьевич, канд. ист. наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет.

E-mail: sgskobelev@yandex.ru.

Комарова Ольга Сергеевна, младший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.

E-mail: helgainvers@gmail.com.

Biryuleva Ksenia Viktorovna, senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Mandryka Pavel Vladimirovich, Doctor of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archeology of the Yenisei Siberia, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Senotrusova Polina Olegovna, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); researcher, Altai State University (Barnaul, Russia).

Batashev Mikhail Semenovich, senior researcher, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk, Russia).

Skobelev Sergey Grigorievich, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory for Humanitarian Research, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Komarova Olga Sergeevna, junior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

О. С. Комарова

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ Д. ИРКИНЕЕВО

Аннотация. В статье рассматриваются результаты работ археологического отряда Сибирского федерального университета в 2020 г. в окрестностях д. Иркинеево, которая расположена в приустьевой части левого берега р. Иркинеевой – правобережного притока р. Ангары. Первые археологические находки здесь были известны с XIX в., они представляли собой каменные изображения рыб. На левом берегу реки в 1937 г. А. П. Окладниковым была открыта стоянка Иркинеево. В ходе исследований обнаружены материалы эпохи неолита, раннего железного века, Средневековья и русского времени; последние связаны с периодом существования д. Иркинеево, основанной в 1689 г. Обнаруженная на правом берегу стоянка Иркинеево-2 содержит находки эпохи неолита, Средневековья, XVII–XIX вв.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, неолит, ранний железный век, Средневековье, каменные изображения рыб, керамика с оттисками сетки-плетенки.

ВВЕДЕНИЕ

Река Иркинеева является одним из крупных правобережных притоков Ангары в ее нижнем течении. Многолетняя история исследования данного района показала наличие многослойных памятников в районе устьев рек, впадающих в Ангару. Об обнаружении археологических находок в окрестностях деревни Иркинеево, расположенной на левом берегу приустьевой части реки Иркинеевой, было известно со второй половины XIX в. Однако работы здесь проводились эпизодически, полученные материалы не рассматривались в комплексе, что затрудняет их анализ. Цель данного исследования заключается в изучении полученных в 2020 г. археологических материалов в окрестностях д. Иркинеево в контексте проводимых ранее исследований.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые сведения об археологических находках, связанных с участком ангарской долины в устье р. Иркинеева, появились еще во второй половине XIX в. Д. Н. Анучин в трудах VI археологического съезда 1886 г., описывая коллекцию предметов И. А. Лопатина в Историческом музее, отмечает, что одно из каменных «изображений рыб» бы-

ло получено от крестьян возле деревни Иркинеево¹ [Анучин, 1886, табл. 3, рис. 6]. Изображение янусовидной рыбы длиной 36,3 см из коллекции И. А. Лопатина, опубликованное там же, согласно этикетке, сохранившейся на муляже рыбки в Музее антропологии и этнографии РАН, тоже происходит из района д. Иркинеево [Окладников, 1950, с. 244].

Непосредственно археологические исследования здесь начинаются с 1937 г., когда в ходе Ангарской археологической экспедиции, организованной Иркутским краеведческим музеем и Восточно-Сибирским отделом Географического общества, А. П. Окладниковым была открыта археологическая стоянка в устье р. Иркинеевой. Во время полевых сезонов 1972–1981 гг. работы на памятнике проводились сотрудниками КГПУ. Материалы, полученные в ходе работ, не были опубликованы, исследователи лишь упоминали о наличии фрагментов с оттисками сетки-плетенки [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 138–139].

В 2008 г. работы на памятнике проводились археологическим отрядом Сибирского федерального университета под руководством П. О. Сенотрусовой. На склоне высокой 15-метровой террасы левого приустьевого берега в границах д. Иркинеево был собран подъемный материал и выполнена зачистка. Находки представлены каменным концевым скребком, отщепами и чешуйками, фрагментами керамики, украшенной обмазочными валиками, а также фрагментами гончарной посуды [Сенотрусова, Мандрыка, 2015].

В 2017 г. во время полевых работ сотрудника ООО «Красноярская геоархеология» М. А. Глушенко на восточной периферии д. Иркинеево были обнаружены следы деревенского кладбища и выделен грунтовый могильник с предварительной датировкой XVIII–XIX вв. В 2018–2019 гг. западная часть этого объекта была повреждена при строительстве подъездных путей к мосту через р. Иркинееву. При обследовании могильника группой специалистов, при участии директора ООО «Красноярская геоархеология» Д. Н. Лысенко, в 2019 г. было выявлено несколько ярусов захоронений. Погребальные конструкции представляли собой дощатые гробы и долбленные колоды, а также разрозненные антропологические остатки, фрагменты кожаной обуви и крестельники [Учетная карта... «Иркинеево. Грунтовый могильник-1»].

В 2020 г. археологическим отрядом Сибирского федерального университета под руководством автора статьи проводились археологические разведочные работы в устье р. Иркинеевой, в ходе которых были осмотрены оба берега реки. Так, было осмотрено известное местонахождение по левому берегу, ранее известное как «Стоянка Иркинеево», или «Стоянка Усть-Иркинеева» (по работам П. О. Сенотрусовой). В ходе полевых археологических работ установлена протяженность памятника на 800 м от устья, а так-

¹ Стоит отметить, что Д. Н. Анучин описывает происхождение из окрестностей д. Иркинеево только одного предмета, в то время как в пояснениях к таблице указано, что были найдены три «символических изображений рыб». Исходя из этого, мы не можем точно утверждать, относятся ли все они к одному месту обнаружения.

1 – стоянка Иркинеево-2; 2 – стоянка Иркинеево; 3 – Иркинеево. Грунтовый могильник-1

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

Стоянка Иркинеево расположена в приустьевой части левого берега р. Иркинеевой, на 15-метровой террасе. По центральной части памятника проходит грунтовая автомобильная дорога с подъездом к мосту через реку. В южной части памятника находится д. Иркинеево, основанная в 1689 г. К северу от деревни и моста отмечается шесть оврагов, в них и был собран подъемный материал и выполнена зачистка. Обнаружены фрагменты стенок керамических сосудов с оттисками сетки-плетенки, фрагменты керамики с рядами наколов двузубчатого орнамента, украшенные ямками, а также один фрагмент гончарной керамики без орнамента. Собраны каменные отщепы и пластины. В зачистке борта оврага, в слое темно-бурой супеси, зафиксированы фрагменты керамики с оттисками двузубчатого орнамента и следы очага, заполненного мелкими обломками обожженных костей животных (рис. 2, 5–7).

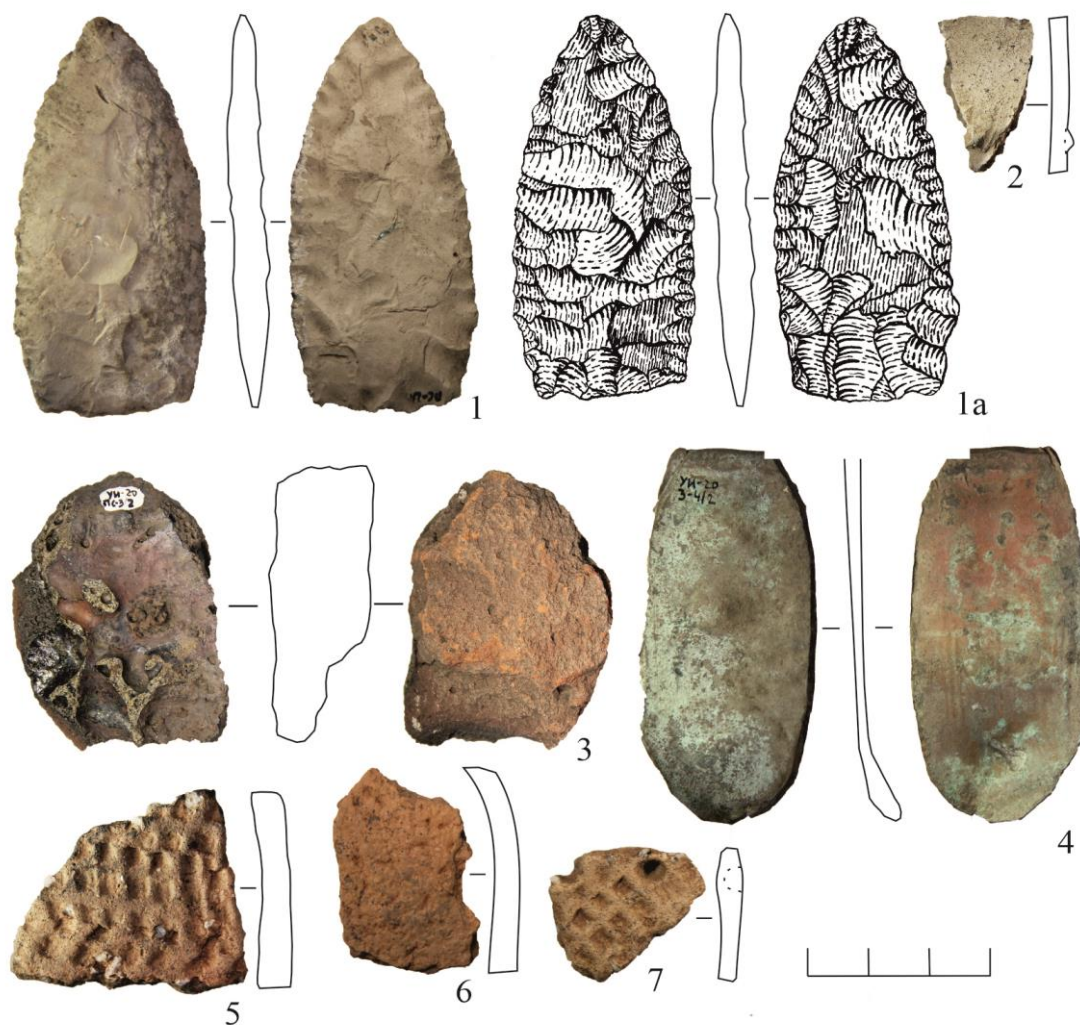

Рис. 2. 1–4 – стоянка Иркинеево-2; 5–7 – стоянка Иркинеево

Стоянка Иркинеево-2 открыта в 2020 г. на правом берегу р. Иркинеевой, в 1 км от устья, на 5-метровой надпойменной террасе. Стоянка размещена на неширокой (до 35 м) террасе, у уступа 270-метровой горы. Поверхность частично разрушена современными котлованами и грунтовой дорогой. На обнажениях размытого склона террасы найдены каменный нож из ангарского сланца с бифасиальной ретушью, фрагмент керамики, украшенный наклепным рассеченным валиком, куски ошлакованных стенок железноплавильного горна и обломки костей животных. В пойме обнаружена деформированная заготовка блесны из медного сплава (рис. 2, 1–4).

ОБСУЖДЕНИЕ

Обратимся к материалам, полученным в 2020 г., и находкам, зафиксированным в ходе исследований предыдущих лет. Керамика с оттисками сетки-плетенки, обнаруженная на стоянке Иркинеево, широко распространена в Средней Сибири на разных этапах неолита. В ходе работ 2008 и 2020 гг. не найдено венчиков с оттисками сетки-плетенки, что затрудняет их хронологическую идентификацию. В устье р. Иркинеевой керамика параболоидной формы с оттисками крупноячеистой сетки-плетенки, украшенная поясом ямок, была отмечена по результатам работ АЭ КГПИ [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 138–139], что предварительно позволяет отнести данный тип керамики к раннему неолиту (7800–5500 кал. л. н.) [Бердников, 2013].

В ходе работ П. О. Сенотрусовой на стоянке Иркинеево были отмечены фрагменты керамики с тонкими валиками. Тонковаликовая керамика характерна для археологических памятников раннего железного века [Мандрыка, 2011] и Средневековья [Фокин, 2008] на Среднем Енисее. В Северном Приангарье таким образом украшалась посуда раннего железного века и Средневековья, обнаруженная, например, на стоянке Итомиура [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2019], комплексе Проспихинская Шивера-IV [Бирюлева, 2016], стоянке Кода-3 [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015], а также на могильнике Пинчуга-6, расположенном в 12 км юго-восточнее устья р. Иркинеевой [Mandryka, Senotrusova, Dedik, 2021].

Обнаруженный на стоянке Иркинеево-2 каменный нож имеет аналогии среди материалов других памятников Северного Приангарья – стоянки Остров Каменный [Богучанская археологическая экспедиция... 2015, с. 420, рис. 421], второго культурного слоя стоянки Сергушкин-3 [Там же, с. 343, рис. 338] и др. Как отмечают авторы, материалы второго культурного слоя стоянки Сергушкин-3 схожи с предметами серовской культуры и датируются эпохой неолита [Герман, Леонтьев, 2011, с. 507].

Обращаясь к материалам, опубликованным Д. Н. Анучиным, стоит отметить, что каменные рыболовные стерженьки с полулунными выступами с обеих сторон характерны для китойской археологической культуры [Эверстов, 1988; Окладников, 1950]. В свою очередь, каменное янусовидное изображение рыбы из деревни Иркинеево А. П. Окладниковым было отнесено к серовской культуре [Окладников, 1950, с. 242, рис. 72].

Материалы русского времени были обнаружены ходе работ экспедиций Сибирского федерального университета в 2008 и 2020 гг. на обоих берегах реки. Так, фрагменты гончарной керамики и обломок железного кованого гвоздя, которые были найдены на левом берегу, относятся к периоду существования деревни Иркинеево, основанной в 1689 г. Медные блесны повсеместно обнаружены при раскопках русских поселений на севере Сибири XVII–XIX вв. [Визгалов, Лобанова, 2011], что позволяет отнести найденную в пойме правого берега реки блесну к русскому времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, учитывая, что в окрестностях д. Иркинеево не проводилось последовательных стационарных работ, на основании анализа опубликованных материалов и итогов работ 2020 г. можно отметить, что по обоим берегам р. Иркинеевой выделены многослойные стоянки эпохи неолита, раннего железного века, Средневековья и русского времени. Стоянка Иркинеево, открытая А. П. Окладниковым, имеет протяженность около 800 м, на ней выделены материалы эпохи неолита, раннего железного века, Средневековья и русского времени. В свою очередь, для стоянки Иркинеево-2 отмечены находки неолита, Средневековья и русского времени.

Сохранность памятников неудовлетворительная – культурный слой по обоим берегами реки был нарушен и уничтожен в ходе хозяйственной деятельности. Наибольший интерес представляют материалы эпохи неолита. Следует обратить внимание на изображения каменных рыб, относимых к китойскому и серовскому временам. Для выявления границ и определения культурно-хронологической принадлежности более перспективной стоянки Иркинеево целесообразны исследования с земляными раскрытиями в ее северной части.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Учетная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность «Иркинеево. Грунтовый могильник-1», составленная Д. Н. Лысенко 16.06.2019 // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д. Н. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – 1886. – Т. 1. – С. 35–46.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Ир-

кут. гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бирюлева К. В. Валиковая керамика Нижнего Приангарья в I тыс. н. э. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – № 5. – С. 226–232.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015 (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1). – 564 с.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов севера Сибири в XVII–XIX веках: скотоводство, рыбный промысел, охота // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 368–374.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 381–385.

Мандрыка П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны Среднего Енисея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2011. – Т. 10. № 3. – С. 118–126.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 64–78.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование (МИА, № 18). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I и II. – 412 с.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Итоги разведочных работ археологической экспедиции Сибирского федерального университета в Богучанском районе Красноярского края в 2007–2009 гг. // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 188–204.

Фокин С. М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск, 2008. – С. 210–214.

Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век – Новосибирск, Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 144 с.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O., Dedik A. V. Pinchuga-6 Burial Ground – a New Site of the Finale of the Iron Age in the Lower Angara Region // Theory and Practice of Archaeological Research. – 2021. – 33(3) – Pp. 116–124.

O. S. Komarova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

NEW ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN THE VICINITY OF THE IRKINEEVO VILLAGE

The article considers the results of the archaeological detachment of the Siberian Federal University in 2020 in the vicinity of the village of Irkineevo, which is located at the mouth of the Irkineevo River right tributary of the Angara River. The first archaeological finds have known here from the 19th century, and represented stone images of fish. The archaeological site Irkineevo, what located on the left bank of the river and opened in 1937 by A. P. Okladnikov, was investigate. The archaeological materials from the Neolithic to Russian times have discovered here. Archaeological finds of the Russian time connect with the village of Irkineevo, founded in 1689. The site of Irkineevo-2 discovered on the right bank of the river and dates from the Neolithic era of the XVII–XIX centuries AD.

Keywords: Lower Angara region, Neolithic, Early Iron Age, Middle Ages, stone images of fish, ceramics with the net impressed.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комарова Ольга Сергеевна, младший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет.

E-mail: helgainvers@gmail.com.

Komarova Olga Sergeevna, junior researcher, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	Алтайский государственный университет
АИЧПЕ	Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АЭ	Археологическая экспедиция
БНЦ УрО АН СССР	Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР
ВОАН	Выявленный объект археологического наследия
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИрГТУ	Иркутский государственный технический университет
ИЭА РАН	Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
КГПУ	Красноярский государственный педагогический университет
КГУ	Красноярский государственный университет
КемГУ	Кемеровский государственный университет
КККМ	Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛА СФУ	Лаборатория археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАН	Объект археологического наследия
ПГПИ	Павлодарский государственный педагогический институт
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СФУ	Сибирский федеральный университет.
ТГУ	Томский государственный университет

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск XI

Ответственный редактор
доктор исторических наук *П. В. Мандрыка*

Корректор *Л. А. Киселева*
Компьютерная верстка *К. В. Бирюлевой, Д. Р. Мазай*

На обложке:
бронзовая фигурка птицы из Косогольского клада,
рисунок Н. И. Бутусина

Подписано в печать 18.05.2023. Печать плоская. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15. Тираж 200 экз. Заказ № 18694

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru